

Повесть о прощении императора Феофила Д.Е. Афиногенов

Предисловие

Торжество Православия, великий праздник победы истинной веры над всеми ересями, до сих пор отмечаемый Церковью в первое воскресенье Великого Поста, в течение многих столетий связывался в сознании православных с сюжетом, современному человеку представляющемся чем-то совершенно легендарным – посмертным прощением, дарованным императору Феофилу. Эта книга призвана показать, каким образом восстановление почитания святых икон в 843 г. стало возможным не только в мистически-духовном плане, но и с точки зрения чисто земных, в том числе политических условий и взаимоотношений. При этом неожиданно оказывается, что за историями, которые кажутся порождениями литературного или фольклорного вымысла, иногда стоит больше реальности, чем за историческими рассказами, которым уже привыкли доверять.

Для того, чтобы читатель мог сам почувствовать уникальную атмосферу тех событий, в книге помещены несколько сочинений, непосредственно посвященных Торжеству Православия и его восприятию в Византии в первое столетие после 843 г. Центральное же место отведено «Повести о прощении императора Феофила», подлинный греческий текст которого печатается здесь по рукописи.

Данная работа представляет собой реализацию проекта, работа над которым началась в Институте высших исследований (Institute for Advanced Study) в Принстоне в 1998–1999 г.

Д. Е. Афиногенов Москва, 2003 г.

Введение

Вряд ли кому-либо из профессиональных историков придет в голову усомниться в том, что главная проблема исторического исследования – это правильное прочтение и интерпретация источников. Однако есть эпохи, для которых такое утверждение верно вдвойне и втройне, и как раз одной из них посвящена эта книга. Особенность же событий, о которых пойдет речь, заключается в том, что на первый взгляд они достаточно хорошо освещены, и, казалось бы, нет особых оснований подвергать сомнению существующую версию происшедшего. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что картина, с небольшими вариациями воспроизводимая в разных работах, как обзорных, так и более аналитических, не только не дает возможности понять движущие силы, стоящие за теми или иными из описываемых процессов, но зачастую и просто-напросто создает искаженное представление о случившемся. Поскольку основную часть настоящей работы занимает именно анализ источников, мне показалось целесообразным вначале остановиться на некоторых основных принципах, которыми я при этом руководствовался.

Первым и главным, несомненно, следует считать вопрос об «истинности» информации, извлекаемой из текстов. К сожалению, как раз здесь прогресс византиноведения за последние столетия был весьма неравномерным. На отдельных направлениях были достигнуты впечатляющие успехи, но общее положение остается все еще неутешительным. Дело в том, что многие ученые даже сейчас (не говоря уже о прежних временах) при анализе источников остаются в рамках элементарной дилеммы: говорит источник правду или нет? Развитие науки с такой точки зрения вроде бы выглядит логичным и поступательным, как гегелевская триада: от некритического доверия к гиперкритицизму, а затем – к умеренной критичности, но с презумпцией истинности источника (т. е. пока не доказано, что информация неверна, ей следует верить). К сожалению, эта замечательная схема игнорирует то обстоятельство, что тексты,

из которых мы черпаем сведения, в большинстве случаев создавались с совсем иными целями, чем те, для которых мы их используем. Поэтому самым проницательным из ученых, занимающихся Византией, иногда кажется, что их постоянно обманывают, и вся византийская словесность выглядит для них как сплошное «кривое зеркало». Как же можно справиться с этим затруднением, если, говоря техническим языком, на выходе в историческом исследовании все равно должна оказаться информация, которую историк с достаточными [11] основаниями полагает соответствующей действительности по нашим современным критериям, а вовсе не то, что могли считать истиной сами объекты изучения? Весь вопрос, разумеется, в качестве и количестве фильтров. В любом случае, как представляется, нельзя признать качественным и эффективным отбор информации по принципу «врет источник или говорит правду». Но какие же можно предложить альтернативные, желательно менее примитивные, способы преобразования свидетельств, почерпнутых из византийских текстов, в историческую реконструкцию, соответствующую требованиям современной науки?

Абсолютно необходимым элементом любого источниковедческого анализа, во всяком случае, применительно к Византии, должен, по моему мнению, быть тщательный и компетентный учет жанровой, т. е. литературной природы рассматриваемых текстов. Возьмем наиболее яркий пример – агиографию. Задача агиографа состоит вовсе не в том, чтобы сообщить читателю все, что он знает о своем герое, а в том, чтобы создать образ человека, достигшего святости и могущего служить образцом для подражания. Ясно, что о таких действиях святого, которые идут вразрез с этой целью или никак с ней не соотносятся, агиограф скорее умолчит, чем расскажет. В то же время очень часто имеются привходящие обстоятельства, которые заставляют автора жития сообщать сведения, не укладывающиеся в жесткие рамки целесообразности – скажем, когда временная дистанция невелика и какие-то факты из жизни героя слишком хорошо всем известны, или когда писатель «проговаривается» о чем-то интересном ему лично, но не

слишком релевантном для главной темы. Именно такая информация и бывает ближе всего к «объективной истине», которая нужна историку в наше время. Однако это вовсе не означает, что если агиограф говорит о жизни святого языком общих мест своего жанра, часто имеющих весьма отдаленное отношение к действительности, то он «врет». В агиографическом произведении обязательно должен присутствовать определенный идеал святости – и всем известный набор общих мест есть столь же законный материал для его создания, как и конкретные сведения о жизни персонажа. А вот если современный исследователь хочет использовать такое произведение как источник, он должен в совершенстве уметь отделять одно от другого. Ясно также, что агиограф, объясняя мотивацию тех или иных поступков своего героя, находится в довольно тесных рамках, предписываемых жанром, тогда как, скажем, на его современника – историка (и на современного ученого, между прочим, тоже) подобные ограничения не распространяются.

В отличие от биографий святых, основное предназначение которых по определению не связано с ограниченным временным промежутком, существуют жанры, обслуживающие только и исключительно [12] сиюминутные политические и идеологические интересы. Естественно, их авторы не считают себя обязанными проверять доходящие до них слухи и сплетни, порочащие то лицо или группу лиц, против которых эти сочинения направлены. Более того, для такого рода текстов действителен набор на сей раз негативных общих мест, унаследованных от античного риторического жанра «псогоса» (хулы или инвективы). Сортировать информацию, содержащуюся в этих произведениях, было бы очень просто, если бы не то обстоятельство, что сами памфлеты нередко маскируются под исторические сочинения. Кроме того, некоторые их элементы становятся органической частью, например, богословско-полемических трудов, где персональные выпады против конкретных оппонентов иногда можно встретить бок о бок с утонченной теологической аргументацией. Так, в византийской антииконоборческой полемике можно отчетливо

наблюдать растущую мифологизацию противника, которая побуждает некоторых современных исследователей ставить под сомнение вообще чуть ли не все, что сообщают нам об иконоборчестве сохранившиеся иконопочитательские источники. Самое интересное, однако, что подобные же приемы использовались друг против друга и вполне православными церковными деятелями, что не мешало им впоследствии мириться и всячески демонстрировать взаимное уважение.

И все же наиболее сложное положение для источниковедческого анализа возникает тогда, когда произведение одного жанра инкорпорирует сведения, взятые из текстов совсем других жанров, характеризующихся совсем другой степенью «образного переосмысления» действительности. Именно это произошло с писателями-историками, которые в середине X в. решили написать «каноническую», если можно так выразиться, историю предыдущего столетия, то есть рассказать о событиях, происшедших с 813 г. до своего времени по всем правилам данного литературного жанра, восходящим еще к Геродоту и Фукидиду. Когда эти до сих пор неизвестные нам по именам авторы принялись за дело (по поручению императора Константина VII Багрянородного), выяснилось, что для наиболее отдаленного времени, от которого не дошло личных воспоминаний современников, их единственными источниками могут служить жития святых, памфлеты, народные легенды, семейные предания и тому подобные тексты. В результате, несмотря на то, что сами историки вряд ли имели хоть какую-то личную заинтересованность освещать столь давние времена под неким определенным углом, они были вынуждены воспроизводить информацию, на которую очень большое влияние оказали уже забытые к тому моменту сиюминутные интересы. Понятно, что авторы X в. по большей части были не в силах разобраться, какие сведения более, а какие менее **[13]** достоверны (хотя к их чести нужно сказать, что такие попытки они предпринимали), и потому анализ их текстов предполагает не непосредственное отделение «зерен от плевел», а прежде

всего установление жанра, происхождения и полемической тенденции их утраченных источников.

Все вышеизложенное вовсе не означает, что современный историк может отвергать свидетельства древних источников только на том основании, что они не согласуются с его теориями. Такой подход в конечном счете ведет за пределы науки и в худшем случае оканчивается чем-то вроде «новой хронологии». Необходимо четко понимать, что сознательное искажение информации имеет место только по некоторым вполне определенным причинам, как правило, поддающимся отождествлению, и практически никогда не приводит к полному устранению данных, нерелевантных для автора, а потому максимально адекватно отражающих объективную действительность в нашем понимании.

В заключение нужно сказать несколько слов о предвзятости особого сорта, характерной в наибольшей степени для отечественной науки. К сожалению, некоторой части исследователей до сих пор присуще стремление подменить презумпцию истинности источника, имеющую, как следует из предыдущего абзаца, при определенных условиях право на существование, презумпцией «благих намерений». При этом подразумевается, что мотивы, которыми руководствовались политические и церковные деятели, причисленные за свои заслуги к лику святых, всегда находятся только в нравственно-метафизической плоскости. Естественно, с точки зрения неангажированной исторической методологии такой подход вообще не подлежит обсуждению. Однако хотелось бы заметить, что он выглядит странно даже изнутри того мировоззрения, на которое пытается опереться. Для византийцев, во всяком случае, было очевидно, что любой человек, независимо от степени своего совершенства, время от времени действует, исходя из вполне земных соображений (которые, однако, вовсе не обязательно отождествлять с греховными помыслами).

Как можно видеть, изложенные выше теоретические соображения лишь в минимальной степени сопровождаются ссылками на конкретные примеры из византийской литературы.

Это объясняется тем, что любая методологическая концепция по-настоящему проверяется не произвольно составленным набором казусов, но способностью приводить к обоснованным выводам из всей совокупности имеющегося материала, выводам, которые позволяют лучше понять взаимосвязь поступков и действий в какой-то определенный узловой момент истории. Поэтому судить, работает описанная методика или нет, необходимо на основании того, насколько убедительным окажется произведенный на ее основе анализ.

Глава I. Предыстория

Пытаясь разобраться в причинах и сути событий 843 г., исследователь неизбежно сталкивается с тем, что понять их в изоляции от предыдущих трех десятилетий византийской истории оказывается невозможным. Это обусловлено не только особенностями второго «издания» иконоборчества в том виде, в котором оно было возведено в ранг государственной идеологии императором Львом V, а затем реактивировано Феофилом, совершенно сознательно ориентировавшимся именно на этого государя гораздо в большей степени, нежели на собственного отца и предшественника на престоле Михаила II. Дело заключается еще и в том, что политическое развитие Восточной Римской империи в указанный период подчинялось некоторым закономерностям, проследить которые из-за состояния источниковой базы гораздо легче на примере предшествующих Феофилу царствований, нежели на примере его собственного. Как будет видно в дальнейшем, наблюдения, сделанные на материале, относящемся к несколько более раннему времени, позволяют вскрыть движущие силы процессов, кульминацией которых и явилось Торжество Православия и посмертная реабилитация Феофила.

Главную отличительную черту политической жизни Византии по крайней мере с начала правления императрицы Ирины (780 г.) и как минимум до начала X в. представляет собой явление, которое в данной работе для удобства именуется «правилом маятника». Эмпирические данные показывают, что восшествие на престол каждого следующего императора (с минимальными и легко объяснимыми исключениями), приводило к смене стоящих у руля власти аристократических групп, которое могло сопровождаться или не сопровождаться изменением приоритетов и общего курса правительства. Самое интересное, что здесь не играла роли даже принадлежность монарха к определенной династии – династической политики как таковой мы в это время в Византии не наблюдаем (хотя некоторые ученые явно или неявно постулируют ее наличие априори), а

вот переориентацию с линии, проводимой непосредственным предшественником на троне, на ту, которой, в свою очередь, придерживался его предшественник, иногда даже устраненный насильственным путем, как в случаях Льва V и Михаила III, видим постоянно. [15]

Следует сразу же заметить, что попытки выявить среди соперничающих группировок византийской знати IX в. некоторые «партии» с различной экономической и социальной базой до сих пор не были удачными. Экстраполяция из позднейших веков дихотомии «константинопольская бюрократия – фемные землевладельцы» не находит подтверждения в источниках, поскольку мы постоянно видим разных членов одной и той же семьи выступающими в обоих качествах. Однако византийское общество, как и любое другое, было структурировано не только группами интересов, но и борьбой за власть некоторого ограниченного числа влиятельных «кланов», то есть более или менее устойчивых сообществ, объединенных семейной, клиентской или союзнической лояльностью¹. Именно эти кланы, по крайней мере отчасти, и доступны идентификации. Вопрос же о том, стояли ли за разными кланами различные социально-экономические интересы, для нас принципиального значения не имеет. Во всяком случае, с точки зрения теории можно уверенно утверждать, что присутствие таких различий совсем не обязательно.

Итак, в Рождественскую ночь 820 г. в алтаре дворцовой церкви Большого императорского дворца в Константинополе группа заговорщиков, проникшая туда под видом клириков, буквально изрубила на куски императора Льва V, прозванного Армянином. Так окончилось недолгое (июль 813 – декабрь 820), но весьма бурное царствование этого несомненно незаурядного человека. Случилось так, что именно с последних лет правления Льва начинается тот период в византийской истории, от которого до нас практически не дошло собственно историографических произведений, созданных современниками. События этого времени реконструировались историками середины X в. по самым разнообразным источникам, в которых достоверные данные оказались перемешаны с

беллетристическими историями, пропагандистскими измышлениями (о реальной направленности которых к тому моменту было уже забыто) и попросту фольклорно-сказочным материалом. Разбор таких информационных завалов – дело чрезвычайно тонкое и требующее больших интеллектуальных усилий, но иного выхода у ученых нет, потому что верить на слово Продолжателю Феофана, Генесию и даже Симеону Логофету при нынешнем уровне наших знаний больше нет никакой возможности. К сожалению, однако, современная наука вместо того, чтобы избавляться от старых мифов, подчас занимается созданием новых. Здесь я попытаюсь хотя бы немного уменьшить количество всевозможных вымыслов в наших представлениях о том, что происходило в Византии в течение второго периода иконоборчества, и в [16] особенности о заговоре 820 г., его причинах и предыстории, вполне отдавая себе отчет в том, что из-за состояния источников любые реконструкции останутся в существенной мере гипотетическими.

Михаил Аморийский и жена Льва Армянина

Автор одной из последних работ, в которых детально исследуются царствования Льва V и Михаила II, У. Тредголд, выдвинул следующую версию взаимоотношений между этими двумя людьми ²: оба они были женаты на дочерях стратига Вардана Турка, причем жену Михаила звали Фекла ³, а Льва – Барка. В то время как Михаил любил свою супругу, Лев был недоволен Баркой, по-видимому, из-за ее походов на стороне, и развелся с ней вскоре после того, как стал императором ⁴. Затем он женился на Феодосии, дочери патрикия и квестора Арсавира ⁵. Михаилу этот брак был весьма не по душе, и отношения между ним и Львом, бывшие неприязненными еще до восшествия Льва на престол ⁶, стали откровенно враждебными.

Посмотрим, на каких источниках основана эта теория. Вот вкратце то, что сообщает Генесий:

Прорицатель, принадлежавший к секте афинган, сообщил стратигу фемы Анатолик, что Михаилу и еще одному из второразрядных офицеров (*kai tina eteron tvn deutervn*) суждено носить императорскую корону. Стратиг немедленно пригласил обоих на пир и выдал за них замуж своих дочерей, несмотря на их уверения в собственном недостойнстве ⁷.

Поскольку Михаил вышел на авансцену только в 802 г. при Вардане, который тогда был стратигом фемы Анатолик, а единственным, помимо него, помощником Вардана, который впоследствии стал императором ⁸ был Лев, Тредголд сделал вывод, что под «другим» офицером, которого Генесий не называет, имеется в виду Лев Армянин. Таким образом, исследователь [17] предполагает, что пророчество ⁹ оказалось полностью верным, а не «отчасти неправильным», как считал Бьюри ¹⁰. Однако если Генесий придерживался того же мнения, трудно объяснить, почему он не раскрыл вторую часть пророчества и не сказал прямо, что второй офицер был Лев. А вот если предположить, что историографу предсказание представлялось верным лишь отчасти, это будет очень хорошо

согласовываться с общим развитием сюжета в его повествовании. Перед этим Генесий рассказывает знаменитую историю о предсказании, которое дал Вардану Турку некий отшельник в Филомелии. Вардан, сам стремившийся занять императорский престол, пришел к иноксу узнать, каков будет исход его предприятия. Отшельник заявил, что сам Вардан кончит плохо, но двое из его подчиненных (Лев и Михаил) станут императорами, а третий (Фома Славянин) будет провозглашен, но вскоре убит ¹¹. Для нас здесь важна реакция Вардана. Поскольку он сам хотел стать императором, он был взбешен и пересказал пророчество Льву, Михаилу и Фоме в иронической манере, высмеив отшельника (то же самое пишет и Продолжатель Феофана ¹²). Очевидно, что если неназванного стратига Анатолика отождествить с Варданом, то эти две истории окажутся несовместимыми, потому что тесть Михаила, согласно первому рассказу, не имел никаких притязаний на престол и лишь хотел обеспечить себе милость будущего императора. В отличие от Вардана второй истории, он отнесся к предсказанию вполне серьезно. Поэтому, как кажется, для Генесия стратиг не был Варданом, а другой «второразрядный» офицер – Львом Армянином. Что же касается пророчества, сбывшегося лишь наполовину, то было бы вполне естественно, если бы еретик-афинганин изображался менее надежным предсказателем, нежели святой отшельник.

Такая точка зрения находит дальнейшее подтверждение в тексте Продолжателя. Вся вышеизложенная аргументация относится к нему в той же и даже большей мере. Рассказав историю об афинганине, стратиге и его дочерях ¹³, этот писатель пускается в рассуждения о предсказаниях будущего, которые он сравнивает со слепцом, кидающим камни, – некоторые из них, возможно, в конце концов и попадут в цель ¹⁴. Подобное сравнение было бы чрезвычайно уместно, если бы Продолжатель также воспринимал пророчество афинганина как верное лишь отчасти. [18]

Рассмотрим теперь следующий вопрос: действительно ли Лев и Михаил при Вардане занимали примерно одинаковые, «второразрядные» посты? Когда мы в первый раз встречаемся с

ними у Генесия и Продолжателя, они входят в ближайшее окружение Вардана без уточнения чинов. Однако когда они покидают его во время мятежа и переходят на сторону правящего императора Никифора I, Лев получает дворец Зинона в Константинополе и должность турмарха федератов – слишком высокий пост для человека, бывшего при Вардане «второразрядным». Михаил в то же самое время становится «комитом шатра» («komhV korthV»), по-видимому, в феме Анатолии ¹⁵ (это третий ранг среди военачальников каждой из фем), то есть занимает гораздо менее престижную должность ¹⁶. Здесь напрашивается вопрос: если Вардан одновременно выдал своих дочерей за Льва и Михаила, почему он не продвинул их обоих до примерно одинакового уровня, тем более что Лев (если это был он) на тот момент тоже, согласно Генесию, относился к «второразрядным», то есть не опережал Михаила по чинам в сколько-нибудь существенной мере? На самом деле уже при Вардане между Михаилом и Львом почти наверняка существовал значительный разрыв в чинах. Это и понятно. В отличие от Михаила или Фомы, Лев был благородного происхождения. Отцом его был известный патрикий Варда ¹⁷, а сам он приходился «exadeljoV» (двоюродным братом или племянником) Вриеню, сыну все того же Вардана Турка ¹⁸. Женитьба на дочери стратига для человека с подобной родословной не представляла собой ничего из ряда вон выходящего. Если же историю о [19] внезапном карьерном взлете Михаила в результате брака с дочерью стратига считать чистой беллетристикой (а это весьма вероятно), то придется предположить, что его продвижение по службе заняло в действительности много лет и могло начаться, когда Вардан еще не был стратигом фемы Анатолик. На каком-то этапе Михаилу действительно могла быть оказана милость в виде женитьбы на дочери стратига, но был ли этим стратиг Вардан, выяснить невозможно. Во всяком случае, ни один источник не называет Михаила родственником Турка и не упоминает о свойстве между Михаилом и Львом.

Хотя мы можем достаточно уверенно утверждать, что ни Генесий, ни Продолжатель не подразумевают под вторым

офицером Льва, это не обязательно относится и к их общему источнику. Однако даже если предположить, что предсказание афинганина изначально конструировалось как полностью «сбывшееся» *vaticinium post eventum*, существует и другое, столь же, если не более правдоподобное объяснение. Описывая отвоевание Крита византийцами под предводительством Никифора Фоки, хроника Псевдо-Симеона говорит, что остров был захвачен сарацинами, «потому что ромейские войска тогда были отвлечены мятежом и восстанием Морофомы, сотоварища Михаила» ¹⁹. Употребление клички «*Mwroqwtav*» указывает на древний, может быть, даже современный событиям, источник этого сообщения. Таким образом, Фома воспринимался как «*suntrojoV*» Михаила – очевидно, потому что они были товарищами по оружию в качестве офицеров фемы Анатолик.

Посмотрим еще раз на пророчество афинганина. Генесий, передавая его, употребляет слово *diadhmatojorhsein* (буквально «носить диадему») ²⁰, которое у этого автора означает «быть императором» ²¹, но само по себе достаточно расплывчато. Источник Генесия мог содержать столь же неопределенное выражение, применимое не только к императору, но и к тому, кто был провозглашен таковым и, следовательно, носил корону. У Продолжателя же Феофана афинганин говорит, что Михаил и его товарищ «вскоре прославятся и даже сподобятся царской власти» («*peribohtou esesqai met ou polu dihgoreue kai basileiaV authV epitucein ouk eiV makran*») ²². Историограф явно понял свой источник так, что императорская власть была предсказана обоим офицерам и отсюда заключил, что пророчество сбылось лишь отчасти. Однако слова «*peribohtou esesqai*»стораживают. Если общий [20] источник Генесия и Продолжателя Феофана хотел сказать, что обоим было суждено взойти на престол, то говорить о том, что они «станут знаменитыми», было бы излишне (согласно практически всем нашим источникам, Михаил стал широко известен лишь после того, как получил власть). Однако если изначальный смысл предсказания заключался в том, что они оба прославятся, но лишь один из них взойдет на престол, все выглядит очень

логично. Тогда ничто не мешает видеть во втором офицере Фому Славянина. В таком случае проблемы с разницей в чинах уже не возникает. При Льве Михаил становится турмархом федератов ²³, а затем патрикием и domestikом экскувитов ²⁴, тогда как Фома после повышения своего «сотоварища» занимает первую из названных должностей ²⁵. Учитывая, что, оставшись верным Вардану Турку, Фома пропустил повышение при Никифоре I, первоначальный ранг Михаила и Фомы можно считать примерно равным. Итак, предсказание афинганина, если оно и впрямь было придумано как совершенно правильное *vaticinium post eventum*, относилось скорее к Михаилу и Фоме, нежели к Михаилу и Льву ²⁶. В любом случае, историки X в. не поняли, кто имелся в виду под «еще одним из второразрядных», и восприняли пророчество как верное лишь отчасти. К сожалению, мы не имеем никаких сведений о жене Фомы и его свойстве с Михаилом. Супруга Фомы, должно быть, рано умерла, потому что у него не было детей и ему пришлось усыновлять своих предполагаемых наследников ²⁷ (этого бы не понадобилось, если бы у Фомы был хотя бы зять).

Альтернативную гипотезу предложил Д. Тернер. Не обсуждая истинность пророчества, он отождествил второго офицера со Львом Склиром ²⁸ (согласившись, таким образом, с Бьюри в том, что предсказание исполнилось лишь отчасти). Проблема «второразрядности» этим не [21] снимается, поскольку Склир, точно так же, как и Лев Армянин, происходил из знатного рода и служил в высоком чине в феме Еллада уже при императрице Ирине ²⁹. Тем не менее, заслуживает внимания мнение Тернера, согласно которому жена Льва также не имела ничего общего с дочерью Вардана, а Барка и Феодосия были одним и тем же лицом.

Теперь рассмотрим, действительно ли Михаил был недоволен браком Льва с Феодосией. Этот тезис основан на следующих замечаниях Генесия и Псевдо-Симеона:

Генесий: *oti tw Micahl parhn kai tolmhria glosshV meizwn thV kata gennaiothta panth grasuthtoV, laloushV parashma kai apeilounti tv kratounti olvV kaqairesin, autou te thn gamethn anosioiV gamoiV egkaqubrisai* ³⁰.

Псевдо-Симеон: autoV de [Μιχαὴλ] th tolmhria thV glwtthV ton Leonta wneidizen wV kaqairethn tw'n agiwn eikonwn, kai thn gamethn autou anosioiV gamoiV emmighnai, upolabwn [Λεὼν] auton antarsian meletan... ³¹

Текст Генесия вполне ясен. Он говорит, что Михаил грозил свергнуть Льва и обесчестить его жену, поскольку gamoi в данном контексте означает «сексуальную связь», а не «брак». Из этого вовсе не вытекает, что Михаил питал какую-либо неприязнь лично к Феодосии. Надругательство над женой Льва, скорее всего, должно было служить дополнительным оскорблением в адрес императора. Напротив, Псевдо-Симеон, употребляя инфинитив аориста emmighnai, указывающий на уже совершившиеся события и относящийся к слову «супруга», создает впечатление, будто Михаил поносил жену Льва за ее нечестивый брак. Однако при сопоставлении данных Генесия и Псевдо-Симеона следует иметь в виду, что, как показали Д. Моравчик и П. Карлин-Хайтер, именно Псевдо-Симеон пользовался Генесием как источником, а вовсе не наоборот ³². Небрежное заимствование легко могло породить искажение смысла (например, за счет пропуска глагола «угрожал»). Возможно и сознательное искажение в пользу Михаила, если судить по пояснению «как ниспровергателя святых икон» (wV kaqairethn tw'n agiwn eikonwn), которое явно добавлено в апологетических целях (вопрос о том, могло ли [22] это отражать какую-то реальность, будет рассматриваться ниже). Так или иначе, информация Генесия представляется более близкой к первоначальному источнику (но не обязательно к действительным событиям!), и предположение, что Михаил имел какие-то претензии к браку Льва V, лишается оснований.

Следует также подчеркнуть, что имя «Барка», судя по тексту, никак не могло быть настоящим именем жены Льва. Подробно останавливаться на этом нет необходимости, поскольку в «Словаре персоналий средневизантийской эпохи» отождествление Барки с Феодосией обосновано достаточно убедительно ³³. Можно только добавить, что у Прокопии, жены Михаила I, которая употребила это, по всей видимости, уничижительное прозвище, были все основания ненавидеть

Феодосию – ведь ее отец, патрикий Арсавир, оспаривал власть у отца Прокопии, императора Никифора I, организовав против него в 808 г. широкомасштабный заговор. Поэтому восхождение на престол мужа Феодосии означало, что род Арсавира в конце концов восторжествовал над родом Никифора.

Итак, принимая во внимание также отсутствие в каких бы то ни было источниках, включая крайне враждебные по отношению ко Льву Армянину, упоминаний о его разводе, – а противники императора, такие как патриарх Никифор, вряд ли упустили бы столь привлекательную пропагандистскую возможность – следует заключить, что Лев не разводился с женой, а все время жил с Феодосией. Соответственно, Михаилу Аморийскому не было никакого дела до их брака, поскольку в нем не было ничего предосудительного, а в свойстве со Львом V Михаил никогда не состоял.

Что же касается личных взаимоотношений между Михаилом и Львом, то этот вопрос необходимо исследовать в более широкой перспективе, установив вначале, в каком свете каждый из тех источников, к которым в конечном счете восходят дошедшие до нас изложения событий, был заинтересован представить Михаила II и обстоятельства, приведшие к его воцарению. Этим мы займемся в следующем разделе.

Михаил и Лев: преданность под подозрением

Продолжатель Феофана сообщает, что когда при Михаиле I Рангаве Лев Армянин был назначен стратигом фемы Анатолик, он возобновил старую дружбу с Михаилом Аморийским и сделал его своим доверенным приближенным ³⁴. Он стал также крестным отцом сына Михаила, [23] по-видимому, Феофила ³⁵. Когда же после поражения при Версиникии войско собиралось провозгласить Льва императором, а тот колебался и не решался принять корону, Михаил якобы угрожал убить его, если он не согласится занять престол ³⁶. Как следует интерпретировать этот эпизод? Свидетельствует ли он о разногласиях между Михаилом и Львом, как утверждает Тредголд ³⁷? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к текстам.

Продолжатель в своем обычном стиле предлагает два альтернативных объяснения поведения Льва, помещая то, которое ему кажется предпочтительнее, в конце. Выглядит это следующим образом: «То ли он ломал комедию (eite sknhnh outwV upokrinomenon), чтобы иметь оправдание на будущее, то ли вправду задумался над последствием своих действий..., а, главное, не знал, как он, стоя лагерем вдали и под открытым небом, сможет проникнуть во дворец» ³⁸. Затем говорится, что Льву было суждено царствовать, а потому некий злой дух побудил Михаила произнести вышеупомянутую угрозу и пообещать, что он сам проложит Льву путь во дворец. Генесий более краток и сообщает лишь о колебаниях Льва (не вдаваясь в психологические мотивировки) и об угрозе и обещании Михаила. Здесь мы уже сталкиваемся с одним из источников, которым пользовался общий источник Продолжателя и Генесия (далее *ОИ). С самого начала можно сказать, что он благожелателен по отношению ко Льву V, поэтому обозначим его для краткости *Л. Важно, однако, отметить, что уже в самом первом эпизоде, когда этот источник дает о себе знать в описании царствования Льва, он одновременно говорит и о

Михаиле Аморийском, приписывая ему важную и притом негативную роль.

Что же касается реальности, которая могла бы стоять за этими сообщениями, то к ней, по всей вероятности, относится первоначальный отказ Льва принять корону, поскольку об этом говорит и Феофан Исповедник ³⁹. Перед нами – не что иное, как ритуал *recusatio*, этикетного изъясления скромности перед принятием высокой должности ⁴⁰. Если информация *Л не полностью вымышлена, то Михаилу в этом ритуале была отведена [24] исключительно важная функция – он должен был сделать так, чтобы согласие Льва стать императором выглядело вынужденным. Естественный вывод отсюда – что Михаил считался одним из самых доверенных и преданных людей при будущем императоре. Напротив, какое бы то ни было существенное содействие Михаила вступлению Льва в Константинополь выглядит крайне сомнительно. Собственно говоря, даже из дальнейшего изложения Продолжателя и Генесия видно, что Михаилу Аморийскому и не понадобилось выполнять свое обещание, поскольку император Михаил I сдал столицу без сопротивления. Поэтому здесь мы можем заподозрить *Л в преувеличении роли Михаила в провозглашении Льва императором.

Итак, отношения между Львом и Михаилом в 813 г. были безоблачными. Неудивительно, что и в карьерном отношении царствование Льва было для Михаила чрезвычайно успешным. Как уже говорилось, из комита шатра фемы Анатолик он вначале стал турмархом федератов, а затем – domestikом эскувитов. Однако к 820 г. он впал в немилость, был арестован и приговорен к смерти. Что же произошло между ним и Львом Армянином? Наши источники, говоря об этом, рисуют совсем не столь ясную картину, как это иногда представляется.

В какой-то момент на Михаила пало подозрение в государственной измене, однако он сумел оправдаться ⁴¹. Это, как уточняет Продолжатель, случилось, когда он был еще турмархом федератов ⁴². Поскольку Михаил отнюдь не был красноречивым человеком, способным убедить кого-либо в своей невинности с помощью искусной риторики, приходится

предположить, что обвинения против него имели весьма шаткое основание. Это подтверждает и его последующее повышение до доместика экскувитов, очень важной должности в дворцовой страже ⁴³. Более того, к концу 820 г. родственники Михаила занимали такие ключевые посты как папий (комендант Большого дворца) ⁴⁴ и комит фемы Опсикий ⁴⁵. Затем наши историографы вновь предлагают две версии, которые четко различимы у Генесия, но смазаны у Продолжателя. Первая заключается в том, что Лев просто-напросто завидовал (baskainwn) Михаилу, а потому хотел умертвить его ⁴⁶. Вторая [25] версия гораздо занимательнее, так что неудивительно, что оба автора отдают предпочтение именно ей. Они говорят, что Михаил все время поносил Льва и всячески угрожал ему (соответствующие пассажи приведены выше). Много раз Михаила просили остановиться, но безрезультатно. Тогда император подослал лазутчиков, которые должны были доносить ему о высказываниях Михаила, и, установив, что тот не оставляет своих угроз, приказал арестовать его. Любопытно, что до ареста Михаила ни один источник ничего не говорит о каком-либо «заговоре». Бьюри предположил, что Михаил «несомненно, вел эти изменнические речи в присутствии избранных друзей» ⁴⁷. Но заговор либо был, либо его не было. В первом случае совершенно непонятно, почему арестовали только Михаила, а «избранные друзья» остались на свободе, хотя императорские шпионы, конечно же, проинформировали бы императора обо всех, замешанных в деле. С другой стороны, если у Льва были веские основания полагать, что за высказываниями Михаила не стоит никакой организованной группы, то заговора и не было. Это было бы более естественно, потому что все действия Михаила во время его царствования доказывают, что он не был до такой степени глуп, чтобы выдать существующий заговор невоздержанной болтовней. Конечно, вести такие речи в любом случае было не очень мудро с его стороны, однако подобное поведение характерно скорее для разочарованного соратника, нежели для хитрого заговорщика. Необходимо помнить, что из двух версий та, что говорит о неподобающих высказываниях Михаила, благожелательна ко

Льву и, вероятно, также почерпнута из *Л. Поэтому чрезвычайно важно отсутствие прямых обвинений в подготовке переворота и свержения Льва. На самом деле совсем не очевидно, что мы должны верить именно этой версии. Если же правильна первая точка зрения (что Льву не нравилась растущая популярность и влияние Михаила), то угрозы расправы в отношении императора могли быть просто приписаны Михаилу с тем, чтобы оправдать его арест и осуждение. Затем эта версия была, по-видимому, взята на вооружение составителями памфлетов против Михаила II (подробнее о них будет сказано ниже). По крайней мере один источник, современный событиям и несколько не предубежденный в пользу Михаила, ясно говорит, что последний был в числе тех известных людей, которых Лев заключил в темницу по ложному обвинению в государственной измене из-за зависти (baskainwn) к их выдающимся личным качествам ⁴⁸. Еще один первоклассный современный [26] источник, как кажется, дает понять, что Михаил изначально не был замешан в заговоре:

Некие сановники, составив заговор и словно ангелом руководимые, беспрепятственно вошли во дворец и зарубили его внутри молельни мечами... Михаил же был у него узником, закованный в две цепи, и тотчас освободив его, расправившиеся со зверем провозгласили его царем ⁴⁹.

Предположение, что Михаил не планировал переворота и убийства Льва до своего ареста, создает ряд трудностей, однако мне представляется, что они могут быть преодолены без особых натяжек. Основная проблема заключается в следующем: если Михаил не был участником широкомасштабного заговора, то как он мог угрожать своим товарищам тем, что выдаст их императору ⁵⁰? Здесь стоит внимательнее взглянуть на текст Генесия. Сюжет этой знаменитой истории таков. Лев V ночью посещает покои папия и застаёт его спящим на полу, тогда как заключенный Михаил спит в его кровати. Мальчик-слуга папия, прячущийся под кроватью, узнает императора по пурпурным сапожкам и рассказывает все своему хозяину и Михаилу. Те «составляют ловкий замысел»

(boulhn dokimhn episkeuazousi), заключающийся в том, что Михаил попросит исповедаться перед смертью и таким образом сообщит о плане своим друзьям. Исповедь должна была быть передана некоему подвижнику благочестия через Феоктиста, одного из самых верных слуг Михаила.

Эта история, а вернее, сказка ⁵¹, поражает количеством содержащихся в ней несообразностей. Зачем Михаилу нужны были какие-то уловки, чтобы снестись со своими сторонниками, если папий не был арестован и прекрасно мог сделать это сам? Почему Лев разрешил передать исповедь через Феоктиста вместо того, чтобы доставить священника (или монаха) прямо во дворец? Важно, однако, то, что в изложении Генесия заговор выглядит весьма похожим на импровизацию, а не на давно планируемое предприятие. Очень интересна последняя фраза: [27]

akribologhsamenoV gar tw Qeoktistw o Micahl ta thV epiqesewV, kai diaporqmeusaV krujiomustwV toiV kekoinwnhkosin autw thV enedraV baqelian diaskeyin, episcurizetai kat autwn thn kainwnian jwrasai tw anakti, eiper katamelhseian arti thV egceirhsewV . ⁵²

До сих пор ни о какой «засаде» (enedra) речи не шло, так что даже если род. п. enedraV зависит от перфекта kekoinwnhkosin, это выражение выглядит как пролепсис, в том смысле, что Михаил угрожал предполагаемым исполнителям его замысла тем, что, в случае промедления, расскажет императору об их участии в этом же самом замысле. У Михаила, по всей видимости, было много преданных сторонников (что само по себе могло служить веской причиной для «зависти» императора), и он мог выдать их Льву как участников заговора даже в том случае, если до этого момента никакого заговора на самом деле не было, поскольку получение вести от Феоктиста уже делало друзей Михаила его сообщниками. Разумеется, чисто теоретически можно сказать, что они всегда могли сдаться на милость императора, но на это легко возразить, что убить Льва было, очевидно, проще, чем отмываться перед ним от обвинений в измене (учитывая его подозрительность и тяжелый нрав).

Рассказ Симеона Логофета о тех же событиях гораздо менее колоритен, но не содержит противоречий, а потому внушает больше доверия. Согласно этой хронике, Михаил передал из заключения своим сообщникам (sumbouloi), среди которых был его родственник папий, что выдаст их, если они не постараются освободить его, и план заговора был приведен в исполнение. Опять-таки, слово *sumbouloi* вовсе не обязательно указывает на уже существующий заговор. Оно может означать группу близких друзей, которых Михаил мог достаточно правдоподобно обвинить перед императором в участии в заговоре. Позже Михаил продемонстрировал, что знает истинную цену такого рода обвинениям. Будучи схваченным, Фома Славянин был готов обличить многих сановников как своих тайных сообщников, но Михаил легко дал себя убедить, что не следует верить врагу против друзей ⁵³.

Официальное осуждение Михаилом убийства Льва V хорошо известно по его письму Людовику Благочестивому, где говорится: «Император Лев... был убит некими злодеями, устроившими против него заговор» ⁵⁴. [28] Насколько Михаил был действительно замешан в этом, можно определить, если мы установим, было ли данное заявление рассчитано исключительно на неосведомленных иностранцев, или же оно отражало некоторую пропагандистскую позицию, предназначенную также и для внутреннего употребления. В последнем случае единственная возможность для Михаила сделать официальную версию хотя бы потенциально правдоподобной была обусловлена наказанием по крайней мере непосредственных исполнителей убийства. Но до сих пор никто не подвергал сомнению информацию, сообщаемую как Генесием и Продолжателем, так и Симеоном Логофетом, что убийц Льва Армянина покарал Феофил немедленно после своего восшествия на престол ⁵⁵. Посмотрим, однако, что говорит об этом чрезвычайно ценный современный источник, опубликованный лишь недавно, а именно Житие Евфимия Сардского, написанное в 831 г. будущим патриархом Мефодием: ... *sjazetai o qhr para tou*...был убит зверь [Лев V – Д. А.] врагом *escrou kai ekdikhtou*и мстителем своим – ибо так

autou outw gar kalein tonсправедливо называть его преемника в
toutou diadoconполном соответствии с Писанием (ср.
grajikwtata dikaion, kaqotiПс. 8:3), поскольку, враждовав с ним до
ecqranaV eiV qanatonсмерти, тот, опять-таки, попытался
diekdikein auton palinотомстить за него, и в отношении своих
peiratai epi te touVсоучастников по мужеубийству, и в
sunandrojonouV, kai тоотношении его учения⁵⁶.
dogma autou

Я не вижу, какое другое значение может иметь выражение
diekdikein... epi te touV sunandrojonouV, кроме как то, что Михаил
II покарал убийц Льва Армянина. Мефодий, разумеется, не
испытывал никаких теплых чувств по отношению к Михаилу,
который посадил его в заточение и неоднократно приказывал
бичевать, так что причин искажать факты у будущего патриарха
не было. Можно было бы предположить, что Михаил наказал
лишь непосредственных исполнителей, тогда как Феофил –
основных действующих лиц заговора, если бы не тот факт, что
один из последних, Феоктист, не только не впал в немилость, но
и оставался среди высших сановников империи на всем
протяжении царствования Феофила и пользовался особым
доверием государя. Пассаж из Жития Евфимия (а конкретно
приставка sun- в слове sunandrojonouV) показывает, что
пропагандистские усилия Михаила не произвели особого
впечатления по крайней мере на часть византийцев, но это еще
не [29] доказывает, что убийство Льва готовилось его
преемником еще до ареста, а не было сымпровизировано в
безвыходной ситуации. Если же настоящий заговор был
организован, когда Михаил уже находился под арестом, то ему
действительно предоставлялась возможность отмежеваться от
убийства, что он явно и пытался сделать.

Одна из самых важных и трудноразрешимых проблем,
связанных с убийством Льва и воцарением Михаила,
заключается в следующем: была ли смена власти результатом
личных амбиций Михаила, в жертву которым был принесен
способный и энергичный правитель ⁵⁷, или же падение Льва
стало выражением серьезного и широко распространенного
недовольства его правлением среди византийской знати? ⁵⁸

Можно не сомневаться, что именно первая точка зрения последовательно проводилась *Л, информация которого попала в *ОИ, а затем к Генесию и Продолжателю. Отражает ли эта версия историческую реальность или мы имеем дело с чисто пропагандистской фабрикацией? Несколько факторов заставляют предпочитать второй ответ.

Во-первых, это известное замечание, которое будто бы высказал ссыльный патриарх Никифор, услышав о смерти Льва: «Римская держава потеряла великого, хотя и нечестивого, защитника» ⁵⁹. Дело в том, что истинная реакция Никифора на это известие до нас дошла. Вот соответствующий пассаж:

А чем обернулись для христорбца, который это задумывал и творил, его замыслы и какой конец имели его предприятия, громко возопиет жертвенник, который он гнусно осквернял и при жизни, ниспровергая его, и будучи справедливо умерщвляем, еще больше загрязнял и поганил потоком своей преступной крови. Поистине, злодей получил достойное воздаяние за оскорбления, нанесенные им Христу ⁶⁰. [30]

Не столько даже содержание, сколько эмоциональный накал приведенного высказывания не позволяют поверить, что Никифор действительно мог сказать о Льве что-либо хорошее. А если отзыв, сохранившийся в *ОИ, вымышлен *Л, то мы узнаём об этом последнем нечто чрезвычайно важное: этот источник, по-видимому, не был иконоборческим, раз высокая оценка покойного императора вложена в уста именно патриарха Никифора, негибавшего борца за иконопочитание ⁶¹.

Во-вторых, наряду с источником, благожелательным ко Льву (*Л), *ОИ пользовался некими сочинениями, направленными против Михаила (*М-). На сей раз мы располагаем прямой ссылкой, сохранившейся у Продолжателя Феофана (который, очевидно, имел к этим сочинениям не только косвенный, но и прямой доступ). После пространного описания пороков Михаила Продолжатель говорит: «Однако хватит об этом: божественные мужи достаточно осмеяли его в свое время (toiV kat ekeino kairou kekwmwdhmena qeioiV andrasi), и немало есть книг, выставяющих на позор его деяния» ⁶². Итак, историк черпал информацию из памфлетов, составленных некими

православными писателями в царствование Михаила или вскоре после его смерти (kat ekeino kairou). Но если мы вспомним о непропорциональном присутствии Михаила в *Л и примем во внимание иконопочитательское происхождение этого источника, элементарная логика заставит задуматься: а не тождественны ли *Л и *М-? В самом деле, если задачей *М- было очернить Михаила любыми средствами, убийство Льва предоставляло слишком богатые возможности для этого, чтобы отказываться от них только потому, что убитый император был иконоборцем. Тогда именно *М- был бы заинтересован изображать Льва Армянина замечательным правителем во всех отношениях, кроме правоверия (поскольку он был уже мертв, это не могло существенно повредить делу иконопочитания). Интересно, что характеристика Льва как талантливого правителя, который, несмотря на свое нечестие, был несравненно выше Михаила, как политический деятель, никак не отразилась в многочисленных агиографических источниках того времени. Авторы житий [31] единодушно отзываются о Льве как о ненавистном тиране, а Михаила рассматривают в качестве меньшего зла, хотя в большинстве случаев и не проявляют к нему никакой симпатии.

Анализ обвинений в адрес Михаила, приводимых Продолжателем Феофана ⁶³, подтверждает сделанный только что вывод о вероятном тождестве *Л и *М-. Дело в том, что среди длинного ряда еретических воззрений и поступков, приписываемых Михаилу и выглядящих на редкость неправдоподобно ⁶⁴, иконоборчество вообще не фигурирует. Особенно удивительно это выглядит при сопоставлении с Мефодиевым Житием Евфимия. В то время как будущий патриарх обличает слегка замаскированные иконоборческие взгляды Михаила, «божественные мужи» Продолжателя ничего об иконах не говорят, хотя враждебность к ним было бы легко представить как естественный результат склонности, которую император будто бы питал к иудейству. Однако наши памфлетисты умудряются не затронуть эту тему даже тогда, когда описывают, как Михаил подражал Константину Копрониму ⁶⁵. Таким образом, «божественные мужи» или обращались как к

иконопочитательской, так и к иконоборческой аудитории, или хотели избежать ситуации, в которой Михаил выглядел бы предпочтительнее в сравнении со Львом, что непременно получилось бы, если бы вопросу об иконах было уделено большее внимание. В любом случае, симпатия ко Льву опять оказывается тесно связанной с очернением Михаила.

Гипотеза о том, что именно целенаправленная пропаганда против Михаила оставила следы в тех рассказах о событиях 820 г. у Генесия и особенно у Продолжателя Феофана, где Лев изображен позитивно, подтверждается также анализом различных традиций о восстании Фомы Славянина, приводимых обоими историками. Хорошо известно, что одна из этих традиций, которую Лемерль назвал «малоазиатской»⁶⁶, говорит о Фоме как о почтенном и приятном человеке. Узнав о зверском убийстве [32] своего старого друга Льва, он восстал против Михаила, чтобы отомстить злодеям, а малоазиатские фемы присоединились к нему из ненависти к Михаилу. Лемерль выдвинул два основных тезиса: 1) «малоазиатская» версия предпочтительнее, потому что она «религиозно или политически не окрашена»; 2) не следует пытаться соединить отдельные элементы из «малоазиатской» и альтернативной ей «сирийской» версии – они исключают друг друга, и вторая из них должна быть отвергнута как фабрикация официальной пропаганды Михаила II⁶⁷. Первый из этих тезисов, как мы уже видели, совсем не столь уж убедителен, а второй – просто ведет в тупик. Очень странно, что Лемерля не насторожили некоторые явные нелепости в «малоазиатской» версии, например, замечание Генесия, что все войско фемы Анатолик якобы ненавидело Михаила «из-за его родины, которая вскармливает множество афинган»⁶⁸. Подразумевается, что стратиоты фемы Анатолик ненавидели Михаила не за что-нибудь, а за то, что он родился в столице их собственной фемы – городе Амории! Как бы то ни было, проблему решает другая фраза из Жития Евфимия Сардского:

...и из-за мятежника, уже раньше восставшего против его [Михаила – Д. А.] предшественника, я говорю о страшном Фоме

(... kai dia ton hdh proepanastanta apo tou pro autou antarthn, Qwman jhmi ton deinotaton) ⁶⁹.

Мефодий, конечно, был очень хорошо информирован о том, что происходило в Византии за 11 лет до того, хотя сам он и находился в то время в Риме. Он вернулся в Византию в 821 г., скорее всего, до того как Фома подступил к Константинополю в декабре того же года, и имел массу возможностей узнать о случившемся из источников, которые, несомненно, не зависели от официальной пропаганды императоров-иконоборцев. Что же до его отношения Михаилу, то Мефодий, пожалуй, – самый враждебно настроенный к нему автор из всех агиографов того времени.

Из приведенного фрагмента можно вывести два важных следствия. Во-первых, основной пункт «сирийской» версии, а именно, что Фома восстал против Льва, а не против Михаила, получает полное подтверждение (что, вообще говоря, и не удивительно, поскольку он обнаруживается в самых ранних источниках, современных событиям ⁷⁰). Во-вторых, [33] известие той же самой версии о том, что Фома бежал в арабский Халифат при Ирине и провел там 25 лет, оказывается ложным, как и полагал Лемерль. Слово proepanastanta в сочетании с предлогом apo, относящимся ко Льву V, показывает, что Фома служил у Льва и затем восстал против него, что Мефодий выражает, комбинируя значения глаголов ajistasqai (отпадать от кого-либо) и epanistasqai (восставать против кого-либо). Если Фома и вправду стал при Льве V турмархом федератов, а это подразделение в то время было переведено из столицы обратно в фему Анатолик ⁷¹, то данный пост был весьма удобен для того, чтобы поднять мятеж с помощью арабов, что и произошло. Таким образом, как указывает Х. Кёпштейн ⁷², мы имеем здесь дело с двумя интерпретациями, дружественной и недружественной Михаилу, причем обе они суть продукт пропаганды и сочетают правду с вымыслом. Чтобы понять, каким образом информация могла препарироваться в пропагандистских целях, взглянем на еще один пассаж, направленный против Михаила.

В последней главе второй книги своего сочинения, посвященной Михаилу II, Генесий говорит: «Михаил... несправедливо карая благочестивого Мефодия, заключил его в темницу на острове апостола Андрея... Феофил же предал жестокой смерти Евфимия, предстоятеля Сардской митрополии, бичевав его воловьими жилами» ⁷³. Продолжатель, очевидно, опираясь на свои памфлеты, рисует более яркую картину. Он пишет, что Михаил «подвергал всевозможным ужасам» монахов, заточал и ссылал прочих верующих. Затем следует такая фраза:

Потому-то и изгнал он из города Мефодия, вскоре потом занявшего патриарший престол, а также Евфимия – в то время Сардского митрополита, так как оба отказались подчиняться его воле и не отрешились от почитания икон. Божественного Мефодия он заключил в тюрьму на острове апостола Андрея..., а блаженного Евфимия, которого засекли бичами, предал смерти руками своего сына Феофила ⁷⁴. [34]

Другая традиция, рассказывающая о царствовании Михаила, представленная, в частности, Георгием Монахом и Симеоном Логофетом, вообще не упоминает об этих фактах. Житие Давида, Симеона и Георгия, излагающее благоприятную для Михаила версию восстания Фомы, достаточно подробно описывает арест Мефодия. Однако автор этого текста четко говорит, что «этот император [Михаил II] не причинил зла никому из святых, кроме только великого и божественного Мефодия, ... потому что тот тайно отправился в Рим» ⁷⁵. Эта информация абсолютно верна. Мефодий действительно нанес колоссальный ущерб отношениям с папским престолом как Льва V, так и самого Михаила. Поэтому арестовали его по политическим, а не религиозным мотивам ⁷⁶. Что же касается Евфимия, то теперь мы точно знаем из Жития, написанного Мефодием, что данные Жития Давида со товарищи относительно того, что экзекуция Сардского митрополита имела место при Феофиле ⁷⁷, также совершенно правильны.

Мы видим у Генесия и Продолжателя две стадии манипулирования фактами. Первый в данном случае не сообщает прямо ложных сведений, но, добавляя такие эпитеты

как «несправедливо» и «благочестивого», он наводит читателя на мысль, что Мефодий пострадал за веру, тогда как расположение фразы о Евфимии создает впечатление, будто Феофил засек митрополита до смерти еще в царствование своего отца ⁷⁸. Рассказ же Продолжателя, хотя и обнаруживает те же корни, что и информация Генесия, предстает уже, в сущности, как направленная против Михаила фабрикация.

Итак, результаты нашего исследования в том, что касается источников, можно кратко изложить следующим образом. Общий источник Генесия и Продолжателя Феофана опирался на две традиции: одну относительно благожелательную ко Льву и крайне враждебную Михаилу, а другую – относительно благожелательную к Михаилу и весьма враждебную Льву. Вторая традиция засвидетельствована и сочинениями IX в., такими как Хроника Георгия Монаха или Житие Никиты Мидийского Феостирикта, а первая восходит к памфлетам против Михаила II, составленным некими православными церковными деятелями. Продолжатель, в отличие от Генесия, имел и прямой доступ к этим памфлетам. Все свидетельства, которые изображают Михаила [35] неблагодарным кознодеем и безжалостным убийцей, лишившем Империю одного из лучших ее государей исключительно из-за собственной жажды власти, можно с большой долей уверенности отнести именно к первой традиции. Нужно учитывать, что обе традиции возникли в иконопочитательской среде, тогда как оба императора были иконоборцами, поэтому негативный фактор в нашей информации сильно перевешивает позитивный. Иными словами, представители первого направления не так сильно любили Льва, как ненавидели Михаила, и наоборот. Поэтому для того, чтобы получить хоть сколько-нибудь надежную реконструкцию, придется отобрать из первой традиции все, что говорит в пользу Михаила и против Льва и сделать прямо противоположное со второй традицией, а затем соединить полученные данные. Все остальное при этом останется под сильнейшим подозрением, если не найдет подтверждения в независимых источниках. Вышеописанная простая операция оставляет нам как минимум два твердо установленных факта.

Во-первых, то, что, согласно сообщению Продолжателя, «дворец кишел заговорщиками и злоумышленниками» ⁷⁹. Во-вторых, это начало восстания Фомы осенью 820 г. еще при Льве V. При таких обстоятельствах здравый смысл заставляет искать какие-то более глубокие причины для смены власти в Византии, нежели чьи-то личные амбиции. Что же касается роли Михаила II, то необходимо помнить, что его негативный образ почерпнут из памфлетов, жанра, для которого, в отличие от истории или агиографии, не существовало практически никаких ограничений на подтасовку или искажение фактов, а также на прямой вымысел. Поэтому скорее всего в 820 г. Михаил не готовил никакого заговора, а, самое большее, проявлял недовольство Львом, и лишь арест и прямая угроза казни спровоцировали его сторонников на физическое устранение императора. Однако для этого разочарование политикой Льва среди византийской правящей элиты должно было достичь критической точки.

Судьба Льва Армянина в свете его внутренней политики

К сожалению, из-за недостатка источников и поглощенности их авторов иконоборческими сюжетами те направления в политике Льва V, которые привели к столь сильному недовольству значительной части византийского общества, внешним выражением которого и стали, по более здравому рассуждению, восстание Фомы и константинопольский заговор, идентифицировать достаточно сложно. Самый очевидный способ это сделать – это сравнение [36] политической линии Михаила и Льва. Любопытно, что после подавления восстания Фомы Михаил чувствовал себя на троне весьма уверенно – у нас практически нет данных о заговорах в Константинополе или о репрессиях или тем более казнях по обвинению в измене за все оставшееся время его царствования⁸⁰. Даже памфлеты, в той мере, в какой они сохранились у Продолжателя, об этом молчат. Подобная ситуация представляет разительный контраст с царствованиями как Льва V, так и сына Михаила II, Феофила, чей постоянный страх перед заговорами засвидетельствован многими источниками (об этом еще будет сказано). Причиной такого положения было, по всей вероятности, то, что восшествие на престол Михаила привело именно к тем политическим изменениям, которых и ожидали противники Льва.

Иконоборческие мероприятия Льва, направленные на лишение руководителей Церкви возможности вести самостоятельную политическую игру, сами по себе вряд ли были главным фактором, не устраивавшим византийскую элиту. Многие агиографы и, самое главное, Михаил собственной персоной в послании Людовику Благочестивому указывают на то, что новый государь в общем и целом разделял отношение Льва к иконам и к политическому влиянию Церкви. Внешняя политика Льва Армянина, особенно во второй половине его царствования, была довольно успешной и даже включала такие заметные достижения, как 30-летний мир с болгарами, заключенный между 816 и 818 г. Только в одном отношении мы

видим крутую перемену немедленно после восшествия Михаила на престол. Это, конечно, прекращение преследования иконопочитателей. Михаил сразу же освободил всех узников совести, вернул ссыльных и в дальнейшем последовательно воздерживался от репрессивных мер. Показательна в этом смысле история, передаваемая Мефодием в Житии Евфимия Сардского. На аудиенции с видными представителями православного духовенства в начале 821 г. Михаил был оскорблен смелыми речами Евфимия и приказал его сослать. Однако не успели Евфимия доставить на корабль, который должен был увезти его в ссылку, как император передумал, вызвал Евфимия обратно и даже пригласил его принять участие в пиршестве вместе с остальными ⁸¹. Больше того, Михаил несколько раз пытался восстановить единство Церкви. Он предложил Феодору Студиту провести диспут между православными и иконоборцами, исход которого решали бы придворные, симпатизирующие иконопочитанию ⁸². Эти попытки, правда, успехом не [37] увенчались, потому что православная оппозиция не хотела и слышать о компромиссах с еретиками, однако сам тот факт, что император проявлял готовность отказаться от иконоборчества ради устранения раскола, весьма примечателен ⁸³. С этой точки зрения отказ Михаила восстановить православие на условиях оппозиции выглядит вполне логично, потому что эти условия включали полное низложение иконоборческого клира, а это могло в свою очередь привести к появлению большого количества недовольных. Умеренная и осторожная политика Михаила проявилась также в том, что в 821 г. он заменил на патриаршем престоле умершего Феодота Касситеру не Иоанном Грамматиком, ревностным иконоборцем, который при Льве рассматривался как очевидный преемник Феодота, но Антонием Силлейским, не замешанным непосредственно в преследованиях иконопочитателей.

Между тем, эти преследования, затронувшие многих членов ведущих знатных семейств, сами по себе явились следствием краха церковной политики Льва. Ситуация при нем зашла в тупик: новые репрессии только усиливали ненависть, которую

питала к императору значительная часть византийского общества, а тот, будучи человеком волевым и целеустремленным, не мог признать поражение и оставить провалившуюся политику. Как показали последующие события, множество мирян, включая высших сановников и придворных, которые вступили в общение с иконоборческим патриархом лишь под давлением, тут же вернулось в Православие, как только это стало безопасно (лидеры иконопочитателей проводили весьма мудрую тактику: они легко давали отпущение мирянам, но епископов, священников и диаконов принимали обратно лишь в качестве мирян). Этим тайным иконопочитателям не мог быть по душе режим террора, установленный Львом в отношении православных исповедников. Возможно, отдаленным эхом таких настроений и является цитированное выше сообщение Псевдо-Симеона о том, что Михаил бранил Льва «как ниспровергателя святых икон».

Наряду с этой важной и очевидной причиной для недовольства, возможно, не следует сбрасывать со счетов и другую, вытекающую из одного пассажа Георгия Амартола (заимствованного Логофетом в сильно сокращенном виде). Вот этот фрагмент:

И это он безжалостно и бесчеловечно творил против православных. А против сановников и богатых людей негодный и злоумышленный измыслил некую злую уловку, желая сделать их несчастными и [38] бедными. Ведь что он сделал? Он предъявил им некие неотклонимые вины и обвинения, ... чтобы в страхе перед ними те пренебрегли всем своим имуществом ради собственного спасения ⁸⁴.

Дальше идет уже упоминавшаяся фраза о «зависти» Льва к наиболее храбрым и талантливым людям, среди которых был и Михаил Аморийский. Из текста совершенно ясно, что эти две категории жертв страдали не из-за своих религиозных убеждений. Естественно, Георгий крайне тенденциозен, и было бы наивно верить ему на слово, но какая-то реальность за этими словами должна была стоять – ведь Феофил, которого хронист ненавидит не меньше, чем Льва, в подобных действиях

не обвиняется. Реальность эта заключалась, скорее всего, в том, что Льву часто приходилось прибегать к репрессивным мерам, включая членовредительство и смертную казнь. Это обстоятельство уже само по себе могло вызвать неприязнь у части политической элиты, потому что византийцы, как правило, недолгоблюдали императоров, которые слишком увлекались террором (достаточно вспомнить, как византийские историки описывают царствование Фоки или Юстиниана II).

Однако только ли спецификой характера Льва Армянина объяснялось его поведение? С методологической точки зрения правильнее было бы предположить, что император не был уверен в прочности своей власти. А это значит, что в византийском обществе были силы, оппозиционные Льву даже независимо от его конкретных политических шагов. Можно догадываться, что террор против православных исповедников и членов знати, заподозренных в измене, лишь повысил степень этой оппозиционности и привел к переходу на сторону указанных сил дополнительных групп сторонников, что и сместило равновесие резко не в пользу Льва. Кого же именно и почему опасался император? Ответить на этот вопрос достаточно сложно, и доля гипотез в данном случае будет особенно велика, но попытаться все же стоит.

Столкновение кланов

Чтобы понять, кто же противостоял Льву V в системе клановых взаимоотношений внутри верхушки византийского общества, проще всего будет рассмотреть, кто его поддерживал. Таким путем мы также можем выяснить, кто и почему был столь недоволен Михаилом, что сочинял против него памфлеты. По счастью, существенная часть работы по определению клановых связей Льва была уже проделана Д. Тернером. Один из его выводов, весьма важный для нас, состоит в том, что воцарение Льва не привело к смене находящихся у [39] власти группировок, за исключением того, что «остатки режима Никифора», включая Прокопию, жену Михаила I Рангаве, и, по всей видимости, магистра Феоктиста⁸⁵ (но не магистра Стефана⁸⁶) оказались теперь не у дел⁸⁷. Если царствование Михаила I знаменовало собой шаткий компромисс между силами, противостоявшими императору Никифору и частью прежней правящей клики, то приход к власти Льва означал конец этого компромисса и практически безраздельное господство кланов, которые можно условно назвать «армянскими» (среди них действительно было много армян). Именно к ним принадлежали Вардан Турок, Арсавир, Лев Склир и сам Лев V. Напротив, вскоре после воцарения Михаила II члены этих семейств исчезают с высоких постов (или же наши источники больше не упоминают о родстве с ними тех или иных персонажей, что само по себе показательно⁸⁸). Даже некий Склир, упоминаемый Продолжателем Феофана в царствование Михаила III, – это не византийский, а арабский военачальник⁸⁹.

Итак, Лев опирался на «армянскую» клику. Противостояли же ей такие могущественные силы как, например, род, из которого вышли патриархи Тарасий и Никифор⁹⁰, а впоследствии и Фотий⁹¹. Вообще, судя по [40] тому, с какой легкостью император Никифор I подавлял мятежи «армянских» кланов (ему даже не приходилось прибегать к казням и членовредительству⁹²), он пользовался поддержкой очень значительной части византийской аристократии, и эти люди не

могли быть довольны потерей влияния при Льве. Часть оппозиции в 820 г., несомненно, составили именно они. То, что при Михаиле II эта группа вернулась к власти, доказывается также следующим обстоятельством. Как известно, император Константин VI в свое время развелся со своей женой Марией и женился на фрейлине своей матери императрицы Ирины Феодоте. Никифор I принял сторону Марии и объявил второй брак Константина недействительным. Одновременно он изгнал из дворца братьев Феодоты, которые имели чин патрикиев ⁹³. Михаил I вернул их обратно одновременно с такими видными представителями «армянских» кланов как Лев Армянин и Лев Склир. Михаил же Аморийский женился на Евфросинье, дочери Константина от Марии. Этот династический брак не просто должен был подкрепить легитимность Михаила, как часто пишут, – это был четкий знак того, что к власти вернулась та клика, которая доминировала при Никифоре I.

И все-таки в оппозиции Льву оказались не только старые соперники. Ведь и Михаил Аморийский, и Фома Славянин, будучи людьми незнатными, находились в клиентских отношениях с кланом Льва. Значит, от этого императора отвернулась даже часть тех сил, на которые он первоначально опирался. Поскольку никаких других причин тому источники, даже крайне враждебные ко Льву, не приводят, остается считать побудительным мотивом такого поворота именно репрессивные меры по нейтрализации действительных или потенциальных противников. Косвенным подтверждением этой гипотезы могут служить истории о справедливости Льва, несомненно, восходящие к *Л ⁹⁴. В византийской практике демонстративное правосудие, как правило, оборачивалось публичными экзекуциями виновных и коррумпированных судей ⁹⁵. По-видимому, именно это имеет в виду источник, враждебный Льву, у Продолжателя Феофана: [41]

И не делал он уже различия между проступками малыми и большими, но для всех, кто бы в чем ни был уличен, существовал у него один приговор: усечение самых главных членов, кои вывешивались потом на всеобщее обозрение. Так он... вселил к себе ненависть и огромное отвращение ⁹⁶.

На сей раз, как, я надеюсь, показывает все вышеизложенное, с нашим историографом можно полностью согласиться. Стало быть, опора власти Льва в византийской политической среде, недостаточно прочная с самого начала, к концу его царствования еще более сузилась.

Но кто же был заинтересован в очернении Михаила II? Были ли это члены «армянских» кланов, оставшиеся верными Льву даже после его смерти, или же такое отождествление отражало бы лишь один аспект проблемы? Похоже, вернее второе. Вспомним «малоазийскую» версию восстания Фомы Славянина. Она явно восходит к *Л, но Фома изображен там положительно и факт его отпадения от Льва отрицается. Это можно объяснить следующим образом. Действительно, Фома восстал уже против Льва, но малоазийские фемы присоединились к нему лишь после воцарения Михаила. Это, по всей видимости, произошло именно после того, как тот продемонстрировал смену курса, женившись на Евфросинье. Тогда «армянские» кланы перешли на сторону Фомы, который получил возможность провозгласить себя мстителем за Льва. Так, мы достоверно знаем, что на сторону Фомы перешел племянник Льва Григорий Птерот (будучи перед тем сослан) ⁹⁷. Это значит, что объективно *М- (он же *Л) отражал точку зрения явных или тайных сторонников Фомы Славянина.

Кто же такие «божественные мужи»?

1. В предыдущем разделе мы нащупали несколько критериев, по которым можно попытаться найти авторов памфлетов против Михаила II. Перечислим их: Принадлежность к духовному сословию («божественные мужи»).

2. Семейно-клановые связи с «армянской группировкой».

3. Не слишком суровое отношение к Фоме.

4. Безусловное осуждение брака Михаила с Евфросиньей.

5. Неакцентирование темы иконоборчества при обличении Михаила.

Баришич предложил отождествить «божественных мужей» с Сергием Исповедником, автором несохранившейся хроники, очень краткое резюме [42] которой есть в «Библиотеке» Фотия (кодекс 67) ⁹⁸. Важнейшие слабые места этой концепции уже были отмечены Э. Кёпштейн ⁹⁹. Посмотрим теперь, отвечает ли личность Сергия вышеизложенным признакам:

1. С натяжкой. Сергей пострадал за Православие в царствование Феофила, но не был ни священником, ни монахом.

2. Нет. Даже если Сергей не был отцом патриарха Фотия, восторженный отзыв последнего показывает, что они должны были принадлежать к одной группировке.

3. Нет данных.

4. Нет данных.

5. Нет. Фотий называет произведение Сергия «Обличительное слово (sthliteutikon) против иконоборцев».

С учетом веских аргументов Кёпштейн, опирающихся на тщательный анализ текста Фотия (особенно убедительно противопоставление в «Библиотеке» *aqemita kai ebdelugmena erga* Копронима нейтральным *praxeiv* Михаила), кандидатуру Сергия следует отвергнуть.

Но есть в византийской литературе того времени еще одна личность, которая, как мне представляется, несколько больше подходит на роль автора или, скорее, вдохновителя

рассматриваемых памфлетов. Вот характеристики этого человека по всем пяти пунктам:

1. Да. Иеромонах, игумен, православный исповедник.
2. Да. Кузен Феодоты и ее братьев-патрикиев.
3. Да.
4. Да.
5. Да, насколько можно судить.

Имеется в виду не кто иной, как преп. Феодор Студит. Разберем подробнее отдельные пункты анкеты, начиная со второго.

2. Помимо родства с Феодотой и ее братьями ¹⁰⁰, как показал Тернер, Феодор поддерживал близкие отношения с «армянской» группировкой ¹⁰¹. В 847 г. когда правительство императрицы Феодоры хотело поставить на место жесткого и независимого патриарха Мефодия кого-либо поуступчивее, [43] список кандидатов выглядел так: Игнатий, сын Михаила Рангаве, чьи семейные связи со студитами хорошо известны, и Василий и Григорий, сыновья Льва V ¹⁰².

3. Именно студийского монаха послал император Михаил, чтобы вести переговоры о сдаче с уже упоминавшимся Григорием Птеротом ¹⁰³. В проповеди, сказанной в Константинополе во время осады города Фомой, Феодор говорит: «Здесь мы провозглашаем одного царя, а братья наши вовне – другого» ¹⁰⁴. Столь поразительно нейтральное заявление вселяет серьезные сомнения относительно безусловной лояльности Феодора Михаилу. В Житии Феодора, написанном монахом Михаилом (т. н. Житие В), сохранилось интересное сообщение:

Когда его [Фомы] тирания опустошила Асийскую страну, царский приказ собрал сторонников боговещанного патриарха Никифора в Константинополе – кесарь поступил так не из жалости к ним, но из страха, что некоторые из них могут присоединиться к шайке Фомы, так как тот, как говорили, принимал и почитал святые иконы ¹⁰⁵.

Этот пассаж выглядит как попытка что-то скрыть. Очень странно, почему это Михаил II приказал сторонникам сосланного патриарха войти в Город, а самого его оставил вне

городских стен, где ничто не помешало бы тому перейти к Фоме. У нас есть очень надежное свидетельство, что царский приказ касался не всех деятелей православного сопротивления. Феостирикт в Житии Никиты Мидикийского говорит: «Избегая его [Фому] и злодеев, все богоносные отцы вошли в Византии. Великий же святейший архиерей, – я говорю о Никифоре – призвав преподобного Никиту, держал его при себе» ¹⁰⁶. Очевидно, Михаилу было нечего бояться от Никифора и его окружения, потому что они были бескомпромиссно враждебны Фоме (по причинам, изложенным в 4-м разделе). [44] Это подтверждает то же самое Житие, где Фома назван «предтечей антихристовым» ¹⁰⁷ – весьма сильный эпитет для простого узурпатора. Так что император не доверял лояльности именно Феодора и его людей. Чтобы скрыть это обстоятельство, монах Михаил использовал два средства: он изобразил дело так, будто приказ касался всех православных исповедников, и одновременно привел не столь уж предосудительную для Феодора причину подозрений Михаила II.

4. Реакция Феодора на брак Михаила и Евфросиньи замечательно сформулирована в 74-м огласительном слове Малого оглашения. Оно озаглавлено: «Против Михаила, правившего нечестиво...». Игумен говорит, что император показал себя «сыном противления» (Еф. 5:6) «не только в извращении веры, но и женой, которую он взял незаконно» ¹⁰⁸. Далее Феодор сосредоточивает внимание на этом незаконном союзе. Естественно было бы ожидать здесь обличений нарушения монашеских обетов (Евфросинья была монахиней), неверности небесному Жениху и т. п. Вместо этого игумен начинает припоминать неблагоприятные поступки отца Евфросиньи Константина, хотя как раз она и ее мать были одними из главных жертв этих прегрешений. Создается впечатление, что Феодора раздражает не только и не столько нарушение канонов, сколько неверный выбор императором невесты (т. е. не из того клана).

5. Судя по тому, как вскользь упоминает Феодор «извращение веры», чтобы больше на нем не останавливаться,

иконоборческая ересь была в его глазах далеко не главным пороком Михаила.

Возникает, однако, сомнение: почему Феодор писал Михаилу со столь большим энтузиазмом, называя его «новым Давидом» и «вторым Иосией»? ¹⁰⁹ Эта проблема разрешается довольно легко. Как уже говорилось, Михаил изначально принадлежал к клану Льва, и для Феодора было естественно ожидать, что новый император сохранит политическую ориентацию своего предшественника, устранив все его эксцессы, включая иконоборчество и гонения на иконопочитателей. Именно такой исход был бы оптимален для той группировки, которую представлял Феодор. Однако Михаил, по-видимому, решил, что своим печальным концом Лев был обязан не только репрессиям, но и тем, что неверно выбрал себе опору среди правящей элиты. Как только это стало окончательно ясно после женитьбы на Евфросинье, тон Феодора резко изменился. Достаточно сравнить 418-е письмо игумена (начало 821 г.) с 532-м [45] (826 г.). В последнем остались только сухие этикетные формулы, по необходимости употребляемые в переписке с августейшими особами ¹¹⁰.

Итак, я предполагаю, что памфлеты против Михаила появились в студитской среде, возможно, во время восстания Фомы Славянина ¹¹¹. Изложение событий в них, как уже неоднократно говорилось, было подчинено сиюминутным пропагандистским целям и могло содержать какие угодно искажения. Поэтому ни одному сообщению, восходящему к *М-/*Л, без подтверждения независимых источников верить нельзя.

* * *

Подведем итоги. Они сводятся к нескольким простым тезисам. Гибель Льва V, скорее всего, была вызвана крупными просчетами во внутренней политике, настроившими против императора даже многих из его прежних соратников, включая Фому Славянина и Михаила Аморийского. Арест Михаила по ложному обвинению послужил лишь последней каплей, переполнившей чашу. Легенда о коварном и безжалостном заговорщике, из одного лишь собственного властолюбия

вероломно умертвившем замечательного правителя, да к тому же и своего благодетеля, была создана в пропагандистских целях представителями тех кланов византийской аристократии, которые оказались оттеснены от кормила в результате смены Михаилом политического курса в первой половине 821 г. Очень возможно, что непосредственными авторами памфлетов, содержащих, наряду с живописанием прочих пороков Михаила II, и эту легенду, были люди, близкие к Феодору Студиту.

Комментарии

Глава II. Действующие лица

Император Феофил

Сын и наследник Михаила II, которому предстояло стать одной из самых ярких личностей на византийском престоле, родился, как уже упоминалось, в г. Амории около 812/813 г. и был провозглашен соправителем отца в 821 г. в возрасте восьми лет. После смерти Михаила 2 октября 829 г. Феофил по желанию покойного отца некоторое время правил вместе со своей мачехой Евфросиньей, хотя продолжительность этого периода историкам установить не удастся. Во всяком случае, она не превышала нескольких месяцев. Затем Евфросинья, по своей инициативе или по принуждению, сложила с себя обязанности соправительницы и удалилась в ею же и основанный монастырь Гастрия в Константинополе. Феофил стал править единолично.

Главное затруднение, связанное с фигурой Феофила, для историка состоит в том, что император стал превращаться в полулегендарный персонаж уже через три-четыре десятилетия после смерти, наверняка не без помощи тех достаточно необычных процедур, которые сопровождали его посмертную церковную реабилитацию в 843 г. и нашли отражение в «Повести о прощении Феофила». При этом для времени его правления в нашем распоряжении нет столь информативных и достойных доверия источников, как «Хронография» Феофана Исповедника или переписка Феодора Студита, интенсивно использовавшиеся в предыдущей главе. Поэтому главной задачей этого раздела будет не последовательный рассказ о жизни и деятельности императора, но попытка выявить основные факторы, обусловившие направление его религиозной политики, и причины того, что она в конечном счете потерпела крах, признаки которого появились еще при жизни Феофила.

Выше уже говорилось о том, что первой же демонстративной акцией нового императора источники называют казнь убийц Льва V. Поскольку проверить достоверность этого сообщения нет никакой возможности и подвергать сомнению свидетельство Мефодия о наказании

Михаилом своих «соучастников в убийстве» оснований тоже не имеется, довольно сложно понять, какое конкретное действие стоит за этим рассказом. Возможно, кого-то из непосредственных исполнителей убийства Михаил пощадил, потому что они были его друзьями или еще по какой-то причине, сделав вид, что не знает об их причастности. Такая версия находит подтверждение в [47] самом тексте Продолжателя: из него ясно, что эти люди так и не дождались от Михаила наград за свой поступок и, более того, Феофилу пришлось устанавливать их личности с помощью хитрости ¹¹².

Продолжатель Феофана по своему обыкновению приводит две версии мотивов, которыми будто бы руководствовался император. Официальным, по его словам, было стремление к справедливости, которая требует, чтобы все преступники понесли заслуженное наказание, тогда как на самом деле Феофил боялся, что его постигнет та же участь, что и Льва, и хотел запугать потенциальных заговорщиков ¹¹³. Мы, разумеется, не обязаны принимать обе этих версии за истину, однако каждая из них несет в себе определенную весьма важную информацию. Во-первых, вряд ли можно сомневаться, что приверженность императора нелицеприятному правосудию была декларирована с самого начала. Во-вторых, Феофилу приписана боязнь заговоров. Обе эти темы найдут свое дальнейшее развитие в повествовании о Феофиле и у Продолжателя Феофана, и у Генесия, так что их с уверенностью можно определить как восходящие к *ОИ и в конечном счете, к источникам IX в. Но почему именно покойного Льва V Феофил избрал первым для демонстрации своей справедливости и беспристрастности?

Можно строить много догадок по этому поводу – например, соглашаться с Продолжателем Феофана или полагать, что мероприятие Феофила было пропагандистским актом, направленным на легитимацию Аморийской династии, чей приход к власти сопровождался довольно скандальными обстоятельствами ¹¹⁴. Можно также думать, что Иоанн Грамматик, близкий соратник Льва и воспитатель Феофила с детских лет, внушил ему глубокое уважение к убиенному

государю и желание отомстить за него. Допустимо и такое предположение (впрочем, столь же спекулятивное), что Феофил, выросший в Константинополе сначала при дворе, а затем и в самих императорских покоях, чувствовал большую близость ко Льву, человеку знатному, достигшему [48] престола благодаря своим заслугам, чем к собственному отцу, выходцу из низов, так до конца жизни и не освоившему правильный греческий выговор. Все это вполне вероятно, однако читателя, уже знакомого с «правилом маятника», не может не насторожить прямая апелляция к предшественнику своего предшественника в сочетании со столь явным совпадением декларируемых приоритетов в управлении государством. Действительно, кто как не Лев V не давал спуска нарушителям закона, невзирая на чины и звания?

Однако если «правило маятника» действительно здесь применимо, то переориентировка правительства с одной группы кланов на другую должна была бы проявиться и в иных аспектах, а не только в пропагандистских заявлениях и акциях. И вот, несмотря на скудость источников, такие подтверждения мы находим. Вспомним многократно упомянутого в предыдущей главе Фому Славянина, отношение к которому так хорошо помогало определить, интересы какой группировки отражал тот или иной автор. После смерти Михаила и воцарения Феофила к последнему явились бывшие сторонники Фомы из фемы Кивирреотов и пожаловались на то, что Иоанн Эхим, в прошлом еκ проswpou этой фемы, а ныне инок Антоний, после подавления мятежа конфисковал их имущество. Феофил велел Антонию явиться на суд и, несмотря на его заявления, что он преследовал упомянутых лиц как мятежников против покойного императора, присудил монаха к возвращению требуемых сумм ¹¹⁵. Примечательно, что репрессированные приверженцы Фомы имели смелость придти со своими претензиями именно к наследнику Михаила II, а не к нему самому, и наиболее естественное объяснение состоит в том, что правительственный курс заметным образом изменился при восшествии на престол Феофила, причем в направлении, благоприятном для тех, кто за десять лет до того поддерживал Фому как мстителя за Льва

против Михаила (хотя Фома поднял восстание еще при Льве, после убийства последнего он, без сомнения, позиционировал себя именно так).

Далее, весьма примечателен контраст между спокойным с внутривластной точки зрения правлением Михаила II после ликвидации мятежа Фомы Славянина и начавшейся вскоре вслед за восшествием на престол Феофила чередой заговоров, истинных и мнимых. Так, по данным наших источников трое из самых высокопоставленных приближенных императора – кесарь Алексей Муселе, Наср-Феофоб и Мануил – в тот или иной момент попадали в опалу, причем для Феофоба это кончилось печально, поскольку Феофил, уже заболев, опасался, что тот будет представлять опасность для малолетнего наследника ¹¹⁶. На самом деле Мануил не должен был [49] бы находиться в этом списке, но как раз его случай представляет собой великолепную иллюстрацию чередования доминирующих кланов при сменяющих друг друга императорах. Как сообщает Продолжатель Феофана, Мануил происходил из армян и при Льве V занимал чрезвычайно важный пост стратига фемы Анатолик. Затем историк рассказывает несколько занимательных историй о подвигах Мануила, в частности, о том, как он был ложно обвинен в измене, бежал к арабам, потом получил через Иоанна Грамматика заверения от императора в том, что все обвинения с него сняты, вернулся в Византию и снова занял высокую должность. Все это повествование носит ярко выраженный беллетристический характер и восходит, по всей видимости, к семейному преданию потомков Мануила или к некоей легендарной биографии, составленной в основанном им монастыре ¹¹⁷. Однако завершается рассказ о деяниях Мануила при императоре Феофиле следующей фразой:

Есть кое-кто, кто говорит, что Мануил бежал к арабам и возвратился стараниями Феофила, как сказано, но бежал не при Феофиле, обвиненный в измене, а при Михаиле Заике, его отце, то ли движимый ненавистью к нему, то ли боясь его давнего гнева ¹¹⁸.

Поскольку этот пассаж происходит не из легендарно-апологетического сказания о Мануиле, а из другого, явно не

столь ангажированного источника, содержащаяся в нем информация, как представляется, заслуживает доверия. В таком случае мы имеем совершенно ясную картину: видный представитель «армянской» группировки после смерти Льва V и смены курса Михаилом II бежит к арабам, а Феофил прилагает усилия к тому, чтобы вернуть его обратно и вверяет ему весьма ответственный пост доместика схол. Из предыдущей главы мы уже убедились, что именно такие перемены в судьбе высокопоставленных лиц, обусловленные их принадлежностью к той или иной группе кланов, и являются первыми признаками действия «правила маятника». Из истории с Мануилом можно сделать еще один весьма важный вывод: источник, из которого Продолжатель Феофана и Генесий (т. е. на самом деле их общий источник), а также Симеон Логофет почерпнули сведения о жизни этого сановника, отражал точку зрения «армянских» кланов. В византийской Церкви, как [50] уже было показано, интересы этой группировки были представлены прежде всего студитами и их окружением. В полном соответствии с данной теорией, у того же Продолжателя сохранился совершенно неправдоподобный рассказ о восстановлении иконопочитания, главными героями которого выступают магистр Мануил и студийские монахи ¹¹⁹.

Вернемся, однако, к теме заговоров. Помимо уже названных, список осужденных за государственную измену при Феофиле включает еще и такие заметные фигуры как императорский родственник Мартинакий (пострижен в монахи), войсковой логофет Георгий (казнен) ¹²⁰ и глава ведомства прошений (ο ἐπί τῶν δεήσεων) Стефан (после бичевания сослан с конфискацией имущества) ¹²¹. Кроме того, император держал при себе даже в военных экспедициях будущего патриарха Мефодия именно потому, что, по словам историка, боялся, как бы его не использовали в своих целях какие-нибудь заговорщики ¹²². Следует учитывать при этом, что в хрониках X в. названы по именам лишь немногие из сановников, репрессированных при Феофиле по обвинению в измене или заговорах. И здесь тоже вырисовывается очень показательная

параллель с режимом Льва V. Сравним два пассажа из одного и того же историка-современника:

Георгий Монах, р. 787, 20–788, 3: Георгий Монах, р. 803, 18–26:

И это он безжалостно и бесчеловечно творил против православных. А против сановников и богатых людей негодный и злоумышленный измыслил некую злую уловку, желая сделать их несчастными и бедными. Ведь что он сделал? Он предъявил им некие неотклонимые вины и обвинения, ...чтобы в страхе перед ними те пренебрегли всем своим имуществом ради собственного спасения. ...немало благочестивых мирян, чье имущество злосчастный и преступный тиранически отнял и одних умертвил, а других, предав многовидным и многообразным истязаниям и страшным карам, сослал, совершенно не повиновавшихся ни лести, ни угрозам и зловерию обманщика и негодяя ¹²³.

[51]

В левой колонке описаны репрессии при Льве V, а в правой – при Феофиле. Георгий четко указывает, что при последнем благочестивые миряне страдали именно из-за своей приверженности почитанию икон. Хотя это не обязательно соответствует действительности, поскольку преследования по политическим мотивам часто выдавались за религиозные гонения в том случае, если их жертвы были сторонниками священных изображений, сам факт репрессивной политики Феофила сомнений не вызывает. Весьма поучительно узнать, кто был одним из самых известных высокопоставленных мирян, пострадавших при этом императоре. Это не кто иной, как спафарий Сергей Исповедник, которого с серьезными основаниями отождествляют с отцом будущего патриарха Фотия ¹²⁴. Даже если допустить, что упоминаемый в синаксаре Сергей – это другой человек, отец Фотия в любом случае тоже был сановником и попал вместе со всей семьей в ссылку, где и умер. Здесь следует вспомнить, что Фотий приходился внучатым племянником патриарху Тарасию, то есть принадлежал к одному из самых влиятельных

аристократических семейств, оттесненных от власти при Льве V и вернувшихся к ней при Михаиле II. Таким образом, перед нами еще один превосходный пример «правила маятника». Это означает, что репрессивные меры Феофила и его боязнь заговоров были наверняка обусловлены теми же самыми причинами, что и очень похожее поведение Льва V, а именно конфронтацией с большой и сильной группой кланов, доминировавших при Никифоре и Михаиле II.

Только рассматривая вопрос в такой перспективе, можно объяснить некоторые особенности церковной политики Феофила, которые на первый взгляд кажутся странными. Прежде всего, это избирательность в гонениях на защитников икон. Далеко не все исповедники, пострадавшие при Льве V и остававшиеся в живых к тому моменту, когда Феофил возобновил преследования, вновь оказались их жертвами. Список тех, кто был сослан, подвергся бичеванию или заточению, достаточно велик и анализировать его детально нет необходимости, однако привлекает к себе внимание отсутствие в нем целого ряда весьма заметных фигур. Навкратий и Николай, ближайшие ученики Феодора Студита и будущие игумены Студийского монастыря, Афанасий, также ученик Феодора и будущий игумен Саккудиона, Игнатий, сын императора Михаила I и будущий патриарх – никто из них не был репрессирован. Любопытно, как рассказывает о карательной политике Феофила Продолжатель Феофана (Генесий в [52] соответствующих пассажах чрезвычайно краток, так что здесь можно заподозрить дополнительный источник у Продолжателя по отношению к *ОИ). В его сочинении развернуто излагаются четыре сюжета об иконопочитателях, подвергнутых наказанию. В двух случаях имена героев не названы вообще (три монаха-авраамита, некий ревностный инок), в одной истории речь идет об известном иконописце Лазаре, и еще в одной – о братьях Начертанных. Возникает вопрос: для чего рассказывать о неких безымянных исповедниках, если наличествовало достаточно много известных и сыгравших важную роль в восстановлении Православия людей ¹²⁵? Учитывая, что Лазарь получил

впоследствии известность как активный сторонник патриарха Игнатия, можно заподозрить здесь игнатианский источник, что было бы и неудивительно, так как документы, используемые Продолжателем в дополнение к *ОИ, весьма часто оказываются происходящими из студитско-игнатианских кругов. В таком случае весь этот рассказ о гонениях при Феофиле еще раз демонстрирует, что у упомянутых кругов не было особенно чем похвастаться в плане страданий за истину при иконоборцах ¹²⁶.

Исходя из вышеизложенного я предполагаю, что Феофил, возобновляя преследования по религиозным (точнее, религиозно-политическим) мотивам, извлек определенные уроки из неудачной политики Льва V. Если тот пытался принудить сторонников почитания икон войти в общение с подконтрольной императору иерархией, причем насилие применялось ко всем несогласным без разбора, то Феофил, насколько можно судить, стремился главным образом изолировать деятелей оппозиции, использовавших вопрос об иконах для того, чтобы ослабить правящий режим ¹²⁷. То, что такая подрывная деятельность велась еще до того, как император начал масштабные [53] репрессии, показывает Житие Евфимия Сардского. Из других источников известно, что гонение началось в 833 г. ¹²⁸, а уже за два года до того, в 831 г. появился памфлет, предсказывавший скорую смерть Феофила ¹²⁹ – излюбленная в те времена форма политической пропаганды. Ничего другого ожидать и не приходилось, потому что смена курса не могла не породить недовольство даже несмотря на то, что император не сразу порвал с компромиссной политикой своего отца в религиозных вопросах.

Тем не менее, в своих попытках заставить замолчать иконопочитательскую оппозицию Феофил проявил достаточно осторожности и избирательности, и потому императору, несмотря на жесткие и непопулярные действия, явно удалось сохранить поддержку основной массы аристократии, так что он удержал власть в своих руках до самой смерти и сумел передать ее Феодоре и Михаилу. Однако уже освобождение Мефодия из заключения ¹³⁰ и его размещение в императорском дворце показывают, что ближе к концу своего правления

Феофил стал предпринимать некоторые шаги, направленные на сближение с теми кланами, которые пострадали при смене правительственной ориентации в начале 830-х гг. Продолжатель Феофана рассказывает, что Феофил получил некое предсказание о том, что после него будут править жена и сын, и что при них произойдет восстановление священных изображений, а патриарх Иоанн будет низложен. Это очень огорчило императора, и он стал всячески требовать от Феодоры и логофета Феоктиста не смещать Иоанна и не поклоняться иконам ¹³¹. Конечно, предсказание можно отнести на счет легендарно-сказочного элемента, присутствующего в наших источниках в изобилии, однако упоминание в данном контексте логофета Феоктиста, которого Феофил еще при жизни назначил фактическим регентом при императрице, заставляет думать, что речь на самом деле идет о предсмертных распоряжениях государя. Если это действительно так, то император предвидел, как будут развиваться события после его кончины – а именно, что Иоанн и его иконоборчество будут первыми, чем пожертвует новое правительство.

Говоря о Феофиле, необходимо помнить, что он умер в возрасте всего 29 лет, когда несомненно бывшие у него задатки выдающегося государственного мужа еще не получили полного развития. Не исключено, что, осознав бесперспективность жесткого подавления **[54]** иконопочитателей, он со временем вернулся бы к политике относительной толерантности, проводившейся его отцом ¹³², так что в истории с покаянием императора на смертном одре есть некое зерно истины. Но в длительной перспективе попытка государства поставить под свой контроль Церковь с помощью иконоборчества была обречена на провал хотя бы уже в силу того, что второй из этих институтов не был подвержен явлению, условно именуемому здесь «правилом маятника».

Феодора

Будущая императрица родилась в знатной армянской семье из селения Эвисса в Пафлагонии, вероятно, около 815 г. Ее отец Марин, брат уже упоминавшегося выше Мануила Армянина, умерший до 829 г., был турмархом – может быть, в этой же самой феме ¹³³. Мать Феодоры звали Флорина или Феоктиста (возможно, перемена имени была связана с принятием монашества). Один из представителей этого семейства, как мы видели, занимал высокие должности при Льве V, а при его преемнике был вынужден бежать к арабам. Поэтому представляется весьма правдоподобным, что женитьба Феофила на Феодоре помимо всего прочего была такой же демонстративной акцией, как и в свое время брак Михаила II и Евфросины. Если это действительно так, причем примерно в то же время состоялась и казнь соучастников убийства Льва V, то это означает, что император объявил своим подданным о перемене политической ориентации правительства со всей возможной ясностью. В то же время вопрос об иконах Феофила, по-видимому, в тот момент не беспокоил, как в свое время Михаила – иконопочитательские убеждения Евфросины. Император не мог не знать о том, что семья его невесты привержена культу священных изображений, а влияния мачехи было, как мне кажется, недостаточно, [55] чтобы заставить Феофила сделать такой выбор, который шел бы вразрез с его собственными планами. Несмотря на молодость, император немедленно после восшествия на престол начал действовать решительно и без колебаний, так что в столь важном деле, как выбор жены, он вряд ли руководствовался бы чьим-то мнением, кроме своего собственного. Логично думать, что как не могло быть подсказано Евфросиньей возобновление альянса с «армянскими» кланами, так и кандидатуре девушки из иконопочитательского семейства предпочтение было отдано по другим причинам. Скорее всего, на тот момент это просто-напросто не являлось для венценосного жениха существенным обстоятельством.

С браком Феофила и Феодоры связан один сюжет, который невозможно обойти здесь молчанием. Это так называемые царские смотрины, на которых молодой император будто бы должен был избрать себе невесту из нескольких красивейших девушек со всей империи, и в знак этого отдать ей золотое яблоко. Среди соискательниц была некая Икасия (или Кассия). Вот что произошло, когда император увидел ее:

Император Феофил, пораженный красотой Икасии (вар. «восхитившись ее красотой»), сказал, что, мол, «Чрез женщину зло излилось на землю ¹³⁴». Она же скромно ответила как-то так: «Но и чрез женщину бьют источники лучшего». Он же, уязвленный ее словами в самое сердце, оставил ее, а яблоко отдал Феодоре.

Как нам удалось в свое время установить ¹³⁵, обе реплики этого красочного диалога заимствованы из гомилии на Благовещение Богородицы (BHG 1128f), что внушает сильные подозрения относительно историчности всего рассказа. Кроме того, исторической Кассии, прославившейся как сочинительница литургических песнопений, которая переписывалась с преп. Феодором Студитом (ум. 826) еще около 818 г. ¹³⁶, вряд ли было меньше 19 лет в 830 г., а Феофилу тогда было 18, и его потенциальная невеста, скорее всего, должна была быть младше, так что Кассия просто не попала бы в число кандидатов.

Другой источник, сообщающий о царских смотринах – это Житие Феодоры, памятник, тесно связанный с той же традицией, что и «Повесть о [56] прощении Феофила». Как будет показано в Главе IV, это относительно поздний текст, чья информативная ценность стремится к нулю. Поэтому никакого «конкурса невест», вероятнее всего, не было (хотя какое-то церемониальное действо с предрешенным финалом могло иметь место), а императорский выбор основывался никак не в меньшей степени на политических соображениях, чем на личных достоинствах кандидатки. Итак, 5 июня 830 г., на Пятидесятницу, Феодора была коронована августой в дворцовой церкви св. Стефана, после чего состоялось венчание в Св. Софии.

Даже если не принимать на веру занимательные истории, рассказываемые Продолжателем Феофана о том, как Феофил уличал жену в тайном хранении и почитании икон ¹³⁷, иконопочитательские симпатии родственников новой императрицы превратились в проблему уже в следующем, 831 г., когда упоминавшийся выше Евфимий Сардский на допросе по поводу приписываемой ему антиправительственной деятельности из всех своих знатных посетителей согласился назвать только мать Феодоры, Феоктисту-Флорину (видимо, не опасаясь, что та может подвергнуться наказанию) ¹³⁸.

Тредголд, возможно, прав, полагая, что именно этот эпизод спровоцировал Феофила на репрессивные меры против православной оппозиции ¹³⁹. И все-таки, даже если императрица в душе сочувствовала иконопочитателям, нет никаких оснований принимать на веру рассказы позднейших историков о том, что она бросала тайный вызов политике и убеждениям своего мужа. Считать, что Феодора всегда оставалась православной, только Феофил об этом не знал, было удобнее для всех – таким образом снимался вопрос о покаянии, которое всякий мирянин-иконоборец должен был по идее принести, возвращаясь в лоно иконопочитательской Церкви. С другой стороны, мы знаем вполне достоверно, помимо беллетристических прикрас, что личные отношения императорской четы были такими, каких только можно пожелать между мужем и женой. После рождения первых трех дочерей Феофил приказал отчеканить золотые номизмы, на которых на одной стороне были изображены он сам, Феодора и старшая дочь Фекла, а на другой – две другие дочери, Анна и Анастасия, при том, что для византийской практики монеты с портретами членов императорской семьи женского пола являются крайней редкостью. Феодора родила мужу семерых детей за одиннадцать лет (кроме названных, еще двух девочек – Марию и Пульхерию, и двух мальчиков, погибшего во младенчестве Константина и Михаила), и даже после этого сумела поразить своей красотой послов Кордовского [57] халифа ¹⁴⁰. В этой связи интересно, что не только Феодора стала в глазах

потомков образцом верной жены, но и легенда о Феофиле представляет его верным и любящим мужем ¹⁴¹.

После кончины императора 20 января 842 г. наиболее влиятельным человеком в государстве стал логофет и канцлер Феоктист. Немалую роль играли также братья Феодоры Варда и Петрона. Нужно подчеркнуть, что это был именно тот состав правительства, который Феофил утвердил на своем смертном одре. Поэтому последующие действия этого режима нельзя априорно рассматривать как разрыв с политикой покойного государя. Как мне представляется, в правление Феоктиста и Феодоры предпринимались лишь такие меры, которые были абсолютно необходимы для предотвращения возможных попыток свержения династии, но настоящей смены курса по «правилу маятника» не произошло до переворота Варды и Михаила в конце 855 – начале 856 г. Собственно говоря, ее и не могло произойти, потому что правители, каковы бы ни были их личные намерения, не могли себе позволить резких движений, не консолидировав свою власть в достаточной степени. Кроме того, если в свое время Феодора стала женой Феофила именно благодаря своим кланово-родственным связям, с ее стороны было бы естественно скорее опираться на них, чем пренебрегать ими. Поэтому немедленная амнистия, объявленная после смерти Феофила всем пострадавшим по делам, связанным со спором об иконах ¹⁴², отражала как, вероятно, собственные убеждения императрицы, так и осознание того, чем может обернуться конфронтация с влиятельной общественно-политической силой в отсутствие «сильной руки», когда официальным регентом была женщина, а наследнику оставалось еще очень долго до совершеннолетия.

Положение в 842–843 г. во многом напоминало то, которое сложилось после смерти императора Льва IV в 780 г. Тогда Ирина, чтобы удержаться у власти, вынуждена была заключить некое негласное соглашение с враждебной ее собственному клану частью византийской элиты, сделав той [58] существенные уступки, главной из которых был патриарший престол для Тарасия, о семейно-родовых связях которого здесь уже говорилось неоднократно ¹⁴³. Однако Исаврийская династия

к тому времени находилась у власти ни много ни мало 63 года (из которых 53 прошли под знаком иконоборчества), в то время как Аморийская династия правила только 20 с небольшим лет, что уже само по себе обуславливало сравнительно менее устойчивое положение правительства Феодоры, а следовательно, и менее выгодные условия, на которые оно могло рассчитывать.

Прекращением преследований и возвращением ссыльных было выполнено предварительное условие компромисса, который предстояло достичь, если Феодора и ее помощники хотели заручиться для малолетнего Михаила III поддержкой Мефодия и его сторонников. Последние, между тем, судя по двум независимым сообщениям Продолжателя Феофана и Жития Мефодия, были многочисленны при дворе ¹⁴⁴. С этого момента началась торговля, которая и продолжалась целый год до марта 843 г. Перипетии этих переговоров для нас сейчас невосстановимы, поскольку агиографов, информацию которых приходится здесь использовать, интересовало все, что угодно, кроме протокольной точности ¹⁴⁵, но контуры окончательного соглашения можно определить довольно четко. Основное требование, выдвинутое императрицей, состояло в следующем: покойный Феофил должен был быть вписан в поминальные диптихи Великой церкви как православный государь и ни в коем случае не фигурировать среди еретиков, подлежащих анафеме ¹⁴⁶. О том, насколько легко было Мефодию и его соратникам решить эту задачу, еще будет сказано в дальнейшем. Другое дело, что правительству Феодоры пришлось отдать взамен. Если считать, что в ответ императрица обязалась восстановить почитание священных изображений и более ничего (а такого мнения до сих пор придерживаются некоторые исследователи), то такая сделка не выглядит особо трудной или драматичной. [59]

В действительности, похоже, дело обстояло по-другому. Во-первых, одним из условий соглашения со стороны православной оппозиции было полное, безоговорочное и необратимое извержение из сана всего иконоборческого (то есть до сего момента проправительственного) клира, от епископов

до диаконов ¹⁴⁷. Во-вторых, патриархом должен был стать Мефодий – фигура, контролировать которую по вполне понятным причинам у регентов не было никаких надежд. Первое мероприятие могло привести к дестабилизации общества хотя бы уже из-за числа затронутых им людей (более двадцати тысяч). Это соображение, по-видимому, в свое время оказалось одним из главных для Михаила II, когда он в конце концов решил не возвращать патриарший престол Никифору. Напомним, что при Ирине, согласно решению VII-го Вселенского собора все клирики могли сохранить сан, если приносили положенное покаяние. И все-таки самым главным последствием такой уступки являлся прецедент для будущих конфликтов Церкви и государства. Последнее не смогло одержать победу, даже используя все имевшиеся у него ресурсы принуждения, а расплачиваться за неудачную попытку пришлось тем представителям духовенства, которые имели несчастье довериться светской власти. Впрочем, сама императрица Феодора, опять-таки в отличие от Ирины, не была властолюбива, и подобный результат заключенного ею компромисса, возможно, ее не беспокоил ¹⁴⁸.

Патриарх Мефодий

Мефодий, мирское имя которого нам неизвестно, происходил из богатого и знатного сицилийского рода и родился вскоре после 788 г. ¹⁴⁹. Будучи, по-видимому, еще совсем молодым, он прибыл в Константинополь, надеясь сделать придворную карьеру. Однако по каким-то причинам будущий патриарх переменял свое намерение и вместо этого принял постриг в монастыре Хинолакк в Вифинии (подобные вещи часто случались при изменении политической обстановки, но в данном случае отсутствие источников не позволяет даже делать предположения). Именно здесь, по [60] всей вероятности, он принял то имя, под которым остался в истории Византии и Православной Церкви – согласно общепринятой точке зрения, в честь сщмч. Мефодия Патарского (Олимпийского), который в VIII-IX в. был известен в основном приписанными ему пророчествами (т. н. «Откровения» в действительности были созданы в VII в.).

Мефодий довольно быстро занял высокое положение в окружении патриарха Никифора – к 813 г., то есть не будучи еще, вероятно, даже положенных 25 лет от роду, он стал его архидиаконом ¹⁵⁰. После низложения Никифора Мефодий отправился в Рим с чрезвычайно важной дипломатической миссией, которую выполнил с блеском, причем был и рукоположен папой в священники. Получив известие о гибели Льва V, будущий патриарх поспешил обратно в Константинополь с посланием папы Пасхалия, в котором тот, в частности, требовал восстановления на престоле Никифора. Михаил II расценил действия Мефодия как изменнические и заточил его сначала в дворцовую тюрьму Преторий, потом на о. Антигону (Принцевы о-ва в Пропонтиде), а затем, когда появился памфлет, предсказывавший смерть императора ¹⁵¹, – на о. св. Андрея у мыса Акритас, уже упоминавшийся в гл. I ¹⁵². Там Мефодий и пробыл в очень суровых условиях много лет, пока Феофил не вызвал его в Константинополь.

Во время своего заточения, несмотря на все ограничения, будущий патриарх не только занимался литературной деятельностью (в этот период им были написаны Жития Феофана Исповедника и Евфимия [61] Сардского), но и поддерживал связь с другими православными исповедниками. После смерти Никифора в 828 г. Мефодий слыл среди них богословом и знатоком Священного Писания. В результате авторитет его возрос настолько, что в 843 г. среди иконопочитателей не оказалось никого другого, кто мог бы рассматриваться как кандидат на патриарший престол в случае восстановления Православия. Однако этот авторитет явно основывался гораздо более на личных заслугах, нежели на «партийной» лояльности. Существовали и другие обстоятельства, которые, вероятно, облегчали для правительства Феодоры согласие на рукоположение Мефодия патриархом Константинопольским. Дело в том, что последний, будучи в какой-то степени пришельцем, не был связан кровнородственными узами с участвовавшими в борьбе за власть группировками византийской аристократии, в том числе и с той, которая имела все основания быть недовольной потерей части своего влияния при Феофиле. Среди ближайших соратников Мефодия тоже было много людей, не вовлеченных прямо в эту борьбу. К примеру, Михаил Синкелл и Феофан Начертанный прибыли из Палестины, то есть вообще из-за границы, а такие отшельники и подвижники как Иоанникий, Иларион Далматский и, возможно, Исайя Никомидийский держались в стороне от политики, несмотря на свои широкие контакты с представителями всех слоев общества, включая и правящую элиту.

Основным мотивом, которым руководствовался Мефодий, помимо приверженности делу иконопочитания, была, безусловно, его преданность патриарху Никифору. Но преданность эта носила не только личный характер. Лидер православной оппозиции, по-видимому, полагал делом своей жизни неуклонное достижение тех целей, которые когда-то ставил перед собой и перед византийской Церковью Никифор. В свое время тот сделал условием своего возвращения на

кафедре всеобъемлющее низложение иконоборческого клира – и Мефодий добился осуществления этого, казалось бы, нереального требования. С другой стороны, сама тотальность подобной меры, не допускавшей исключений, имела и другую сторону – нового патриарха нельзя было упрекнуть в лицеприятности по отношению к представителям какой-либо одной группы. Другое дело – конфликт со студитами, также коренившийся в стремлении Мефодия довести до конца начатую еще Никифором кампанию по искоренению внутрицерковной оппозиции, завершившуюся для последнего довольно-таки чувствительным поражением ¹⁵³. Поскольку лидеры студитов были тесно связаны с «армянской» группировкой, действия [62] патриарха были чреваты последствиями для хрупкого внутривластного равновесия. Но как раз такого поворота событий ни Феодора, ни ее помощники, похоже, не предвидели. Впрочем, для сюжета данной работы это не имеет значения – еще почти год спустя после восстановления иконопочитания Мефодий находился в прекрасных отношениях с преемниками Феодора Студита Навкратием и Афанасием ¹⁵⁴.

Хотя сам патриарх мог действовать исключительно в рамках предначертаний своего учителя Никифора, не строя далеко идущих планов, объективно значение его достижений для последующей истории византийской Церкви трудно переоценить. Отныне членам духовенства приходилось всерьез считаться с реальной вероятностью того, что, в какой-то момент предпочтя пожелания императорской власти интересам Церкви, они могут жестоко поплатиться при очередном развороте маятника. В то же время прямота и честность Мефодия проявлялась не только в жестких и бескомпромиссных мерах. Взяв на себя обязательство перед Феодорой легитимизировать посмертное прощение Феофила, патриарх сделал все от него зависящее, чтобы сделать это наиболее убедительным для общества образом. В дальнейшем будет показано, что это было вовсе не так легко, как казалось даже самим византийцам несколько столетий спустя.

Глава III. Торжество православия, прощение Феофила и историчность «повести»

После того, как императрица Феодора и ее помощники с одной стороны и Мефодий со своими соратниками с другой пришли, наконец, к соглашению и определили взаимные уступки, начался процесс восстановления иконопочитания. Нужно согласиться с Гуйяром ¹⁵⁵, что наиболее достоверную и подробную картину событий представляет «Повесть о перенесении мощей патриарха Никифора» Феофана Пресвитера, причем если французский ученый исходил из датировки памятника концом IX в., то автор этих строк склонен относить его ко времени жизни Мефодия, а точнее, к краткому промежутку между 15 марта и 11 июня 847 г. ¹⁵⁶ Итак, согласно этому произведению, вначале имело место совещание Феодоры с монахами, на котором было принято принципиальное решение о восстановлении Православия. Затем императрица повелела созвать собор «в некоем отведенном дворцовом помещении» ¹⁵⁷ (по другим источникам мы знаем, что это было помещение Каниклия, то есть той самой императорской канцелярии, главой которой был регент Феоктист ¹⁵⁸), на котором Иоанн Грамматик был низложен, а на его место избран Мефодий. Собор торжественно подтвердил вероучительные определения VII Вселенского Собора. Проблемы с рукоположением православного епископата на сей раз не возникло, поскольку был жив по крайней мере один епископ, получивший хиротонию от Никифора и не запятнавший себя евхаристическим общением с еретиками (Антоний Диррахийский). Можно предполагать, что Мефодий был рукоположен в воскресенье 4 марта 843 г., в воскресенье Сырной седмицы (в России называемом также «Прощеное») – kuriakh thV Turojagou.

О литургических действиях, которые происходили в течение последующей недели, т. е. первой седмицы Великого Поста, известно только [64] из «Повести о прощении Феофила». К этому вопросу мы еще вернемся. Пока же необходимо проанализировать церемониальный сценарий того самого

воскресенья 11 марта 843 г., с которого по традиции и начались ежегодные празднования Торжества Православия. Для начала следует заметить, что точка зрения, связывающая введение этого праздника именно с этим днем или даже, менее конкретно, с патриаршеством Мефодия ¹⁵⁹, оказалась в самом конце XIX в. поставленной под сомнение ¹⁶⁰. Основанием для этого послужило то обстоятельство, что Патмосский кодекс типикона Великой Церкви (Patmiacus 266, сигл Р), переписанный после смерти патриарха Игнатия (23 октября 878 г.), не содержит для первого воскресенья Великого Поста никаких празднований, кроме воспоминания пророков Моисея, Аарона и Самуила ¹⁶¹. Самое первое упоминание о Торжестве Православия обнаруживается в так называемом Клиторологии Филофея, датированном 899 г. ¹⁶². Расхождение между весьма устойчивой византийской традицией и данными типикона ученые пытались объяснить по-разному ¹⁶³, причем данные «Повести» для этого не привлекались. Как бы то ни было, по поводу главной церемонии праздника, а именно торжественной процессии духовенства во главе с патриархом и при участии императоров, разногласий в науке до сих пор не было. Действительно, несколько источников рисуют достаточно подробную картину. Напомним вкратце сообщаемые ими данные.

1. Общий источник Генесия и Продолжателя Феофана, многократно упоминавшийся в предыдущих главах. Рассказ второго историка полнее и выглядит следующим образом:

[Православные], получив Церковь, отдали святейшему Мефодию чин первосвященства и в первое воскресенье святого поста вместе с самой госпожой совершили всенощное песнопение в святом храме всесвяти Богородицы во Влахернах, а утром с молениями отправились в Великий храм Слова Божия ¹⁶⁴. [65]

2. Клиторологии Филофея говорит о прибытии из Влахерн процессии, в которой император, по-видимому, участия не принимал ¹⁶⁵. Затем следует Божественная литургия (очевидно, в Св. Софии) и праздничный прием в патриархате.

3. Император Константин Багрянородный в книге «De ceremoniis» посвящает празднику Торжества Православия целую главу (ее русский перевод помещен в Приложении ¹⁶⁶), в которой процессия описана весьма детально. Согласно Константину, в субботу вечером патриарх с другими архиереями и прочим клиром уходил во Влахерны, где происходило всенощное бдение в храме пресвятой Богородицы, а поутру духовенство шло по улице Меса в Св. Софию, и уже там к нему присоединялся император.

Ни Клиторологии, ни Константин Багрянородный нигде не говорят, что ритуал в точности воспроизводил события 843 г, но ввиду свидетельства историков X в., приведенного первым, это всегда принималось без обсуждения. Между тем, если обратиться к «Повести о прощении Феофила», мы найдем там совершенно другую картину. Напомним соответствующий пассаж из этого произведения:

И в Великой Церкви Божией собралось неисчислимое множество. Прибыл и сам император Михаил вместе со святой и православной своей матерью и всем синклитом, причем каждый из них нес в руках по царской свече. И соединившись со святейшим патриархом и вместе с литией отправившись от святого жертвенника со святыми иконами и святым Евангелием, они дошли в литании до царских врат, называемых Ктенарийскими (μεγαλὴν τὴν βασιλικὴν πυλὴν τὴν καλομένην Κτεναρίων), и после усердной молитвы, сказав с сокрушением и многими слезами и стенаниями «Господи, помилуй», они вернулись в святой храм с большой радостью и торжественностью, совершив божественную и таинственную литургию.

Вполне понятно, почему этот рассказ до сих пор практически не привлекался для реконструкции торжественной процессии 843 г. Выражение «до царских врат, называемых Ктенарийскими» ставит исследователя в тупик, поскольку «царские врата» в византийской практике – это исключительно центральные двери, ведущие из притвора (нартекса) в основное помещение храма (в современной искусствоведческой терминологии – наос). Но если в Св. Софии были только одни

такие врата, зачем давать им какое-то дополнительное топографическое обозначение? [66] Кроме того, если процессия дошла только до царских врат, то есть не выходила из храма, то как она могла потом в него «вернуться» (upestreyan)? Все это заставляет в лучшем случае подозревать безнадежную порчу текста уже на очень ранней стадии, а в худшем – вообще отказываться от использования данного источника. Современные ученые в основном выбирали второй вариант.

Однако оценивая надежность и древность сведений, предоставляемых «Повестью» относительно литургических действий, происходивших 11 марта 843 г., необходимо принимать во внимание еще одно обстоятельство, которое долгое время не попадало в поле зрения ученых, поскольку рукописной традицией нашего текста никто всерьез не занимался, а относительно взаимоотношения его различных редакций господствовала, на мой взгляд, ошибочная точка зрения (подробнее этот вопрос освещается в следующей главе). Дело в том, что в лучших и древнейших рукописях «Повесть» имеет следующее заглавие: DihghsiV peri twn agiwn kai septwn eikonwn kai dia ti parelabe ethsiwV telein thn orqodoxian th proth kuriakh twn agiwn nhsteiwn h agia tou Qeou kaqolikh kai megalh ekklhsia. (Повесть, рассказывающая о святых и честных иконах и о том, как и по какой причине святая Божия соборная и Великая Церковь приняла ежегодно справлять Православие в первое воскресенье Святого Поста ¹⁶⁷). Формулировка «соборная и Великая Церковь» неопровержимо свидетельствует о том, что во время создания этого текста праздник Торжества Православия еще не получил общецерковного распространения, а отмечался только в константинопольском храме Св. Софии. Данный факт может служить простым объяснением того, что этот праздник не упоминает рукопись Р типикона Великой Церкви, поскольку, как установил сам Х. Матеос, «рукопись Р не предназначалась для использования в какой-то из константинопольских церквей» ¹⁶⁸ . Подобного рода копии, делавшиеся для провинциальных церквей, могли не сразу учитывать изменения в богослужебном календаре, если те не носили общеобязательного характера, а относились лишь

к Св. Софии Константинопольской. Таким образом, получается, что «Повесть» – единственный дошедший до нас источник, прямо зафиксировавший эту раннюю стадию бытования «Недели Православия», и, стало быть, к содержащейся там информации следует отнестись с особым вниманием. [67]

К счастью, до нас дошла другая версия той же Повести, содержащая некоторые существенные отличия и интерполяции (как будет показано в следующей главе, по текстологическим соображениям эту версию следует считать более поздней, нежели опубликованная Комбефисом). Древнейшая рукопись этой неопубликованной редакции (Vaticanus Graecus 1595) относится к рубежу X и XI вв. ¹⁶⁹ Вот как выглядит интересующее нас место в ватиканском кодексе (л. 198, левый столбец):

...и в Великой Церкви Божией собралось неисчислимое множество народа, так что не было места даже у дверей. Прибыл и сам царь Михаил со святой и православной своей матерью, и всем синклитом, причем каждый из них нес по царской свече. И соединившись со святейшим патриархом и вместе с литией отправившись от святого жертвенника, и честного Креста, и святого Евангелия, они дошли в литании до царских врат, выйдя до храма славной Владычицы нашей Богородицы Халкопратийской, отправившись и до колонны форума великого Константина (mecri twn basilikwn pulwn, exercomenoi ewV tou naou thV endoxou despoinhV hmwn qeotokou twn Calkopratiwn, aparanteV kai mecri tou kionoV tou jorou tou megalou Kwnstantinou). И после усердной молитвы... (далее идентично).

В таком виде текст уже не содержит внутренних противоречий и вполне четко соотносится с известными топографическими реалиями Константинополя. Если выйти из «царских врат» Св. Софии и некоторое время идти строго по прямой, в византийские времена можно было попасть как раз к церкви Богородицы Халкопратийской, известной своей чудотворной иконой Христа Антифонита (что немаловажно в данном контексте). Следует подчеркнуть, что интерполированная версия «Повести» сохраняет в заглавии

формулу «соборная и Великая Церковь», что связывает ее с ранней стадией в истории праздника Торжества Православия. Более того, такого рода изменение первоначального текста могло быть внесено лишь человеком, который был осведомлен о маршруте процессии, приуроченной к этому дню в Константинополе (возможно, редактору соответствующий фрагмент в оригинале также показался лишенным смысла). Поскольку весьма маловероятно, чтобы этот маршрут менялся дважды между 843 и 899 г., когда Клиторологий Филофея фиксирует уже новую практику, можно предположить, что как автор, так и интерполятор «Повести о прощении императора Феофила» говорят об одном и том же ритуале, а следовательно, их данные можно [68] комбинировать. В таком случае мы получаем уже четыре твердо установленные точки возможного маршрута торжественной процессии:

Жертовник Св. Софии – Центральные двери наоса Св. Софии – Богородица Халкопратийская – форум Константина.

Единственный отрезок пути, остающийся невыясненным в рамках данной гипотезы, – это обратный путь в Великую Церковь. Имеется две возможности: либо процессия возвращалась с форума Константина той же дорогой, по которой она туда шла, или же она направлялась оттуда вверх по Месе, а затем в какой-то точке сворачивала налево, чтобы попасть в Св. Софию. Для того, чтобы сделать выбор, необходимо рассмотреть данные еще одного источника, которые в изолированном виде с трудом поддаются интерпретации, но зато легко могут быть согласованы с только что обрисованной схемой. Никифор Каллист Ксанфопул в своем «Синаксаре на главные праздники Триоди» пишет по поводу процессии 11 марта 843 г.:

И когда почти все собрались в церкви со свечами, прибыла и царица с сыном, и оттуда начав литию, они вышли со святыми иконами, и божественными и честными древами Креста, и священным и божественным Евангелием до так называемого Милия, восклицая: «Господи, помилуй» ¹⁷⁰.

Хотя слова Ксанфопула на первый взгляд подразумевают движение в направлении обратном тому, о котором говорилось,

решающее значение имеет упоминание Милия. Это сооружение (его остатки до сих пор можно видеть *in situ*) было расположено на Месе, по-видимому, как раз в том месте, где расходились пути, ведущие в Св. Софию (налево) и к дворцовым воротам Халки (направо) ¹⁷¹. Это значит, что если шествие возвращалось в Великую Церковь по Месе (как было бы естественно), то оно должно было бы дойти именно до Милия, прежде чем сделать поворот к храму. Константин Багрянородный указывает на Милий как на место, где происходила первая встреча императора, возвращавшегося верхом из Халкопратийской церкви к воротам Халки ¹⁷². Однако если наша процессия шла с форума Константина, то Милий, как будет показано, представлял собой важный поворотный пункт. Поскольку обычная [69] процессия во времена Ксанфопула следовала по иному маршруту (император встречал духовенство на Афириной лестнице, находившейся ближе к Св. Софии, то есть до Милия он не доходил), историк должен был почерпнуть упоминание о Милии в каком-либо из своих источников. Получается, что данные различных редакций «Повести о прощении Феофила» позволяют выстроить четкий и логичный маршрут, весьма отличный от того, который был в ходу уже в самом конце IX в. У этого гипотетического церемониального шествия есть ряд особенностей, выглядящих достаточно необычно для византийского придворного ритуала и литургической практики. Но прежде чем усматривать здесь причину для недоверия к сведениям, содержащимся в «Повести», необходимо уяснить, насколько нарисованная выше картина соответствует интерпретации событий 11 марта 843 г. в самом этом тексте. Для этого нужно вспомнить второй сон императрицы Феодоры, в котором она увидела себя стоящей на форуме Константина, между тем как какие-то люди, несшие в руках различные орудия пыток, волокли мимо нее обнаженного Феофила со связанными за спиной руками, по дороге избивая его. Это шествие направилось вверх по Месе к воротам Халки, где под иконой Христа восседал некий страшный и величественный муж. Именно у него Феодора и вымолила прощение для своего супруга. Путь от форума Константина до

Халки для византийца был семантически чрезвычайно насыщен, потому что именно по этому маршруту двигались триумфальные императорские процессии, во время которых государя приветствовали димы (цирковые партии). Именно этой дорогой сам Феофил, вероятнее всего, следовал каждую пятницу, возвращаясь из Влахерн, где он публично отправлял правосудие. Сохранилось детальное описание военного триумфа, устроенного Феофилом после победы над киликийскими арабами, когда император вошел в столицу через Влахерны, затем поднялся по Месе до Милия, потом до Св. Софии, а оттуда – до ворот Халки (сходство с праздничными процессиями специально отмечается источником ¹⁷³), где он воссел на великолепно украшенный помост, публично объявил о своих победах и принял изъявления радости и восхищения от народа. Во сне Феодора император повторяет тот же путь, но как бы с обратным знаком – вместо победителя и триумфатора он выступает в качестве осужденного преступника. Если сопоставить рассказ «Повести» с реконструируемым здесь маршрутом процессии 11 марта, то получается, что от форума Константина до Милия оба шествия движутся одинаково. Поворот же от Милия к Св. Софии вместо Халки, вероятно, символизирует прощение и [70] примирение, поскольку икона Христа Халкита ассоциировалась у византийцев именно с судом.

Если данная гипотеза верна, то символика пути, по которому следовала процессия, становится понятной: вначале императоры, сановники, духовенство и миряне идут к Халкопратийской церкви, чтобы молить Богоматерь о заступничестве (вспомним, что именно Богородицу видела Феодора в своем первом сне, когда еще не было речи о прощении Феофила), затем проходят первую часть дороги, по которой покойного императора вели на суд, но возле Милия поворачивают налево к Св. Софии вместо того, чтобы направиться прямо к Медным воротам. Наконец, в Великой Церкви совершается Божественная литургия, на которой Феофил поминается среди почивших православных государей. Однако прежде чем такое поминовение состоялось бы,

требовалось исполнить все надлежащие ритуалы, которые бы подтвердили, что в ответ на мольбы православного народа и духовенства Господь даровал прощение императору, умершему в ереси. Только так можно объяснить наиболее необычную черту описанного церемониала – тот факт, что процессия, выйдя из Св. Софии, возвратилась туда, чтобы отслужить литургию ¹⁷⁴.

Остается выяснить еще один вопрос. Упоминание «Ктенариевых» ворот само по себе никак не может быть приписано порче текста, а потому нуждается в истолковании. В свое время С. Манго пришел к выводу, что улица Ктенария ¹⁷⁵ находилась к востоку от Св. Софии ¹⁷⁶, что, естественно, противоречит предлагаемой здесь реконструкции. Исследователь основывался на единственном тексте кроме «Повести», упоминающем эту улицу, – «Чуде свт. Николая о Николае хромце». Это сочинение приурочено ко времени правления императора Романа Лакапина (920–944) и рассказывает об одном юноше, страдавшем от болезни ног, который на праздник свт. Николая отправился в посвященный тому храм twn Ibhrou (местонахождение неизвестно). Далее происходит следующее:

Итак, тогда преосвященный и великий святитель Николай, встретив его на улице, называемой Ктенарией, Великой Премудрости Божией, спросил его: «[...] Хочешь стать здоровым? [71] Отправляйся из этих мест и с великим трудом и быстротой иди к храму Василиды. И если хочешь, пойдем, следуй за мной, и я покажу тебе его». Сказав это и разговаривая с больным, святой пошел впереди, а тот охотно следовал ¹⁷⁷.

Известно, что храм свт. Николая thV BasilidoV находился возле восточной стены Св. Софии. Как издатель текста Г. Анрих, так и С. Манго, опираясь на стихотворное переложение этого места Никифором Каллистом Ксанфопулом, полагают, что там же была и улица Ктенария. Действительно, последний пишет:

Сразу позади храма Премудрости Его встречает архиерей Мирликийский ¹⁷⁸.

Однако к сведениям Ксанфопула в данном случае нужно подходить крайне осторожно. Дело в том, что если к XIV в. название «Ктенария» давно вышло из употребления (так оно, скорее всего, и было), то он мог просто-напросто дать эпизоду топографическую привязку по знакомому, а не по устаревшему топониму – а местоположение храма Василиды было ему, несомненно, известно. Поэтому следует обратиться к непосредственному филологическому анализу исходного текста.

Из него мы можем сразу заключить, что улица Ктенария находилась в непосредственной близости от Св. Софии («Ктенарийская улица... Премудрости Божией», т. е. Св. Софии). Однако расстояние, отделявшее место встречи героя со святым от храма Василиды, было, похоже, вовсе не столь незначительным, как это получается у Манго. Во-первых, свт. Николай говорит *ipostreje twn entauqa*, т. е. буквально «выйди из этого квартала (района, местности)»¹⁷⁹, а не просто *enteuqen*, т. е. «отсюда». Во-вторых, хромой юноша должен приложить немалые усилия, чтобы добраться до церкви (*pollv mosqw*). В-третьих, он нуждается в провожатом. Все это вместе взятое, как мне представляется, делает крайне маловероятным [72] предположение, что Ктенария проходила к востоку от Св. Софии (плотная застройка вокруг храма вполне могла сделать путь от западной его стороны к восточной достаточно трудоемким делом).

Теперь представим себе, что Ктенария располагалась к западу от Великой Церкви. Тогда это могла быть улица, или шедшая параллельно западной стене двора (*louthr*) Св. Софии, или ведущая от западных ворот этого же двора к храму Богородицы Халкопратийской. Но и в том, и в другом случае позволительно предположить, что «Ктенарийскими» в IX в. как раз и назывались самые внешние ворота храмового комплекса Св. Софии с западной стороны, то есть ворота «лутира». Таким образом мы получаем, пусть несколько гипотетически, еще одну точку реконструируемого маршрута, который приобретает следующий вид:

Жертвенник Св. Софии – Центральные двери наоса Св. Софии – Внешние западные ворота двора св. Софии

(Ктенарийские) – Богородица Халкопратийская – форум Константина – Милий – Св. София.

Отсюда напрашивается и исправление текста первоначального варианта «Повести о прощении Феофила» (если он действительно испорчен ¹⁸⁰):

...mecri twn basilikwn pulwn kai twn pulwn twn kaloumenwn Ktenariwn.

...до царских врат и врат, называемых Ктенарийскими.

По всем текстологическим канонам такая ошибка могла быть легко допущена уже самым первым переписчиком. Полной ясности, правда, текст не приобретает даже при такой конъектуре, если только не допустить, что в данном случае слово *mecri* обозначает направление движения внутри комплекса Св. Софии, тогда как о дальнейшем маршруте процессии автор вообще умалчивает.

Все части реконструированного здесь маршрута находят отражение в разных источниках, сообщающих о разнонаправленных процессиях. Так, в некоторых случаях шествие направлялось от Св. Софии напрямую в церковь Богородицы Халкопратийской ¹⁸¹, очевидно, через западные [73] ворота «лутира». Иногда оно следовало по более длинному пути и прибывало в ту же точку через форум Константина ¹⁸². Таким образом, теоретически не было ничего невозможного в том, что процессия проходила от Халкопратии к форуму (это единственный участок предполагаемого маршрута, для которого не зафиксированы шествия, двигавшиеся именно в таком направлении), особенно если предполагать, что императоры возвращались от Халкопратийской церкви на Месу точно той же дорогой, что и прибывали туда. К сожалению, ни одна из процессий, шедших из Св. Софии к храму Богородицы Халкопратийской, не описана подробно в трактате Константина Багрянородного, так что нам неизвестны наименования мест, через которые она могла бы проходить. Тем не менее, мы знаем, что шествия, направлявшиеся от Св. Софии к форуму Константина, миновали царские врата и центральные западные двери нартекса. Затем они поворачивали на юг и проходили через южные ворота «лутира», название которых в источниках

не зафиксировано. Поскольку сразу за этими воротами снаружи находилась Афирова лестница, они, возможно, носили подобное же наименование. Нет ничего невероятного в допущении, что западные ворота двора Св. Софии назывались Ктенарийскими, если они выходили на одноименную улицу. Во всяком случае, они нигде не фигурируют под другим названием

183

Здесь необходимо отметить, что при сравнении достоверности Продолжателя Феофана и Генесия, с одной стороны, и различных версий «Повести о прощении Феофила», с другой, показания Константина Багрянородного не имеют решающего значения. Его трактат фиксирует ситуацию X в. и не более того. Если чин празднования Торжества Православия изменился в конце IX или начале X в., прежний чин, в том числе и маршрут торжественной процессии, мог не найти никакого отражения у Константина. То же самое касается и Клиторология [74] Филофея. Между тем, как уже неоднократно говорилось, историки X в., описывая интересующую нас эпоху, вынуждены были пользоваться скудной и часто ненадежной информацией. Поэтому совсем не исключено, что реальные события 843 г. они домысливали, руководствуясь современной им церковной практикой.

Вернемся, однако, к вопросу о сущности и смысле того, что происходило в Константинополе 11 марта 843 г. Нетрудно заметить, что центральная тема всех богослужебных действий и церемоний в том виде, как они описаны в «Повести», отличается от содержания, вкладываемого в празднование Торжества Православия сегодня (а это содержание можно считать практически неизменным по крайней мере с XI в.). Вместо триумфа истинной веры над всеми ересями в представлении нашего автора на первый план выходит формально-литургическое подтверждение прощения, дарованного Богом покойному Феофилу. Насколько же это соответствовало исторической реальности?

К сожалению, отвечая на этот вопрос, современная наука, как мне кажется, оказалась заложницей неверной перспективы. «Повесть о прощении Феофила» никогда не воспринималась как

заслуживающий уважения исторический источник прежде всего из-за обилия в ней легендарно-сказочных мотивов, а также фактических неточностей. Но если посмотреть внимательнее, то окажется, что собственно иррациональные моменты сводятся всего-навсего к четырем пунктам: это два вещих сна императрицы Феодоры, подобный же сон патриарха Мефодия и история с именем Феофила, чудесным образом исчезнувшим из списка императоров-еретиков. Напротив, как предсмертное покаяние императора, так и его прижизненные благие дела описаны весьма реалистично (что из этого имело место в действительности, в данном случае не важно). Так с чем же мы имеем дело – с поздней легендой, направленной на реабилитацию Феофила¹⁸⁴, или с отражением реальных событий? И вот здесь-то решающее значение как раз и принадлежит правильному углу зрения. Современный человек не видит никаких проблем в соглашении, заключенном императрицей с лидерами иконопочитателей: она восстанавливает Православие, а те включают имя ее покойного супруга в поминальные диптихи – небольшая цена за торжество истины. Но для византийца все обстояло по-другому. Если иконоборчество – ересь, а Феофил, как всем известно, был иконоборцем, до самой смерти не делал никаких публичных заявлений об обратном, перед смертью не приносил покаяние и, самое главное, не причащался у православного священника, то [75] значит, он – еретик и не может быть поминаем как благоверный государь. Никакое духовное лицо, даже патриарх Константинопольский, даже такой заслуженный и авторитетный человек, как Мефодий, не имел канонических полномочий объявить умершего еретика православным. Если же патриарх или кто-либо другой узурпировал бы такие права, то это воспринималось бы населением как фарс и вместо того, чтобы укрепить престиж династии и ее правящих представителей, только подорвало бы его.

Обращаясь к сохранившимся источникам, можно видеть, что щекотливость ситуации была всем прекрасно понятна. Не случайно писатели-современники, такие как Георгий Монах или Феофан Пресвитер, обходят этот сюжет полным молчанием.

Продолжатель Феофана, со своей стороны, приводит ответ, данный Мефодием императрице на просьбу о прощении для покойного мужа ¹⁸⁵. Патриарх без обиняков говорит, что духовенству дана власть открывать небесные врата всем, но только находящимся в этой жизни. После смерти Церковь может прощать только небольшие прегрешения при условии, что человек в них раскаялся. «Тем же, кто уже ушел с недобрыми надеждами и несет явное осуждение, мы не можем разрешить их вины». Весьма любопытно также, что разные агиографы (в том числе во фрагментах утерянной традиции, сохранившихся у историков) представляют своих героев сопротивляющимися прощению Феофила либо дающими понять Феодоре, что будут на том свете судиться с ее мужем за мучения, которые он им причинил. Продолжатель Феофана описывает два таких эпизода, в которых участвуют иконописец Лазарь ¹⁸⁶ и Феофан Начертанный ¹⁸⁷. В Житии Давида, Симеона и Георгия действующим лицом похожего рассказа выступает Симеон Митилинский ¹⁸⁸. Примерно то же самое говорится и об Иларионе Далматском ¹⁸⁹. На мой взгляд, было бы ошибочно трактовать эти выступления как реакцию наиболее неуступчивых церковных кругов. Скорее они отражают общее неоднозначное отношение к прощению Феофила среди всего византийского общества. Поэтому для того, чтобы сделать литургическую реабилитацию императора хоть сколько-нибудь приемлемой не только для узкого круга придворных и высшего духовенства, но и для всего населения, требовались некие экстраординарные меры. И здесь простой клятвы Феодоры, данной [76] Мефодию и другим клирикам в том, что Феофил покался на смертном одре ¹⁹⁰, было явно недостаточно.

Если учитывать сложность положения, в особенности с чисто технической точки зрения (поскольку никакое распоряжение патриарха или даже соборное решение в данном случае не имело бы канонической силы), процедуры, описываемые в «Повести», вовсе не выглядят неправдоподобными. Можно предложить следующую гипотетическую реконструкцию событий. Вначале Феодора клятвенно заверила высших церковных деятелей, что была

свидетельницей предсмертного покаяния своего мужа. Затем вся первая неделя Великого Поста, в полном соответствии со значением этого периода в церковном календаре, была отведена для всенародных молений о прощении Феофила. Наконец, в субботу императрица сообщила (видимо, публично) патриарху о своем вещем сне, а тот в ответ рассказал о своем. Тут же был вскрыт свиток со списком императоров-еретиков, в котором вместо имени Феофила оказалось пустое место. Это было сочтено за достаточное удостоверение в том, что Бог даровал покойному императору прощение, и путь для торжественного восстановления иконопочитания открылся. Совпадение этих двух аспектов – Торжества Православия и литургической реабилитации императора – является абсолютно закономерным, потому что поминование имени Феофила за богослужением, до того осуществлявшееся регулярно, поскольку патриархат оставался иконоборческим, не должно было прерываться и при новом церковном руководстве. Как это ни странно, подтверждение в независимом источнике находит самый, казалось бы, экзотический эпизод всей этой истории – исчезновение имени императора с запечатанного пергамена. В похвальном слове Феофану Исповеднику, сохранившемся лишь по-церковнославянски в составе мартовского тома четых миней русского извода, известный агиограф и современник событий Савва говорит: «вернии же да оуповаеть. Како аще о согрешениихъ прощения просите. То прежде погладивъ и запечатлеенноу хартию нощю. Како яве и того оуслышитъ» ¹⁹¹. Исправив очевидные погрешности славянского [77] текста (не касающиеся, впрочем, важной для нас части фразы) это можно перевести так: «Верующий же пусть надеется, что если он будет просить прощения за грехи, то Тот, Кто раньше изгладил даже запечатанный пергамен ночью, явно услышит и его». Мне, во всяком случае, неизвестен другой подходящий прецедент, на который мог бы здесь ссылаться Савва, кроме вышеупомянутого.

Таким образом, выясняется, что историческая информативность «Повести» должна оцениваться гораздо выше, чем это делалось до сих пор. Уже сам тот факт, что

прощение Феофила и императорское раскаяние занимают в этом произведении гораздо больше места, чем собственно Торжество Православия, свидетельствует скорее в пользу более ранней, чем более поздней датировки, потому что даже по сочинению Константина Багрянородного можно видеть, как из церемониала Недели Православия постепенно исчезали элементы, напоминавшие о покаянии императорской власти перед Церковью. Из других элементов, весьма актуальных для времени патриаршества Мефодия, но отошедших в тень уже к концу IX в., можно назвать фразу, которую Иоанникий и Арсакий должны были сказать патриарху: «Отреши всех несвященных». Мне уже приходилось неоднократно писать об связанных с этим обстоятельствах, и повторяться нет нужды ¹⁹², однако следует напомнить, что Мефодий, обосновывая «великую чистку» византийского духовенства, ссылаясь именно на авторитет таких подвижников, как Иоанникий, так что здесь сведения «Повести», несомненно, восходят к 40-м гг. IX века. Внимательный читатель найдет в тексте еще немало реминисценций, относящихся к царствованиям Феофила и его предшественников. Что же касается неточностей и анахронизмов, то они вполне естественны для автора, использовавшего практически только один письменный источник, и то не слишком информативный (хронику Георгия Монаха), а в остальном вынужденного полагаться на устную константинопольскую традицию. Как будет видно из следующей главы, анализ рукописного предания «Повести о прощении императора Феофила» подтверждает его древность и косвенно свидетельствует о его высокой ценности как исторического источника, повествующего о восстановлении иконопочитания.

Комментарии

Глава IV. История текста и рукописная традиция

«Повесть о прощении императора Феофила» принадлежит к довольно большой группе связанных между собой по содержанию литературных памятников, некоторые из которых существуют в нескольких редакциях. Поэтому прежде чем анализировать «Повесть» непосредственно, необходимо остановиться на взаимоотношениях внутри этой группы. Речь идет о следующих текстах:

1. Житие императрицы Феодоры (ВНГ 1731, далее ЖФ).
2. Краткая повесть о прощении Феофила (ВНГ 1732, далее КП).
3. Пространная повесть о прощении Феофила (ВНГ 1733, далее ПП).
4. Повесть о прощении Феофила – текст, публикуемый в этой книге (ВНГ 1734, далее П1).
5. Повесть о благодеяниях Феофила (ВНГ 1735, далее ПБ).

К этому списку можно добавить различные варианты КП и П1, которым в ВНГ присвоены индексы 1733b и 1734a,b,c,i,k соответственно. В данной ситуации они не представляют для нас интереса, поскольку либо являются сокращениями основных текстов или эксцерптами из них, либо представляют собой явно поздние компиляции.

В. Регель, впервые опубликовавший все памятники этой группы, кроме П1, не анализируя подробно их содержание, высказал мнение, что ЖФ, КП и ПБ вначале возникли как отдельные произведения, а затем были объединены и заново отредактированы, в результате чего появилась ПП¹⁹³. К сожалению, исследователь не учел в должной мере данных того текста, который опубликовал Комбефис (возможно, это достаточно редкое издание не было ему доступно). Между тем, заключительная часть П1 содержит несколько авторских ремарок, позволяющих с достаточной долей уверенности установить истинное взаимоотношение между КП, ПП, ПБ и П1. Вот соответствующие цитаты:

1. «Как мы слышим и как нас уверили старожилы...» (402–403). [79]

2. «...Два или три примера, которые, думаю, и любви вашей небезызвестны...» (409–410).

3. «Вы, конечно, слышали о препозите, которого он любил...» (412).

Ни одной из этих ремарок нет в каком-либо другом тексте данной группы, кроме П1. Все они представляют собой ссылки на устную традицию, причем не слишком отдаленную от событий (вероятнее всего, не более чем на полвека). Удаление их при последующих переработках представляется вполне естественным, и напротив, было бы весьма странно, если бы более поздний редактор вставил их в текст по своей инициативе. Таким образом, получается, что именно П1 послужила источником для КП, ПП и ПБ, а не наоборот. Поэтому последние три произведения, как позднейшие дериваты, не добавляющие ничего существенного к содержанию «Повести о прощении Феофила», могут быть исключены из рассмотрения.

Это, однако, еще не решает проблему взаимоотношения П1 и ЖФ, поскольку в последнем отсутствует часть, посвященная описанию добродетелей Феофила, а значит, чисто теоретически можно предположить, что П1 была скомпонована из фрагментов ЖФ и некоего утраченного источника, рассказывавшего о благодеяниях императора и содержавшего приведенные выше ремарки. Вообще, определить приоритет П1 или ЖФ чрезвычайно важно для того, чтобы оценить историчность обоих этих памятников и, соответственно, достоверность сообщаемых там сведений. В науке до сих пор существуют два мнения о ценности ЖФ как исторического источника – одни считают его малоценной компиляцией¹⁹⁴, тогда как другие ставят его достаточно высоко¹⁹⁵. Вторая точка зрения обусловлена в значительной степени тем, что ЖФ рассматривается как источник для хроники Георгия Монаха, написанной не позже конца IX в. Поскольку в ЖФ и хронике имеются пассажи, совпадающие дословно, ясно, что одно из этих произведений в любом случае послужило источником для другого, так что эту проблему здесь придется рассмотреть подробнее.

К счастью, в том, что касается взаимоотношений П1 и ЖФ, на помощь приходит, пожалуй, наименее субъективная филологическая дисциплина, а именно текстология. Вот сопоставление нескольких пассажей, имеющих как в ЖФ, так и в П1: [80]

a¹⁹⁶ antirropouV gar kai kubernhtaV kai julakaV tw megeqei tou kludwnoV dedwken o twn olwn prutaniV CristoV o alhqinoV qeoV hmwn, kai th tw polemiwn sjodrothti thn twn strathgwn antetaxen arethn kai prosjora th tou kairou duskolia ta alexhthria edwke jarmaka. Blepei to tou egkolpiou tenantion en tw trachlw autou, thntw ... eikona emjerontoV Coisl.] [emjeronta Ath.57] krathqeiV de [dí add. Ath.57] eterwn cersi [dí eterwn ceirwn Ath. M.48]	b (интерполированная версия)¹⁹⁷	g¹⁹⁸ antirropouV gar kai kubernhtaV kai julakaV tw megeqei tou kludwnoV dedwken o twn olwn prutaniV CristoV o alhqinoV qeoV hmwn, kai th tw polemiwn sjodrothti thn twn strathgiwn antetaxen, areth kai prosjora [v.1. areth kai prosjora] th tou kairou duskolia ta alexhthria edwke jarmaka. Blepei to tou egkolpiou tenantion en tw trachlw autou, thn ... eikona emjeronta [emjainonta Paris.] krathqeiV dí [upo Ath. 2083] eterwn andrwn [ceirwn Ath.242; upo eterwn pollwnceirwn. Coisl.]
---	---	--

[81] Строчными греческими буквами в верхней строке таблицы обозначены три главных семейства рукописей

«Повести» (П1), о которых будет подробнее сказано ниже. Первый фрагмент завершает перечисление православных исповедников, которые возглавляли борьбу против иконоборчества в 815–842 г. Вот русский перевод, сделанный согласно чтению семейства а:

Ибо Правитель всяческих Христос, истинный Бог наш, дал кормчих и стражей, соответствовавших силе бури, и ярости врагов противопоставил доблесть полководцев, и даровал целительные лекарства, подходящие для трудного времени.

Это совершенно ясная и риторически сбалансированная фраза, не представляющая никаких текстологических проблем. В большинстве рукописей семейства b имеется порча текста, разрушающая соответствие *polemiwn-strathgwn*, а третье семейство вообще дает нечто неудобопонятное.

В следующем пассаже говорится о том, как император Феофил, находясь на смертном одре в страшных мучениях, увидел шнурок иконы-энколпия на шее патрикия Феоктиста. Чтение *emjerontoV* (т. е. «шнурок энколпия, несшего на себе икону») имеет смысл, по крайней мере, с точки зрения грамматики¹⁹⁹, но *emjainon*, несомненно, лучше, поскольку в этом случае имеется в виду, что император увидел шнурок, который указывал на спрятанную под одеждой икону. Напротив, вариант семейства g невозможен даже с точки зрения грамматики, потому что в предложении нет существительного, от которого мог бы зависеть винительный падеж мужского рода причастия *emjainonta*.

Третий пример гораздо менее очевиден и иллюстрирует главным образом текстологические проблемы, с которыми приходится сталкиваться при подготовке критического издания «Повести». Конструкция *dí eterwn seirwn* довольно неловкая (такой она представлялась и переписчикам, как показывают многочисленные разночтения в рукописях), но *de* тоже стоит не на месте, потому что эта частица противопоставляет *Participium Conjunction* *krathqeiv* предшествующему *Cenetwus Absolutus* *toutou de apojeugontoV*, что выглядит странно даже для византийского греческого. Как бы то ни было, семейство g, хотя оно представлено большим числом рукописей, из которых

некоторые датируются XI в., [82] в некоторых случаях дает испорченный текст по сравнению с двумя другими семействами. Это можно утверждать со всей уверенностью применительно к первым двум примерам из таблицы. А вот что мы находим в соответствующих местах ЖФ:

1. antirropouV gar kai kubernhtaV kai julakaV tw megegei tou kludwnoV dedwken o twn olwn prutaniV CristoV o alhqinoV qeoV hmwn, kai th twn polemiwn sjodrothti twn strathgwn (strathgiwn BS) antetaxen, areth (areth om. S) kai prosjora th tou kairou duskolia ta alexhthria edwke jarmaka. (p. 6,16–19)²⁰⁰.

2. Blepei to tou egkolpiou tenantion en tw trachlw autou, thn ... eikona emjainonta (p. 8, 20–21).

3. krathgeiV dí eterwn ceirwn (p. 8, 24).

Таким образом, ЖФ воспроизводит некоторые явные искажения текста, которые имеются в некоторых рукописях П1 (семейство g), но отсутствуют в других. Это, как я полагаю, и составляет убедительное доказательство того, что именно автор ЖФ заимствовал из П1, а не наоборот, причем в руках у него был список, принадлежавший к определенной ветви рукописной традиции «Повести». Косвенные свидетельства также подтверждают этот тезис. Уже сам тот факт, что ЖФ сохранилось всего в трех рукописях, древнейшая из которых датирована 1111 г., в то время как рукописная традиция П1 уже к концу X в. разветвилась на несколько семейств, каждое из которых представлено десятками списков, говорит о приоритете «Повести» перед Житием.

Что касается хроники Георгия Монаха, то результат многолетних исследований, посвященных этому произведению, может быть сформулирован так: известный под таким названием текст, опубликованный Муральтом, а затем де Боором (для краткости назовем его «вульгатой»), представляет собой переработку, выполненную после 871/872 г., возможно, в Студийском монастыре. Первоначальная редакция хроники, созданная в 845–846 г., сохранилась в одной греческой рукописи, cod. Coislinianus 305, и в славянском переводе XIV в., называемом «Летовник»²⁰¹. Проблема, однако, заключается в том, что заключительная часть греческого кодекса (начиная с

царствования Льва IV) не сохранилась, а в славянском переводе рассказ о царствовании Феофила был заменен гораздо более информативным (хотя и не всегда достоверным) изложением из так называемой хроники Симеона [83] Логофета, так что непосредственного сопоставления интересующих нас пассажей между «Повестью» и подлинным текстом Георгия Монаха с полной уверенностью провести невозможно. Тем не менее, даже вульгата позволяет сделать достаточно определенные выводы. Дело в том, что как хроника Георгия второй редакции, так и «Повесть» содержат рассказ о взятии Амория арабами в 838 г. Для наглядности приведем его полностью:

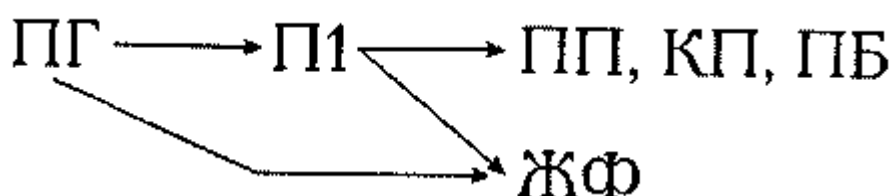
Георгий Монах, р. 797, 21—Повесть, 92–101
798,1

ej ou kai proV thn patrida kai
polin tou alithriou kaitw oun pemptw cronw tou autou
turannou meta pollhVbasilewV Qeojilou oi pammiaroi kai
denamewV oi Sarakhnoiakaqartoi Agarhnoi proV thn patrida
paraghnomenoi karterwVautou, tp Amorion legw, paregenonto
wcurwmenhn euron kaikai krataiwVw wcurwmenhn authn
kathsjalismenhn panu kaieuronteV kai kathsjalismenhn panu kai
upo strathgwn oktw metaupo strathgwn oktw meta tw n logadwn
tw n logadwn autwn kaiautwn kai strateumatwn jrouroumenhn,
strateumatwn jrouroumenhn.tauthn di hmerwn pentekaideka
kai tauthn di hmerwn ie touAugoustou mhnoV ekporqhsanteV kai
Augoustou mhnoVdorualwton eilhjoteV, hcmalwteusan
ekporqhsanteV kaiteleiwV kai anhrqh cristianwn plhqoV
dorualwton eilhjoteV,apeiron, kai allo de plhqoV aicmalwton
hcmalwtisqh kai anhrqhama tw n agiwn kai endoxwn tou
cristianwn plhqoV apeiron,Cristou tessarakontaduo neojanwn
kai h poliV ekaugh kaimarturwn apenhcqh en Suria.
katerupwqh.

Дословные совпадения между двумя текстами указывают на то, что один из них послужил для другого источником. И здесь решающим обстоятельством оказывается отсутствие у Георгия Монаха упоминания о сорока двух мучениках Аморийских. Сознательное удаление такой информации

хронистом, известным своим преимущественным интересом к церковным делам, представляется крайне маловероятным. То же самое можно отнести и к редактору, подготовившему вторую версию хроники. А вот то, что известие о мучениках не было внесено этим редактором, можно объяснить достаточно просто. Обращает на себя внимание, что у Георгия название «Аморий» не фигурирует, а лишь подразумевается. Поэтому при переработке, происходившей как минимум через 35 лет после описываемого события, тот, кто ее производил, при поверхностном чтении мог и не отождествить упомянутый здесь «город тирана» с Аморием, где были захвачены в плен мученики. Автор же автор Повести, знавший, о чем идет речь, счел нужным уточнить название города, что также является косвенным доводом в пользу приоритета Георгия. [84]

Итак, у нас получается следующая схема:

Теперь можно попытаться определить приблизительную дату написания «Повести о прощении императора Феофила». Твердый *terminus post quem* дает эпитет «приснопамятная» (aeimnhstoV) в применении к императрице Феодоре, означающий, что произведение было создано после ее кончины. Здесь, правда, возникает некоторое затруднение в связи с тем, что, согласно Житию Феодоры, она умерла еще при жизни своего сына Михаила III²⁰², тогда как Симеон Логофет рассказывает, что мать и сестры оплакивали Михаила после его убийства 24 сентября 867 г.²⁰³ Однако как специальное исследование этого вопроса, предпринятое П. Карлин-Хайтер²⁰⁴, так и соображения, изложенные выше, не позволяют считать Житие Феодоры надежным источником, так что сообщение Логофета, безусловно, заслуживает предпочтения. Поэтому можно утверждать, что «Повесть» написана после 867 г.

К сожалению, столь же жесткого *terminus ante quem* наш текст не содержит, и выводить его приходится из данных рукописной традиции. Самая ранняя рукопись (cod. Vaticanus 1595) датируется, по мнению Б. Л. Фонкича, сообщенному автору устно, концом X в. или рубежом X и XI в. При этом она содержит уже интерполированный текст, из чего можно заключить, что первоначальная версия Повести появилась никак не позже середины X в. Уже упоминавшиеся косвенные данные, такие как наличие по крайней мере к концу X в. разветвленной рукописной традиции, ссылки на устное предание, а также описание устаревшего к середине X в. чина Торжества Православия, указывают на конец IX в. как на наиболее вероятное время создания произведения.

* *

Поскольку настоящая книга не ставит себе целью критическое издание «Повести о прощении императора Феофила», очерк рукописного предания этого текста будет носить скорее обзорный характер. К [85] сожалению, манускрипты «Повести» рассеяны по библиотекам всего мира, и ознакомление с ними всеми в данный момент представляет значительные трудности, поэтому в своих выводах (впрочем, сугубо предварительных) мне придется опираться лишь на ту часть рукописей, которые я имел возможность сверить *de visu* или по микрофильмам. Приводимый ниже список, вероятно, далеко не полный, дает, тем не менее, представление об обширности рукописной традиции произведения. Указаны только рукописи, содержащие полный текст «Повести» в версии BHG 1734, начиная с XVI в. и старше.

Рубеж X-XI в.

Vaticanus Gr. 1595, f. 190v-199v.

XI в.

Athous Laurae Г 44 (Eustratiades 284), f. 169–175.

Cambridge, Trinity College, B. 8. 7., f. 230–234.

Bodleianus ROE. 28, f. 142v-144.

Bodleianus Laudianus Gr. 82, f. 158–167 (приписано папе Григорию).

Oxford, St. Mary Magdalene College, Gr. 4, f. 260–276v.

Athous Panteleemonis 87 (Lambros 5593), f. 79v-89v.

Athous Laurae Γ 120 (Eustratiades 360), f. 290–298.

Scorialensis Gr. 166 (T. III. 6.), f. 36v-65.

XII в.

Ambrosianus Gr. 366 (F 124 sup. olim O 140), f. 149–160v

XIII в.

Vindobonensis Theol. Gr. 123 (olim 151), f. 44v-52.

Vindobonensis Hist. Gr. 62 (olim 32), f. 69–82.

Marcianus Gr. VII, 29, f. 193v-201 (первая треть века).

Athous Batopedii 422, f. 106–114.

Parisinus Gr. 767, f. 117v-126v.

Parisinus Gr. 1181A, f. 135–144.

XIII –XIV в.

Atheniensis 2083, f. 55–64.

XIV в.

Bodleianus Selden. arch, supra 9, f. 5м-13м.

Oxford, Lincoln College, D.GR. I., f. 106–116.

Athous Iberorum 592 (Lambros 4712), №15.

Athous Laurae H 179 (Eustratiades 834), f. 174–189.

Athous Laurae K81 (Eustratiades 1368), f. 219–224. **[86]**

Athous Laurae I 63 (Eustratiades 1147), f. 110–122.

Ambrosianus Gr. 192 (C 92 sup. olim N 155), f. 182v-187
(конец века).

Parisinus Coislinianus 304, f. 140–150.

Atheniensis 278, f. 83v-91v.

Atheniensis 992, f. 173–183.

Atheniensis 242, f. 104–117v.

XV в.

Marcianus Gr. 575, f. 259–264v (1426 г.).

Athous Iberorum 560 (Lambros 4680), №2.

Athous Panteleemonis 92 (Lambros 5598), f. 22v-28.

Athous Panteleemonis 191 (Lambros 5698), f. 272–277v.

Ambrosianus Gr. 730 (S 18 sup.), f. 96–113 (начало века).

Parisinus Gr. 773, f. 191v-201.

Atheniensis Metochii 48, f. 337v-345.

Meteoron Hagiou Stephanou 145, f. 29v-45v.

Patmiacus 634, №24.

XVI в.

Mosquensis Syn. Gr. 303 (Vladimir 395), f. 67–89v.

Marcianus Gr. VII, 41, f. 140–153.

Athous Philothei 83 (Lambros 1847), №6.

Athous Dionysii 231 (Lambros 3765), №29.

Madritensis Gr. 195 (olim O-15), f. 8–16 (ок. 1553 г.).

Parisinus Gr. 1013, f. 86V-106.

Atheniensis 457, f. 153–167.

Meteoron Hagiiou Stephanou 126, f. 94–104.

Hierosolymitanus Patriarchatus 133, f. 346–358 (1592 г.).

Всего, таким образом, даже предварительная проверка выявила почти пятьдесят списков «Повести». Как уже говорилось, они делятся на три основные семьи. Одна на них, здесь обозначаемая греческой буквой *b*, содержит интерполированную версию и потому легко выделяется. Главнейшие вставки в этой версии суть следующие:

1. При описании взятия Амория (92–101) уточнено количество пленных христиан – 14 тысяч.

2. Рассказ о замерзании Босфора при Феофиле (см. Приложение 1).

3. Модифицированное описание процессии при восстановлении иконопочитания 11 марта 843 г. (см. главу III).

Определение перечисленных отличий как интерполяций основывается на общей сверке текста в рукописях семьи *b* и двух других семей. [87]

Особенно показательно сравнение пассажей, заимствованных из Георгия Монаха:

Георгий Монах, р. а g, 6–9
798, 8–12

b

kai	thn	touthn	aqemiton	kaithn	aqemiton	kai
Koprwnumou	kai	twntonhran		touptonhran		tou
qhriwnumwn		calephnqeostugouV		qeostugouV		
kai	musarwtathn	Koprwnumou	kai	twnKoprwnumou	kai	twn
airesin	diadexamenov	qhriwnumwn		kaiqhriwnumwn		kai
kai	anadexamenov	teqhriotropwn	calephn	kaiqhriotropwn	calephn	
kai	anakainisaV,	wVyucoleqron		airesinkai		yucoleqron
medhn	hton	ojqhnaidiedexat6	hn	(kai	authnaresin	diedexat6
				hn		

thV ekeinwnalii) anadexamenov kat'anadexamenov
 dussebeiaV kaiouden httwn wjqh thVwjqh kai autoV thV
 paroiniaV turannidoV teekeinwn dustropiaV teekeinwn dustropiaV
 kai embronthsiaV kai turannidoV kai turannidoV
 p. 798. 22–799,1 20–21

pashV qeostugouv pashV gar qeostugouv pashV gar
 praxewV kai terateiaV praxewV kai terateiaV qeostugouv praxewV
 (prateiaV alii) deinoV hn kai turannidoV
 deinon upojhthn ... musthV kai ejeurethV deinoV hn musthV
 kai ejeurethV

Из этого сопоставления видно, что цитаты из хроники подверглись в редакции b дальнейшему искажению по сравнению с оригиналом, а потому ее нельзя считать первоначальной. Кроме того, в рукописях этой семьи выпала одна из авторских ремарок, о которых шла речь выше, так что от фразы «Вы, конечно, слышали о препозите, которого он любил от души...» (pantwV akouete on ek yuchV ejilei praipositon), там осталось только on ek yuchV ejilei praipositon в виде грамматически ни с чем не связанной конструкции. Это также достаточно отчетливый признак более поздней и к тому же не очень искусной переработки.

Вместе с тем, имеются некоторые признаки, которые указывают на то, что семья b восходит не к протографу какой-либо из других семей, но к их общему более раннему прототипу. Это подтверждается и явно ранней датой возникновения интерполяций – например, как уже говорилось, вставка, касающаяся маршрута торжественной процессии, появилась, по всей вероятности, до того, как общий порядок ежегодной церемонии подвергся коренным изменениям. Более того, интерполятору было известно, что магистр и канцлер Феоктист имел чин патрикия, о чем в рукописях первоначальной версии не говорится. Однако окончательно обосновать эту точку зрения будет возможно лишь после более [88] глубокого изучения рукописной традиции, в частности, сверки текста и уточнения датировки всех наиболее ранних списков.

Перейдем теперь к критериям, по которым можно выделить семейства рукописей а и g. Единственный, пожалуй,

бесспорный из них – это уже приведенный выше пассаж, касающийся ведущих фигур православного сопротивления иконоборчеству. Однако он настолько показателен, что, на мой взгляд, дает достаточное основание для разделения этих двух ветвей рукописной традиции. Положение несколько осложняется тем, что самый древний из встретившихся мне списков семьи *α* датируется XV в., в то время как более ранние манускрипты той же категории, если таковые сохранились, могут содержать более качественный, т. е. более близкий к прототипу текст. Впрочем, учитывая сравнительно небольшой объем памятника, другие значимые расхождения могут так и не выявиться. Как бы то ни было, в одном случае порча текста в семье *γ* очевидна, так что *a priori* следует считать семью *α* более адекватно отражающей прототип. Действительно, сравнение издания Комбефиса с *cod. Atheniensis Metochii* 48 показывает, что во многих, если не во всех, случаях, когда рукописи семьи *γ* дают лучшие чтения по сравнению с опубликованным текстом, те же самые чтения обнаруживаются и в афинском кодексе.

Общие выводы, к которым можно прийти, изучая историю возникновения и бытования «Повести о прощении императора Феофила», таковы. Произведение это было создано в последние десятилетия IX в. (самое позднее в начале X в.) на основе соединения устного предания и некоторых (весьма немногочисленных) письменных источников. Оно практически сразу же завоевало широкую популярность. Именно этим объясняется не только большое число списков, но и многочисленность и разнообразие различных переделок, сокращений, извлечений и т. п. Такова была в Византии обычная практика по отношению к памятникам агиографической литературы – многие переписчики, руководствуясь душеполезными и назидательными целями, вели себя скорее как редакторы, не стесняясь вносить в текст изменения, отвечавшие их собственным вкусам. Однако в основе всего этого позднейшего развития лежал несомненно литературный текст, написанный человеком, имевшим определенную риторическую подготовку. Другое, дело насколько верно

«Повесть» отражает исторические реалии – но эта тема уже рассматривалась в предыдущей главе.

Глава V. «Повесть о прощении императора Феофила»: текст, перевод, комментарии

Издание осуществлено по бумажному кодексу Atheniensis Metochii 48 (M), XV в., наиболее древнему и исправному из известных мне списков семейства а. Разночтения с изданием Комбефиса (C) указаны в аппарате, за исключением орфографических ошибок и очевидных погрешностей издателя. В прямых скобках [] – столбцы издания Комбефиса, в фигурных {} – листы афинской рукописи. [88]

ПОВЕСТЬ, рассказывающая о святых и честных иконах, и как и по какой причине святая Великая и соборная Церковь²⁰⁵ Божия приняла ежегодно справлять [праздник] Православия в первое воскресенье святого Поста.

Когда император Феофил в ту пору попущением Божиим обладал самодержавной властью, он перенял незаконную и злую, тяжкую и душегубительную ересь богомерзкого Копронима²⁰⁶ и звероименитых и зверонравных [царей]²⁰⁷. Восприняв же ее, он оказался ничуть не уступающим им в злонравии и тирании. Ибо этот суетный человек еще и зломысленно и безумно обновил ее и, подражая сумасшествию тех суемудрых иконоборцев, возникшему из манихейской порчи и тиранического беснования, также воздвиг непримиримое гонение на Церковь Божию, имея советником и поверенным, и сопричастником душегубительной ереси и наставником гибели фатриарха²⁰⁸ Иоанна²⁰⁹ – а вернее будет сказать, гадателеначальника и бесоначальника, поистине нового Аполлония²¹⁰ или Валаама²¹¹, явившегося в наши времена, в том, что касается нечестивых дел и гаданий. Ибо этот несчастный, недостойно заплучив кормило патриаршего престола, старался потопить церковное судно. Ведь он был искусный знаток и изобретатель всякого богомерзкого деяния и обмана. И легковесный и злополучный Феофил, которого тот научил грамоте и испортил, злоумышленно и коварно пленив его разум, стал верным слугой и удобным орудием дьявола. Что за извращение и слабоумие, и что еще другое за этим следует!

Ведь во вздорных баснях правителей и злочестивых и преступных иконоборцев не было никакого смысла, но писания их и ответы были полны глупостей, и лживого пустословия, и болтовни. Ибо эти жалкие люди, словно на крючке забрасывая приманку, ловили простаков и невежд. Поистине *гортань их – открытый гроб* (Пс. 5:10), и дым, полный мрака: речи их рассеивают и отвлекают взор неразумных. Ибо услаждаясь небытием лжи, они стали чужды истине.

Пока же это совершалось врагами истины, честной и священный сонм православных, видя, что это происходит, и на что [93] осмеливаются люди, считающиеся христианами, негодовал и весьма досадовал, и они говорили друг другу: что за нечестивый, порочный и дошедший до предела наглости и дерзости человек осмелится поколебать и извратить законы, установленные велегласнейшими и от Бога наученными святыми апостолами и семью святыми и вселенскими Соборами, [хотя бы] одну-единственную их черточку (ср. Лк. 16:17), как эти скверные иконоборцы – вместо того, чтобы принять их и радостно успокоиться? Ведь осмеливающийся делать такое или учить других должен быть извергнут из Церкви и сделаться чуждым Царствию Небесному. Об этом пока достаточно. Несчастный же и жалкий Феофил, оставаясь неисправимым, подвергая немало православных многим горьким наказаниям, мучениям и пыткам, осуждал их к ссылке. Видя это, жившие право и благочестиво и ведущие почтенную и боголюбивую жизнь и украшенные добродетелью и Православием люди сносили благодарно и доблестно, и просили Бога скорее дать освобождение от бедствий. Ибо первая добродетель есть православный образ мыслей.

А в те времена просияли мужи дивные и благоговейные, исполненные ревности и премудрости Божией, а именно удивительнейший Исайя ²¹², отшельник в Никомидии ²¹³, и Иоанникий ²¹⁴, великий творец знамений, сподобившийся получить от Бога озарением пресвятого и животворящего Духа великий и предивный дар прозорливости и предвидения и предсказывавший вопрошающим многое из будущего; Никифор, богочтенный и освященный патриарх ²¹⁵; прославленный

Феодор, игумен Студийский ²¹⁶; Мефодий ²¹⁷, триблаженный и боговещанный исповедник и горячий ревнитель православной веры; Михаил ²¹⁸, синкелл и великий исповедник; и достойный удивления и освященный исповедник Феофан, [игумен] Великого Поля ²¹⁹; Феодор и Феофан ²²⁰, родные братья, которым заклеили лица, и множество других подвижников добродетели и православной веры. Все они ратоборствовали за прадедовскую истину и веру, и отражали приступы противников, и обращали в бегство стрелявших издалека, и ополчались против всякого еретического строя. Ибо Правитель всяческих Христос, истинный Бог наш, дал кормчих и стражей, [95] соответствовавших силе бури, и ярости врагов противопоставил доблесть полководцев, и даровал целительные лекарства, подходящие для трудного времени.

Феодора же, честная и благочестивейшая августа ²²¹, боголюбивая ветвь, произросшая от благочестивого и православного корня, православных тайно чтит и радушно принимала, а суемудрых и богоненавистных иконоборцев гнушалась и избегала – но горевала, томилась и была в унынии, [думая], что ей делать. Ведь она боялась гневливости, раздражительности и угрюмости своего мужа, и его безжалостности в наказаниях, и ярости в гневе, и резкости голоса, и свирепости лица, постепенно мрачневшего (В оригинале *sustrejomenon rata mikron*, что не может быть адекватно передано по-русски. Поскольку причастие относится к качеству (букв. «дикость», здесь переведено как «свирепость»), не исключено, автор намекает на напряженную позу зверя перед прыжком.), – и, страшась его, молчала, но искала удобного времени, чтобы обнаружить и вынести на свет свой боголюбивый нрав и искреннюю и православную веру. Но человеколюбивый и милостивый Бог, всегда пекущийся о спасении человеков и все устрояющий и промыслительно ведущий к пользе, не презрел ее благое намерение, но вскоре явил через нее непорочное и душеспасительное Православие и восстановление святых и честных икон, как будет яснее показано в дальнейшем.

И вот, в пятый год того же самого императора Феофила премерзкие и нечистые агаряне с великой и мощной силой пришли к его родному городу, то есть Аморию, и, найдя его хорошо укрепленным и весьма защищенным, и охраняемым восемью стратигами вместе с их отборными воинами и полками, разрушили его и взяли с боем за пятнадцать дней августа месяца, и совершенно пленили ²²². И было убито несчетное множество христиан, а другое большое множество ²²³ вместе со святыми и славными сорока двумя новоявленными мучениками Христовыми ²²⁴ было уведено в Сирию. Также и многочисленные их корабли вышли и опустошили Кикладские острова и захватили Крит и Сицилию ²²⁵. И Константинополь был сожжен холодом и суровойшей и великой зимой – а [97] еще была долгая и свирепая, и тяжелейшая зима, и сильный голод; зной и воспламенение воздуха, и ненастье и непостоянство погоды, а к тому же и страшные и частые землетрясения, обличавшие безмерную порочность и злочестие правителя. Ибо названный император дошел до такой нелюбви к Богу и безумия, что превзошел даже богомерзкое злодейство трижды проклятого Копронима и звероименитых, и зверонравных, и богомерзких [царей].

Вот так поступая и делая, нечестивый и преступный Феофил, владея царством в течении двенадцати лет и трех месяцев, заболел дизентерией и окончил здешнюю жизнь следующим образом. Когда он умирал, его рот открылся до самой гортани, и пока он испускал дух в мучениях, августа Феодора причитала. Затем из-за охватившей ее безмерной скорби и уныния она ненадолго уснула и увидела во сне пресвятую Богородицу, держащую на руках крестоносного Младенца, и устрашающий круг ангелов прекрасного облика, которые были вместе с ней и сильно бранили императора Феофила за святые и честные иконы и часто с гневом его бичевали. И после того, как это продолжалось так изрядное время, она проснулась. И император Феофил заговорил, часто наклоняя голову то туда, то сюда: «Увы мне, жалкому: за иконы меня бичуют». И стоящим рядом и оплакивающим его было страшно и странно видеть это и слышать. И пока император всю

ночь так вопил и кричал, разум и мысль царицы, бодрственно устремленной к пресвятой Богородице, не переставали со слезами заступаться за него перед ней. Феоктист же Каниклий ²²⁶ тогда подбежал, из-за страха перед императором скрывая энколпий ²²⁷, который он надел на себя раньше. Когда же император уже давно был охвачен отчаянием, потому что его невидимо нещадно били, и озирался по сторонам, смотря на плачущих, он увидел шнурок от энколпия на его шее, выдававший присутствие святой и непреложной иконы Всевышнего, и император, часто показывая на него пальцем, судорожно силился кивками подзвать его к себе. А так как тот скорее уклонялся из-за страха за святую икону, его схватили другие, и он с большим страхом приблизился к императору, не сумев скрыть святыню. И когда те, решив, что император хочет вырвать ему волосы, вложили их ему в руки, а Феоктист подумал, что его [99] накажут смертью, палец императора коснулся шнурка, потянув его к губам. И как только шнурок, на котором, как сказано, была святая и почитаемая икона нашего Спасителя и Бога, приложили к его губам и устам, сразу же – о необычайное чудо! – губы его отверстого рта, губы, искажившие учение Церкви и много пустословившие против святых и честных икон, сомкнулись и соединились. Когда же это невероятное и поразительное чудо таким образом произошло, тут же прекратилось свирепое терзание его гортани, и царский облик и вид обновились. Утихли и крики императора, и невыносимые кары и мучения боли, так что он сразу уснул, доподлинно уверившись, что весьма хорошо и душеполезно уважать, и чтить, и поклоняться святой и почитаемой иконе Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и Его пресвятой Матери, и всех святых, открывающей путь Божества, таинственно совершаемый.

Так это произошло, а когда он через несколько дней скончался, Феодора, честная и приснопамятная его супруга ²²⁸, как только увидела его испускающим дух и при последнем издыхании, открыв свой ларец, явила на обозрение тайну своей правой веры и благочестия. Ибо, вынув святую и неоскверненную икону Господа и Бога и Спасителя нашего

Иисуса Христа в плотском облике, и святой и пренепорочной Его Матери, она заставила властителя Феофила даже против воли поклониться им и облобызать их. А после того, как тот вскоре скончался, воцарился сын его Михаил, которому было пять с половиной лет ²²⁹, вместе со своей матерью Феодорой. Итак, немедля по царскому распоряжению императрицы Феодоры были возвращены и освобождены от уз все отцы, бывшие в ссылке и горьких темницах, вместе и с множеством монашествующих, но и немало благочестивых мирян, которых злочестивый Феофил сослал, тиранически отняв у них имущество и изувечив их – а иных, не повиновавшихся его издевательским и обманным речам, он наказал и повелел держать в горьком заточении. Все они, будучи отпущены, с тех пор пребывали на воле и в радости, хваля и славя Бога.

Тогда-то и вышеупомянутый зачинатель и учитель злоименной и душевредной ереси, Иоанн, злосчастный и преступный [101] гадателеначальник, справедливо и по Божьему суду с позором извергается с патриаршего престола и предается анафеме вместе со своими единомышленниками, гонителями и ругателями, терзавшими паству подобно диким и вредоносным зверям; а на его место Божественной благодатью и промыслом Христа истинного Бога нашего и общим приговором всех православных возводится Мефодий, прославленный исповедник и поборник православной веры – а тот, наилучшим и нагляднейшим образом опровергнув и обличив всякое губительное ухищрение ²³⁰ диавола и скверное суесловие ересиархов и последователей их зломыслия и умопомешательства против святых икон, утвердил и провозгласил нашу православную и непорочную веру, и за это прежде претерпел много и прочих гонений и опасностей, и много горестных обстоятельств и карательных мучений от скверных иконоборцев и от императора Феофила – и их он переносил доблестно и стойко с терпением, благодаря человеколюбивого Бога. Ибо кто исчислит многие и разнообразные, и следовавшие одно за другим гонения и искушения, которые он вынес; и глубочайшие ямы, и непотребные и мрачные тесные склепы, и удушающие и тартароподобные узилища, лишение

необходимого, разлуку с друзьями, единоверцами и родственниками – что блаженный перенес доблестно и с готовностью, явственно сделавшись для страстотерпцев как бы молчаливым увещанием к терпению.

И вот в ту пору по божественному озарению явился преподобному и великому Иоанникию, подвизавшемуся в горах Олимпа, святой Арсакий ²³¹, истинный слуга Божий и великий подвижник, говоря ему: «Пославший Илию к Израилю с высот Кармила в силе пришествия Своего, чтобы обличить беззаконствующих в скверных жертвоприношениях, повелевает тебе через меня прибыть в башню святого Диомида в Никомидии к избранному Своему слуге Исайе, чтобы вы оба вместе со мной совершили любезное Богу и подобающее Церкви. Итак, уразумей, и сделаем все, что он нам скажет, и возвестим императрице Феодоре вместе с патриархом Мефодием, чему должно быть. И после того как они поговорили так друг с другом, оба спустились с горы и посреди ночи пришли к никомидийской башне к рабу Божьему Исайе, и [103] трижды получив от него благословение, пребывали с преподобным Исайей три дня. По прошествии же третьего дня, когда все они снабдили друг друга на дорогу своими святыми молитвами, Святой Дух заговорил устами преподобнейшего Исайи к отцам пустынникам, говоря: «Так говорит Господь: вот, наступил день, и врагам Моих изображений пришел конец. И когда вы придете к царице Феодоре, услышан будет вопль гласа, говорящий: Иоанникий и Арсакий, скажите Мефодию патриарху: отрешి всех несвященных, и тогда с ангелами принеси Мне жертву хваления, почитая образ Моего облика вместе с крестом». Когда это пророчество было произнесено Исайей для отцов, те удалились, попрощавшись с ним. И после того как они немедленно достигли столицы и возвестили о том, что сказал им преподобнейший Исайя, патриарху Мефодию и прочим православным иереям, было принято прекрасное и угодное Богу решение, чтобы им вместе со всеми этими архиереями, и благоговейнейшими иноками и исповедниками и прочей полнотой Церкви сотворить единогласное моление и прошение к Феодоре, честной и благочестивейшей августе, о

восстановлении святых и честных икон и поклонении им. И придя во дворец, они вошли к императрице Феодоре – как я думаю, потому что Бог устроил так ради двух вещей, как показал исход дела: чтобы она и царя Феофила спасла и сделала явной свою божественную и православную ревность, дотоле скрываемую.

Когда иже во святых патриарх Мефодий с большим смирением и слезами просительно сказал императрице: «Прикажи, о боговенчанная владычица, чтобы Церковь Божия обновилась, и воспряла, и объединилась, и вновь обрела честное и спасительное убранство святых и честных икон, которое она давно утратила, чтобы рог христиан вознесся ввысь при боговенчанной державе вашего царства, и имя и память твоя вместе с облаченными в злато возлюбленными твоими чадами восхвалялись и прославлялись, и ублажались в роды и роды», эта благочестивейшая и боголюбивая царица, уступив его честным и увещательным речам, ответила ему: «Мне доподлинно известны, о святой отец, жар и горячность и православие вашего благоговения и веры. Но да будет и вам ведомо относительно меня, что и я, смиренная и сама малейшая, [105] пребываю в сем Православии и поклонении святым и всечестным иконам, имея такую святыню от предков, и поклоняясь им, и почитая их, и величаясь ими. А чтобы вы не подумали, будто я хочу убедить вас на словах, я удостоверю их делом». И сразу же с этими словами она извлекла из-за пазухи святую и неоскверненную икону Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и пресвятой и пречистой Его Матери и, на виду у всех поклонившись им и поцеловав их, сказала: «Не поклоняющийся и не чтущий образ Господа нашего Иисуса Христа, и Богородицы, и всех святых, да будет анафема». Тогда все воздали хвалу и славу человеколюбивому Богу нашему.

Так это случилось, и императрица говорит патриарху: «Если ты хочешь, пресвятой владыка, чтобы я исполнила все, что вам по душе, не погнушайтесь и вы моей просьбы к вам, и не отвернитесь от нее». Когда же они сказали: «И что за просьба и прошение вашего царства к нам, смиренным?», императрица

ответила им: «Просьба моя и прошение к вашему благоговению и святости таково: чтобы вы помолились и упросили милостивого и человеколюбивого Бога о Феофиле, моем супруге, чтобы Господь Бог простил ему все его согрешения, и особенно то, что он незаконно сотворил против святых и честных икон. Ибо я доподлинно знаю из святых Евангелий, что вам дана власть от Бога вязать и разрешать людские прегрешения». Говорит ей великий архиерей Божий Мефодий: «твоя просьба, владычица, выше наших сил, но так как ты просишь с верой (ибо написано: все возможно верующему (Мк. 9:23)), то мы все сотворим пост, прошение и молитву к человеколюбивому Богу – но и ты [сделай это] вместе со всеми, кто есть в твоём дворце, от ребенка и младенца до юноши и старика, со слезами и милостыней – и Он непременно явит Свою милость и человеколюбие и на нас, смиренных, как присно и всегда». Сказав это царице и попрощавшись с ней, архиерей Божий Мефодий вышел из дворца.

Придя же в Великую Церковь Божию, он призвал весь честной и православный народ, от мала до велика, с женами и детьми, и прежде всего митрополитов и епископов, пресвитеров и диаконов, монашествующих и пустынников, столпников и [107] затворников, среди которых были вышеупомянутый иже во святых отец наш и великий чудотворец Иоанникий Олимпийский с преподобнейшим Арсакием, и Феодор, исповедник и игумен Студийский, и Феофан, также исповедник и игумен Великого Поля, и Михаил, святейший исповедник и синкелл из Святого Града, Феодор, монах и исповедник Начертанный, и Феофан Начертанный, митрополит Никейский и песнописец, и многие другие, державшиеся добродетели и православной веры даже до смерти ²³². Все они, сотворив общую молитву и бдение с постом и пролив много слез в первую неделю святой Четыредесятницы, панихидами и псалмопением постоянно умоляли Бога дать прощение и оставление грехов императору Феофилу. И вот с тех пор и доселе установлены панихиды в Великой Церкви Божией в первую неделю святой Четыредесятницы. И это что касается иже во святых священноначальника Мефодия – а честная и благочестивейшая

августа Феодора тоже таким же образом вместе с синклитом с постом и милостыней, со слезами и возлежанием на земле, в рубище и пепле не переставала молить Бога дать прощение и оставление грехов своему супругу.

И к концу первой недели, когда святая пятница подошла к рассвету, царица от mnogой скорби и говорения заснула. И оказавшись в исступлении, видит она во сне себя стоящей на форуме около колонны великого Константина ²³³ – а некие люди с шумом и криками проходят по большой улице, держа в руках разные виды пыточных инструментов, как то: розги, клинья, воловьих жилы, палки, и какое есть еще орудия мучений, и шествуют по дороге вверх ²³⁴, а посреди них тащат, избивая, императора Феофила, обнаженного, с руками, связанными за спиной. Итак, когда августа Феодора увидела, как его столь позорно тащат и нещадно бьют, она, узнав его, последовала за уводящими его, плача и сетуя. И когда они достигли Медных ворот ²³⁵, она увидела некоего великого и страшного мужа, сидящего на престоле перед страшной и святой иконой Господа нашего Иисуса Христа ²³⁶. Туда-то и привели императора Феофила державшие его, и поставили напротив него связанным, как был. Честная же и боголюбивая жена его, обняв ноги восседавшего впереди страшного и славного царя, пала перед ним [109] ниц, рыдая со многими слезами и умоляя за собственного мужа. И после того как она долго молила и била себя в грудь, страшный этот муж, открыв свои пресвятые уста, отвечал ей: «О женщина, велика вера твоя – итак, знай, что ради твоих слез и твоей веры, а также и просьбы и моления моих иереев, я даю прощение твоему мужу». И сразу с этими словами он повелел стоявшим рядом и державшим его, сказав так: «Развяжите ему руки и оденьте его, и отдайте его жене». И когда это было сделано, она, взяв его с судилища, которое видела, вышла, радуясь и ликуя, – и сразу прснулась.

А иже во святых патриарх Мефодий, после того как в начале моления своего к Богу о Феофиле собрал всех православных, митрополитов, иноков и мирян, и дал им поручение, совершил и еще кое-что, проделав это как бы на пробу: взяв новый свиток, он написал на нем имена всех

еретиков, правивших до Феофила, вставив туда и Феофилово имя, и после этого запечатав со всяческой надежностью, положил на святой престол Великой Церкви Божией под святую индигию ²³⁷. И после этого, пока он пребывал в молитве и прощении вместе со всеми, он тоже увидел во сне световидного и божественного ангела, пришедшего к нему и сказавшего так: «Се, услышано, о епископ, моление твое, и император Феофил сподобился прощения – поэтому больше не докучай о нем Божеству». Патриарх же, встав ото сна с трепетом и желая узнать, истинно ли видение, сразу же пошел в церковь и, взяв свиток и открыв его, нашел имена остальных еретиков начертанными на пергамене, как они и были раньше; имени же Феофила вовсе не обнаружилось, но место его было совершенно не заполнено. Итак, когда молва об этом необычайном и невероятном чуде разошлась по всему городу, все слышавшие возрадовались и возликовали, и прославили и возвеличили человеколюбивого Бога, творящего великие и необыкновенные чудеса, славные и невероятные, которым несть числа.

Узнав же и об этом необычайном чуде, благочестивейшая августа Феодора еще больше уверилась в прощении своего мужа и сильно обрадовалась, и прославила и возвеличила человеколюбивого Бога, как и положено. Поэтому она немедленно [111] святейшему патриарху Мефодию, чтобы он оповестил и собрал всякого православного человека, чтобы они прибыли в Великую Церковь Божию с честными крестами и святыми иконами в первое воскресенье святого Поста. И когда так все и было сделано, и в Великой Церкви Божией собралось неисчислимое множество, прибыл и сам император Михаил вместе со святой и православной своей матерью и всем синклитом, причем каждый из них взял по царской свече. И соединившись со святейшим патриархом и вместе с литией отправившись от святого жертвенника с честным Крестом и святым Евангелием, они дошли в литании до царских врат ²³⁸, называемых Ктенарийскими, и после усердной молитвы, сказав с сокрушением и многими слезами и стенаниями «Господи, помилуй», они вернулись в святой храм с большой радостью и

торжественностью, совершив божественную и таинственную литургию. И так были восстановлены святые и честные иконы в храме Божиим, чтобы их уважали, почитали и поклонялись им все верные. И вот, благочестивые правители вместе с достопочтенным и святейшим патриархом Мефодием и иже с ним митрополитами и преподобными подвижниками тогда же постановили торжественно праздновать этот святой и честной праздник ежегодно в Великой Церкви Божией в первое воскресенье святого Поста – и он до сих пор празднуется благоволением и благодатью благого Бога нашего во славу и хвалу Бога всяческих и Господа нашего Иисуса Христа.

Посему никто, возлюбленные, пусть не возражает в сомнении, и не сочтет вообще невероятным прощение, полученное Феофилом от благого и человеколюбивого Бога нашего, Который никого из людей не хочет погубить. Ведь если бы у него раньше не было неких преимуществ благодеяния, которые могли присоединиться и содействовать молитве и прошению архиереев и преподобных подвижников, и прочих православных, то просьба их не была бы так легко принята, и он не получил бы прощения – но ради благих поступков, которые у него были, человеколюбивый Бог и не вменил ни во что даже его злые беззакония. Так вот, как мы слышим и как нас уверили старожилы, он, во-первых, укрепил все городские стены ради безопасности жителей ²³⁹, [113] и всечестной храм пресвятой Богородицы во Влахернах, находившийся за стенами и разграбляемый при набегах варваров, он заключил внутрь ²⁴⁰ – но и немало монастырей он учредил и отстроил заново. Во-вторых, он так любил справедливость и был таким горячим любителем истины, что не щадил совершенно никого из несправедливых или стяжателей. Приведя этому два или три примера, которые, думаю, и любви вашей небезызвестны, положу конец повествованию.

Вы, конечно, слышали о препозите ²⁴¹, которого он любил от всей души, – ибо муж тот был знаменит и среди первых в синклите. Однажды он, полагаясь на императора, отобрал судно у вдовой женщины вместе с обычным его грузом. Та же, много раз умоляя вернуть ей ее собственность, поскольку он

отказался ее слушать, пришла к императору Феофилу, рассказав, что претерпела. А тот, дотошно исследовав и разузнав об этом и обнаружив, что вдова пострадала от несправедливости, не желая огорчать препозита, разными способами призывал его вернуть потерпевшей беспричинно отобранное. Он же соглашался, но обманывал. Итак, женщина во второй раз пришла к императору и, сообщив ему об обмане и лжи, подвигла на справедливый гнев и негодование. А он, придя в бешенство, ни во что не поставив любовь и дружбу, сделал того, как презирающего его приказы, добычей огня на ипподроме! пример всем, любящим поступать несправедливо ²⁴². Также и того кому он поручил должность квестора ²⁴³, обнаружив, что тот приветствует несправедливость, а справедливость отвергает, он сильно бичевал, и, спалив ему волосы и бороду и обмазав смолой, отправил в пожизненную ссылку. Кроме того, когда два его славных магистра ²⁴⁴ захотели насильственно отобрать имение у одного очень бедного женского монастыря, находившегося в феме Опсикий ²⁴⁵, из-за того, что оно было расположено между их имениями, монахини вместе со своим экономом подошли к императору Феофилу с жалобой при выходе, который тот обычно устраивал во Влахернах по пятницам ²⁴⁶. Император же передал их друнгарию виглы ²⁴⁷, чтобы тот назавтра привел их к нему вместе с их противниками, и он сам услышал бы доводы обеих сторон, причем поклялся им, что если те будут побеждены ими в тяжбе, то не только [115] монахини получают обратно все свое имущество, но и магистров он предаст смерти. И если бы упомянутые магистры немедленно просьбами и мольбами не убедили их отказаться от обвинения и взять двойную цену имения, как и произошло, то и они бы равно с препозитом претерпели такую же смерть. На следующий же день, когда император стал искать монахинь и не нашел, он, решив, что их прогнали, сильно бичевал вышеназванного друнгария и велел отыскать их и привести к нему. И когда тот после длительного розыска отыскал их и обнаружил и против их воли и желания представил перед императором, то, что произошло между ними, открылось, и они, поблагодарив императора, были отпущены

как получившие удовлетворение, а те были освобождены от ответственности. Говорят еще и то, что во дни его царствования никто не совершал и не терпел несправедливости, так что семнадцать дней по всему городу искали, чтобы найти человека, который должен был судиться с другим в присутствии императора, и совсем никого не нашли. Ибо он многих погубил из приверженцев несправедливости.

Потому-то и не пренебрег слезами и стенаниями Своих священников и преподобных, просивших за него, любящий благо Бог, Который сказал через пророка Исайю: *Защитайте сироту и вступайтесь за вдову; тогда придите, и рассудим* (Ис. 1:17); но и тех молитвам внял, и ему простил беззакония превыше человеческих, и Церкви уделил собственную ее красу и благолепие святых и честных икон, и нам, искренне поклоняющимся и лобызающим их и соблюдающим Его божественные веления, ежедневно дарует прочный мир и прощение прегрешений, ибо Ему слава, и держава, и честь, и поклонение во веки веков.

Аминь.

Комментарии

Приложение I. Зима на Босфоре

Интерполированная редакция «Повести о прощении императора Феофила» (рукописи семейства g) помещает приводимый ниже короткий текст о суровой зиме в Константинополе среди описания различных бедствий, случившихся при императоре Феофиле (829–842), которые анонимный автор интерпретирует как гнев Божий на нечестивую власть и народ. Это описание почерпнуто из хроники Георгия Монаха (Амартола)²⁴⁸ и повторено также в Житии императрицы Феодоры²⁴⁹ (о взаимоотношении между этими произведениями см. главу IV).

Из имевшихся в нашем распоряжении рукописей за основу для издания взят кодекс А, поскольку он отличается исключительно высоким качеством и содержит наименьшее количество разночтений с первоначальной редакцией (т. е. списками семейства а). Сиглами обозначены следующие рукописи:

А – Atheniensis 2083. Торжественник Постной и Цветной Триоди, датируется по каталогу Л. Политиса XIII-XIV вв.²⁵⁰ Написан великолепным почерком на очень хорошем пергамене, с изысканной иллюминацией (заставки, инициалы). Текст в две колонки. «Повесть о прощении Феофила» (лл. 55–64), как и полагается, приурочена к первому воскресенью Великого Поста, наряду с повестями о чуде в Вирите (BHG 789) и об иконе «Марии Римской» (BHG 1067). Принадлежал гимназии г. Фессалоники.

В – Atheniensis 242. Пергаменный кодекс XIV в.²⁵¹ с гомилиями разных авторов (позднейший по времени – Лев Мудрый). «Повесть о Феофиле» на лл. 104–117об. в две колонки. Из монастыря Дусику в Фессалии.

b – Atheniensis 992. Пергаменный кодекс того же времени из того же монастыря, но содержащий жития святых от 1 до 23 ноября. [132] «Повесть» на лл. 173–183, в две колонки. Рукописи В и b переписаны с общего прототипа, к которому, возможно, восходит и следующий кодекс.

С – Parisinus Coislinianus Graecus 304. Рукопись на бумаге, середины XIV в.²⁵², вероятно, константинопольского происхождения, содержит различные жития, похвальные слова и гомилии (самые поздние – Симеона Метафраста)²⁵³. Текст «Повести» (лл. 140–150) в одну колонку.

V – Vaticanus Graecus 1595. Кодекс из очень грубого пергамена с текстом в две колонки, датируется по каталогу Джанелли XI в., а по мнению Б. Л. Фонкича – рубежом X-XI вв. Рукопись переписана одним писцом в Южной Италии, о чем свидетельствует ее происхождение (из библиотеки монастыря Гроттаферрата – olim Cryptoferratensis 6), особенности палеографии и иллюминации, а также качество пергамена²⁵⁴. По содержанию это сборник житий по неподвижному циклу. Единственное исключение представляет интересующий нас текст, который занимает самые последние листы (лл. 190об-199об).

М – Mosquensis Synodalis 395 (Владимир 303). Московский кодекс состоит из множества текстов самого различного содержания, писанных разными почерками в XV-XVI вв. Именно благодаря пестроте своего состава он датируется столь широко, хотя 1535 г. следует, по-видимому, признать terminus ante quem²⁵⁵. Интересующее нас произведение находится на лл. 67–89об. Переписано оно в одну колонку крупным четким почерком начала XVI в. (согласно Б. Л. Фонкичу), крайне небрежно и с плохим правописанием. Некоторые места исправлены другими чернилами, иногда черными, а иногда красными. В ряде случаев эти исправления ничуть не лучше первоначального варианта. Ввиду невысокого качества и поздней даты М, разночтения по нему даются выборочно.

Цифры в квадратных скобках обозначают листы рукописи А, строчные а и b – соответственно, левую и правую колонки. Вертикальная черта () указывает место, где кончается текст Комбефиса (722 D7). **[133]**

[57a] ...Kai h basileuousa KwnstantinoupoliV katekamjgh 1 ek 2 tou yucouV kai 3 tou **[b]** megalou kai 4 barutatou ceimwnoV, oti poluV kai hgriwmenoV kai drimutatoV ceimwn 5 gegonen, wste kai h almura qalassa ektou pollou kai drimutatou ceimwnoV 6 epagwsen

apo CrusopolewV kai mecri tou Bosporiou 7 limenoV kai ta merh thV CalkhdonoV, ta te armaxia kai sagmaria 8, kai o loipoV laoV pezwn te kai kaballariwn perietrecon epanw thV qalasshV eiV ton 9 pageton hmeraV pentekaideka. Meta de toutaV taV hmeraV egeneto aiqrion 10 tou hliou kai hmera galhniwsa ecairon de panteV kai dh toutou genomenou 11, ginetai aijnidioV anemoV, oioV ou gegonen ap archV kosmou oute genhsetai, kai tarach twn kumatwn megalh. kai twn pagetwn katercomenwn 13 kata proswnon twn teicwn thV polewV, euquV kai parauta 14 wsper vnouV 15 epemponto 16 ta teich thV polewV ek thV pollhV tarachV thV genomenhV, tou th biaiou anemou, twn kumatwn 17 kai twn pagetwn twn 18²⁵⁶ ajorhtwn 19 twn katercomenwn wsper nhsoi megalai kai apekrouonto epanw twn teicwn 20 thV polewV. kai kai hn idein jobon megan kai tromon epi pantaV touV angrwpouV. h de poliV pasa eiV jughn etraph. o de 21 dussebhV basileuV QeojiloV epi duokaideka hmeraV ereunwmenoV par autwn 22, pou estin 23 ouc eurisketo , h de Qeodwra h basilissa monh kateleijqh 24 eis ta basileia, kaqiketeue de 25 ton Qeon nukta 26 kai hmeran 27, opwV apostreyh KurioV o QeoV thn orghn kai ton qumon, on hgeiren epi Qeojilon 28 ton basilea 29 kai kata 30 tou pammiarou laou, kai twn asebestatwn mhtropolitwn, twn ontwV anierwn 31, kai lwannou tou kakodaimonoV jatriarcou 32, tou to epiklhma 33 daimoniarcou 34.

ABbCMV. 1: ekaugh B; 2: ek om. VB; 3: kai om. C; 4: megalou kai om. V; 5: ceimwn om. VB; 6: ceimwnoV post pollou habet b; 7: Bosporou V; 8: sakmaria B, samaria VM; 9: to VM; 10: aiqria A; ecqrion BC; 11: ginomenou B; 12: aijnidion V; 13: twn... katercomenwn: ton pageton katercomenon V; 14: parautika V; 15: cnouV om. AM, couV V; 16: epeponto B, eipton V; 17: twn kumatwn om. AB; 18: twn om. B; 19: twn ajorhtwn om. VM; 20: twn teicwn om. C; 21: oun Bb; 22: para twn politwn V; 23 pou estin om. C, kai add. b; 24: katalhjqeisa BV; 25: kai kaqiketeue B, iketeue de A, kaqiketeue V; 26: nuktan B, nuktoV b; 27: hmeraV bM; 28: Qeojilou CM; 29: tou basilewV AbCM; 30: kata om. AM; 31: asebestatwn... anierwn: asebestatwn kai anierwn mhtropolitwn BbC, twn ontwV anierwn om. V; 32: jatniarcou C; 33: tou to epiklhma: ou to epiklhn V, tou to epiklhn C; 34: tou... daimoniarcou om. b.

Текстологические замечания.

Перевод

...И царствующий Константинополь подавлен был холодом и великой и тяжелейшей зимой, потому что была сильная, и свирепая и жесточайшая зима, так что и соленое море из-за сильной и жесточайшей зимы замерзло от Хрисополя и до гавани Воспорион, и окрестности Халкидона – и телеги, и вьючной скот, и прочий народ пешком и на лошадях передвигались по льду пятнадцать дней. После же этих пятнадцати дней наступила солнечная погода и безветренный день – и все радовались. И вот, когда это было, настал внезапный ветер, которого не случалось от начала мира, и не случится, и великое смятение волн. И когда льдины стали ударять прямо в городские стены, стены сразу и немедленно разлетались, будто полова, от великого смятения, которое произошло, и от сильного ветра, и волн, и неудержимых льдин, которые налетали словно большие острова и обрушивались на городские стены – и можно было видеть великий страх и трепет у всех людей. Город же весь обратился в бегство, а злочестивый царь Феофил, которого они разыскивали двенадцать дней, где он, не обретался, царица же Феодора, оставшись одна во дворце, молила Бога денно и ночью, дабы отвратил Господь Бог гнев и ярость, которые воздвиг на Феофила царя, и против всескверного народа, и нечестивейших митрополитов, поистине несвященных, и Иоанна, злополучного фатриарха, по прозванию бесоначальника.

Гавань Воспорион (она же Просфорион или Фосфорион) находилась в северо-восточной части Константинополя на берегу бухты Золотой Рог и получила название от рынка, на котором продавали говядину. Хрисополь (ныне Ускюдар) – местечко на азиатском берегу Босфора прямо напротив Константинополя. Халкидон (ныне Кадыкёй) расположен несколько юго-восточнее Хрисополя на берегу Пропонтиды.

Иоанн – иконоборческий патриарх Иоанн VII Грамматик занимал кафедру с 21.01.837²⁵⁷ или, скорее, 21.04.838²⁵⁸ по 4.03.843. Таким образом, если за этим описанием стоят действительные события, то они могли произойти зимой 837/838, 838/839, 839/840, 840/841 или 841/842 гг. Однако

император Феофил скончался 20.01.842, поэтому дата 841/842 маловероятна, так же как и 837/838. «Фатриарх» – см. комментарий к основному тексту. Иконоборческие епископы названы «несвященными», поскольку дальше в тексте идет речь о Божественном повелении новоизбранному православному патриарху Мефодию «отрешить всех несвященных», которое относится к проведенной последним тотальной чистке византийского духовенства.

Приложение II. Почему не сохранился архив Мефодия?

Размышляя о состоянии источников, донесших до нас информацию о событиях, происходивших в Византии после 813 г., исследователь наталкивается на довольно интересное противоречие. С одной стороны, известно, что патриарх Мефодий сам был плодовитым писателем и поощрял занятия литературой, а с другой стороны, некоторые важнейшие аспекты его деятельности, в частности, само восстановление иконопочитания и конфликт со студитами в сохранившихся источниках освещены крайне скудно и с существенными искажениями. Мы располагаем текстами патриарха, посвященными «великой чистке», но они, можно сказать, сохранились чудом, будучи включены в состав канонических сочинений авторов гораздо более позднего времени. Не дошло до нас даже житие Мефодия, написанное Григорием Асвестой. Почему же получилось так, что преобладающая часть наследия патриарха и его сподвижников, явно достаточно обширного, оказалась утерянной, а сохранившиеся сочинения по большей части представлены одной-единственной рукописью каждое?

Пристальное изучение этого вопроса привело к тому, что многие на первый взгляд случайные обстоятельства стали складываться в определенную систему. Насколько убедительными будут мои выводы, судить читателю, однако мне представляется, что количество «случайных» совпадений достигло критической массы, и какое-то объяснение этому должно быть предложено. При всех гипотетических реконструкциях здесь необходимо строжайшим образом придерживаться «бритвы Оккама» (*entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*), то есть не постулировать несколько утраченных источников или ветвей рукописной традиции там, где мог бы фигурировать один текст в одном-двух списках. Применение этого принципа вдвойне оправдано по отношению к рассматриваемому времени, потому что литературное творчество IX в., хотя и было неизмеримо обильнее по

сравнению с предыдущим столетием, все же оставалось ограниченным, а распространение его все так же сдерживалось ограниченностью материальных ресурсов, т. е. соотношением цены книг и экономических возможностей, которые в тот период были гораздо более скромными, чем в последующие века²⁵⁹. [137]

Еще в 1990 г. мною была высказана мысль о том, что под покровительством патриарха Мефодия функционировал некий литературный «кружок», и что, в частности, Георгий Монах был его членом. В самом деле, логично предположить, что если имеется определенная группа авторов, пишущих в одно и то же время и проводящих одну и ту же политическую и идеологическую линию (например, возвеличение православных патриархов и их роли в борьбе против иконоборчества), то они, скорее всего, работали в контакте между собой и под единым руководством. Поскольку такая пропаганда служила прежде всего целям Мефодия, который в качестве патриарха и литературного деятеля имел все возможности выступать лидером и покровителем (по-современному спонсором) такого рода группы, весьма вероятно, что именно это он и делал. Подобные отношения хорошо документированы в случае с Игнатием Диаконом. Дальнейшие результаты, полученные мною в ходе исследования некоторых текстов, предположительно происходящих из окружения Мефодия, в особенности Жития Никиты Мидикийского монаха Феостирикта и хроники Георгия Монаха, позволили твердо датировать первоначальную версию последнего текста временем, когда Мефодий занимал Константинопольскую кафедру, и вскрыть тесное переплетение связей между произведениями, созданными под покровительством патриарха. Таким образом, исходная гипотеза нашла весьма впечатляющее подтверждение, как можно видеть из приводимой ниже схемы (см. с. 146).

Данная схема представляет текстуальную зависимость или перекрестные ссылки между определенной группой литературных памятников, созданных во время весьма короткого по продолжительности патриаршества Мефодия, распространяясь также назад и вперед, чтобы показать

некоторые общие источники и ту рукописную традицию, которая донесла эти произведения до наших дней (точнее, ее наиболее раннюю стадию).

Чтобы сделать этот чертеж понятным, необходимо в расширенном виде воспроизвести здесь список, который был в свое время составлен для того, чтобы вписать в определенный историко-литературный контекст хронику Георгия Монаха и тем самым облегчить ее датировку.

1. Догматико-полемиические труды патриарха Никифора прямо использованы или конкретно указаны в ссылках у следующих авторов: Игнатий Диякон, Феофан Пресвитер (Слово на перенесение мощей Никифора, BHG 1336–1337)²⁶⁰, Петр Монах (автор одного из Житий прп. Иоанникия, BHG 936)²⁶¹ и Георгий Монах²⁶². [138]

2. Феостириктово Житие Никиты в несокращенном виде послужило источником Георгию Монаху²⁶³, а часть его была буквально скопирована Петром Монахом²⁶⁴. Игнатий, возможно, также был знаком с этим Житием в его несокращенной форме, потому что он рассказывает о вешем сие императора Льва²⁶⁵. Хотя Игнатий называет в качестве своего источника монахов Тарасиева монастыря на Босфоре, само описание сие подозрительно напоминает Феостириктово (как оно сохранилось по-церковнославянски), тогда как история о «судах, тюрьмах и пытках», которым Лев будто бы подверг монахов, чтобы узнать имя своего будущего убийцы, выглядит не слишком правдоподобной. Феостирикт говорит, что об этом сие ему сообщил некий человек, получивший эти сведения от жены Льва V Феодосии, так что было бы вполне естественно, если бы Игнатий изменил ссылку на источник так, чтобы она имела более прямое отношение к его герою. Тем не менее, эта связь обозначена пунктиром.

3. Георгий Монах также заимствовал из Жития Никифора Игнатия Диякона и из хроники Феофана Исповедника²⁶⁶. [139]

Житие Иоанникия, написанное Петром, было доступно Савве, который использовал его в качестве источника для своего собственного Жития того же святого (BHG 934)²⁶⁷.

Некоторые из перечисленных текстов имели весьма ограниченное распространение: сочинения Феофана Пресвитера и Петра Монаха сохранились каждое в единственном списке, а Житие Никиты вообще не дошло по-гречески в полном виде, потому что та единственная рукопись, где оно находится, содержит сокращенную версию²⁶⁸. Насколько мне известно, ссылок на упомянутые произведения или следов их использования за пределами IX в. не отмечено. Поэтому представляется разумным предположить, что писатели Мефодиева «кружка» пользовались сочинениями друг друга, а также неким общим фондом или архивом, который, по всей вероятности, включал библиотеку покойного патриарха Никифора. Если так, то нет ничего особо удивительного в том, что Георгий Монах имел в своем непосредственном распоряжении некоторые из источников Феофана Исповедника²⁶⁹, потому что Георгию Синкеллу эта библиотека должна была быть доступна по должности, как келейнику патриарха Тарасия, а у Никифора не было никаких причин отказывать в пользовании ею Феофану, когда тот продолжил дело своего умершего друга.

По крайней мере один из памятников, показанных на схеме, сохранился в рукописи, восходящей примерно к тому же самому периоду, когда жили и творили Георгий, Петр, Игнатий и Мефодий. Это хроника Феофана, самый древний список которой, Parisinus gr. 1710, датируется не позднее середины IX в. Любопытно одно обстоятельство: эта рукопись с большой уверенностью определяется как продукт Студийского скриптория²⁷⁰. Не представляется правдоподобным, чтобы разветвление рукописной традиции «Хронографии» произошло до середины IX в. так, чтобы Георгий, писавший в 846/847 г., мог использовать другой список с того же прототипа, от которого происходит и парижский кодекс, особенно если учитывать, что сочинение Феофана к этому времени, видимо, существовало в виде собрания переплетенных тетрадей²⁷¹[140]. Для П. Яннопулоса это не создает никаких проблем, потому что он обходит полным молчанием возможность того, что Георгий имел доступ к «Хронографии» уже на столь ранней стадии ее

существования. Весьма маловероятно, чтобы Георгий имел дело с рукописью из библиотеки Студийского монастыря, потому что этот хронист был горячим сторонником Мефодия (и, как уже говорилось, очевидно, работал под его покровительством), а патриарх к тому времени находился в острой конфронтации со студитами. Поэтому для начала можно предположить, что использованный Георгием список Феофана в очень скором времени каким-то образом оказался в Студийском монастыре.

Теперь посмотрим, что случилось с хроникой самого Георгия Монаха. Поскольку к середине X в. это произведение (в своей второй, переработанной редакции, называемой здесь «вульгата») уже пользовалось значительной популярностью, и его самые ранние списки датируются X в., изучение рукописной традиции само по себе не может дать достаточно информации о наиболее раннем периоде бытования хроники, а тем более о конкретных обстоятельствах, при которых она была переработана. И здесь помощь приходит с неожиданной стороны. Церковнославянские четьи минеи, бытовавшие на Руси, восходят, как будет показано в отдельной работе, к осуществленному в XII в. переводу собрания студийских дометафрастовых миней, которое, в свою очередь, приобрело окончательный вид в основном во второй половине IX в., но во всяком случае примерно до 920 г. Два тома из этого собрания содержат эксцерпты, дословно заимствованные из вульгаты Георгия Монаха ²⁷². Сравнение церковнославянского перевода вульгаты (так называемого «Временника») с этими фрагментами показывает, что заимствование из «Временника» на славянской почве полностью исключается. Упомянутые два текста явно были переведены с греческого как составная часть миней за соответствующие месяцы. Поскольку *terminus post quem* для появления вульгаты – 871/872 г., у нас остается довольно короткий временной промежуток, в течение которого два эксцерпта из хроники могли быть вставлены в четьи минеи, что, в свою очередь, сильно повышает вероятность того, что переработка сочинения Георгия Монаха происходила в том же самом месте, что и составление данных миней. А вот место это, по крайней мере для тома за месяц май, можно определить с

уверенностью. Сразу после повести о св. Арсении, заимствованной у Георгия Монаха, славянская четья минея помещает похвальное слово тому же святому, написанное [141] Феодором Студитом, которое озаглавлено следующим образом: **феодора худаго прозвитера игоумена стоудинскаго...**, что может быть восстановлено как Qeodwrou tou elacistou presbuterou hgoumenou twn Stoudiou²⁷³. Это, несомненно, авторское заглавие, и его сохранение, в любом случае вызывающее удивление, предполагает вряд ли более чем одно копирование после смерти писателя. Для декабрьского тома студийское происхождение очень вероятно просто потому, что аргументы, свидетельствующие в пользу изначального единства всего собрания, чрезвычайно сильны. Поэтому представляется, что студийские монахи, дополняя свои четьи минеи, пользовались только что появившейся второй версией хроники Георгия Монаха. А это, в свою очередь, означало бы, что первоначальная ее версия оказалась в Студийском монастыре уже на ранней стадии своего бытования. Поскольку первая редакция хроники, в отличие от вульгаты, не получила широкого распространения, очень возможно, что туда попала не какая-то из копий, а собственно оригинал.

Похожая ситуация наблюдается с Житием Никиты Мидийского, написанные Феостириктом. В настоящее время этот текст отражен в двух источниках: в рукописи Vaticanus gr. 1660, содержащей сокращенный греческий текст, и русской церковнославянской четьей минее за апрель, где памятник представлен полностью. Оригинал славянского перевода и ватиканский кодекс явно восходят к одному и тому же прототипу. Однако Vaticanus gr. 1660, согласно колофону, был переписан в Студийском монастыре в 916 г., а это значит, что Житие Никиты сохранилось исключительно в собраниях студийского происхождения. Таким образом, пока что мы видим, что хроника Георгия и два ее источника, относящиеся к тому же времени, из которых один – весьма редкий, скорее всего, оказались в одном и том же месте не позднее середины IX в.

Что касается Жития Никифора Игнатия Диякона, то самым ранним его рукописным свидетельством является кодекс

Vaticanus gr. 1667, относящийся к той же самой группе из четырех студийских минейных рукописей, которые были переписаны в первые десятилетия X в. и в следующем столетии отправлены в Гроттаферратский монастырь, что и вышеупомянутый Vaticanus gr. 1660²⁷⁴. Опять-таки, самый ранний список Жития патриарха Тарасия того же автора – это кодекс Bodleianus [142] Baroccianus gr. 238, которому Эрхард приписывал студийское происхождение²⁷⁵. Хотя эта точка зрения была отвергнута по кодикологическим соображениям²⁷⁶, нет никаких сомнений в том, что рукопись была скопирована со студийского прототипа, который, в свою очередь, через еще одно посредствующее звено восходил к оригиналу февральского тома русских четий миней²⁷⁷.

Единственная рукопись, в которой сохранилось Слово на перенесение мощей Никифора, написанное Феофаном Пресвитером, – один из самых ярких образцов Мефодиевой пропаганды – это Marcianus gr. 359, X в. В указанном кодексе, представляющем собой четью минею за два месяца, март и апрель, интересно то, что его апрельская часть демонстрирует близкое родство с уже упоминавшимся студийским кодексом Vaticanus gr. 1660, а также с русской церковнославянской четью минеей за тот же месяц. Дело в том, что три агиографических текста, а именно, мученичества Фервуты (BHG 1511), Саввы Готфина (BHG 1607) и Каллиопа (BHG 290) в греческом оригинале не обнаруживаются более нигде, кроме как в ватиканском и венецианском кодексах – но при этом все они представлены в русской минее за апрель. Более того, доиконоборческие тексты мартовской части кодекса Marcianus gr. 359 демонстрируют точно такую же близость к русской церковнославянской минее за месяц март, потому что последняя содержит три текста, для которых венецианская рукопись является единственным греческим свидетелем, а именно мученичества Пиония (BHG 1546), Савина (BHG 1612) и Ионы и Варахисия (BHG 942). По некоторым текстам Marcianus gr. 359 может быть даже помещен в одну стемму с ватиканским кодексом²⁷⁸. Так что не остается практически никаких сомнений в том, что венецианская рукопись была переписана если не в

самом Студийском монастыре, то, во всяком случае, со студийских оригиналов. Получается, что еще одно произведение Мефодиева кружка бытовало в студийской среде и нигде кроме нее.

Рассмотрим теперь Житие Иоанникия, составленное Петром. Как и многие из уже упоминавшихся памятников, оно сохранилось в [143] одном-единственном списке – кодексе Coislinianus 303, X в. Рукопись содержит собрание палестинских житий и мученичеств, окончание которого четко обозначено записью переписчика на л. 280²⁷⁹. Затем следуют еще четыре текста, из которых лишь два – агиографического характера. Эти два произведения – Житие Иоанникия и похвальное слово св. Арсению Феодора Студита. Последнее не имело широкого распространения в Византии (критическое издание Ниссена основано лишь на двух списках²⁸⁰), так что наиболее вероятным местом, где писец мог его раздобыть, без сомнения, является Студийский монастырь. Но в таком случае и Житие Иоанникия он, скорее всего, нашел там же. Напомним, что сочинение Петра было доступно Савве, который составил свое собственное жизнеописание Иоанникия по поручению, как заявляет сам агиограф, игумена монастыря Антидион Иосифа²⁸¹. Кто бы ни был действительным заказчиком, самая старая рукопись Жития, написанного Саввой, – это Vaticanus gr. 1667, один из четырех студийских кодексов начала X в., о которых говорилось выше. По крайней мере еще одно сочинение Саввы, похвальное слово Феофану Исповеднику, было включено в состав студийских четых миней под 12 марта примерно в это же время. Можно предположить, что поскольку Савва переписал биографию Иоанникия в интересах студитов (общеизвестно, что он устранил оттуда жесткую критику Петра в адрес Феодора и его последователей), то именно они и снабдили его материалами для такого предприятия, т.е. в первую очередь предоставили в его распоряжение Житие, написанное Петром. Если это так и было, то последнее произведение было доступно студитам уже во время первого патриаршества Игнатия (847–858), которым обычно датируется работа Саввы.

Перейдем теперь к догматико-полемическим трудам патриарха Никифора. Здесь проблема стоит несколько в ином аспекте. Как случилось, что никаких следов знакомства с ними не обнаруживается в объемистом корпусе сочинений патриарха Фотия, который глубоко почитал Никифора как одного из своих самых славных предшественников на Константинопольской кафедре и не жалел похвал для единственного его сочинения, которое попало ему в руки – «Бревиария»²⁸²? Было ли такое место в Византии, где работы одного из выдающихся богословов периода [144] иконоборчества могли сохраняться недоступными для Константинопольского патриарха, но при этом быть переписанными на пергамене в X в.? Ответ напрашивается сам собой – библиотека Студийского монастыря. Отличной иллюстрацией того, насколько трудно было патриарху получить доступ к этому книгохранилищу, если он находился со студитами в не слишком приятных отношениях, служит любопытная история, случившаяся при Мефодии. Последний обвинил студитов в том, что они хранят полемические сочинения Феодора Студита, направленные против патриархов Тарасия и Никифора. Монахи ответили, что Мефодий никогда не узнал бы о существовании этих текстов, если бы не воспользовался услугами своего шпиона. Патриарх тогда хитроумно возразил, что это был двойной агент, и что студиты намеренно предоставили ему памфлеты Феодора, чтобы «запугать» предстоятеля Константинопольской церкви²⁸³. Значит, чтобы проникнуть в библиотеку монастыря, даже высшим чинам византийского духовенства иногда приходилось прибегать к замысловатым уловкам.

Обобщение изложенных выше фактов и правдоподобных предположений приводит меня к мысли, что тексты, происходившие из круга Мефодия или же служившие общим источником для писателей, работавших под эгидой патриарха, каким-то образом очутились в библиотеке Студийского монастыря очень скоро после 847 г. На первый взгляд такое развитие событий кажется невозможным, учитывая ожесточенное столкновение между Мефодием и студитами, не утратившее актуальности до самой его смерти. Однако именно

этот конфликт и мог послужить основанием для перемещения архива. Как мне кажется, вскоре после 847 г. произошло следующее. Все влиятельные лица из окружения Мефодия умерли или во время его патриаршества (Феофан Начертанный и Михаил Синкелл в 845 г., Иоанникий в 846 г.), или лишь немного позже (Игнатий Диякон). Если в основе архива, о котором здесь идет речь, действительно лежала библиотека Никифора, то это было частное собрание, не принадлежавшее библиотеке патриархата. То, что у Никифора имелась собственная коллекция рукописей, подтверждает Фотий, согласно которому император не отнял у низложенного патриарха его книг²⁸⁴. Поскольку довольно сложно допустить, что император разрешил ссыльному Никифору забрать с собой какую-либо часть [145] официальной библиотеки патриархата, это должно было быть частное собрание (возможно, оно передавалось по наследству сначала Никифору от Тарасия, а потом Мефодию от Никифора, со временем увеличиваясь в размерах). Однако после смерти Мефодия 14 июня 847 г. архив из-за отсутствия законных наследников, по-видимому, остался в патриарших палатах и был обнаружен там новопоставленным патриархом Игнатием. Но собрание это, несомненно, включало полемические сочинения, созданные самим Мефодием и, возможно, его соратниками во время столкновения со студитами, и содержавшие резкую критику в адрес последних. Между тем, Игнатий был ближайшим союзником, если не ставленником, студитской группировки. Если бы он поместил найденный архив в библиотеку патриархата, его враги могли легко использовать такие произведения против его друзей и его самого. Поэтому Игнатию нужно было найти место, где эти документы находились бы в безопасности, и выбор здесь представлялся очевидным – библиотека Студийского монастыря. Заполучив этот, вероятно, весьма объемистый архив, студиты стали извлекать из него отдельные произведения и переписывать их, но сколько материалов так никогда и не дождалось своей очереди, остается только догадываться. Что можно отбросить сразу, так это мысль о сознательном уничтожении рукописей. Воспитанники Феодора

Студита относились к написанному слову с почти религиозным благоговением. Однако если рукописный текст помещался на нестойком носителе (например, папирусе) или не был переплетен, шансов сохраниться в течение многих веков у него практически не было.

Приложение III. Тексты

1. Синодик в Неделю православия

Текст, перевод которого дается ниже, носит явный отпечаток литературного стиля самого патриарха Мефодия. Впоследствии Синодик был очень существенно расширен за счет добавления новых анафематствований и многолетий. Здесь помещены только те статьи, которые могли входить в него в самые первые годы после восстановления Православия. Перевод выполнен по изданию: *Gouillard, Synodicon*, p. 45, 1–57, 174; p. 93, 752–769.

Синодик, читаемый в Неделю Православия

Причитающееся Богу ежегодное благодарение в тот день, когда мы получили обратно Церковь Божию, с обоснованием догматов благочестия и опровержением нечестивых учений зла.

Следуя пророческим речениям и повинуюсь апостольским увещаниям, и придерживаясь евангельских повествований, мы празднуем день обновления. Ибо Исайя говорит, что *острова обновляются к Богу* (Ис. 45:16, – слав, пер.), намекая на церкви из язычников – церкви же суть не просто храмовые постройки и украшения, но полнота находящихся в них благочестивых, и песни и славословия, которыми они служат Божеству. Апостол же, именно к этому призывая, велит ходить в обновленной жизни (Рим. 6:4), и всякой во Христе новой твари (ср. 2Кор. 5:17) – обновляться. Слова же Господни, показывая пророческое состояние, говорят: *Настал же в Иерусалиме праздник обновления, и была зима* (Ин. 10:22), умопостигаемая ли, в которую иудейское племя подвигло против всеобщего Спасителя вихри и смуту убийства, или та, что удручает телесные чувства переменой воздуха к заморозкам. Ибо была, была и у нас зима недюжинная, но поистине изливавшая свирепость великого зла – но расцвела для нас ранняя весна благодатен Божиих, в которую мы и сошлись воздать благодарение Богу за благой урожай, так что можно сказать, как в псалме: *Лето и зиму Ты учредил, вспомни же о них* (Пс. 73:17–18). [148]

Да, похуливших Господа врагов и бесчестивших Ему святое поклонение через святые иконы, превознесшихся и возгордившихся нечестием низверг Бог дивных и низринул с заносчивости отступничества, и не пренебрег гласом вопиющих к Нему: *Вспомни, Господи, поругание рабов Твоих, которое я ношу в недре моем от многих народов, которым поносили враги Твои, Господи, которым поносили воздаяние Христа Твоего* (Пс. 83:51–52). А воздаяние Христово суть искупленные смертью Его и уверовавшие Ему благодаря слову проповеди и иконному запечатлению, через которые избавленные познают великое дело домостроительства, и благодаря Кресту, и страстям и чудесам Его до Креста и после Креста, от которых и подражание страданиям Его переходит к апостолам, а от них – к мученикам, а через тех доходит до исповедников и подвижников.

Итак, вспомнив это поношение, которым поносили враги Господни, поносили воздаяние Христа Его, Бог наш, призываемый собственным Сыном и склоняясь к молениям Матери Его, а также и апостолов, и всех святых, которые были поругаемы вместе с Ним и уничижаемы вместе с иконами (наверное, чтобы им так же разделить с Ним поругание против икон, как они сострадали Ему во плоти), совершил позднее то, что восхотел сегодня, и сотворил потом то, что исполнил вначале. Ибо вначале, после многолетнего времени бесчестия и презрения к святым иконам, Он вернул благочестие к прежнему состоянию – ныне же, после без малого тридцатилетнего притеснения, Он устроил для нас недостойных избавление от бед и освобождение от огорчений, и провозглашение благочестия, и безопасность поклонения иконам, и праздник, несущий нам все спасительное. Ибо на иконах мы видим превосходящие нас Владычные страсти, Крест, Гроб, ад умерщвляемый и побеждаемый, подвиги мучеников, венцы, само спасение, которое посреди земли сотворил первый наш Устроитель состязаний и Податель наград, и Венценосец. Это торжество мы празднуем сегодня, в нем совместно веселясь и ликуя в молитвах и литаниях, возглашаем псалмы и песни: *Кто Бог так великий, как Бог наш? Ты – единственный Бог наш,*

творящий чудеса (Пс. 76:14–15). Ибо Ты посмеялся над хулиателями славы Твоей, отважных и дерзких против Твоей иконы явил трусами и беглецами.

Но оставим здесь благодарение Богу и Владычнее торжество над противниками, а подвиги и борения против иконоборствующих изложит другое слово и повествование. Мы же, словно на некоей остановке после прохода через пустыню, готовясь овладеть умопостигаемым Иерусалимом, сочли справедливым и должным в некоем подражании Моисею, а вернее, Божиим повелением, начертать в сердцах братии, как на каком-то столпе, сложенном из огромных камней и приготовленном к [149] принятию надписей, благословения, которые полагаются хранящим закон, и проклятия, которым подвергают себя законопреступники.

Посему мы говорим так:

Исповедующим пришествие Бога Слова во плоти словом, устами, сердцем и умом, письменно и на иконах – вечная память.

Ведающим различие сущности в одной и той же ипостаси Христа, и относящих к ней сотворенное и несотворенное, видимое и невидимое, страдательное и бесстрастное, описуемое и неопишуемое, а к Божественной сущности – несотворенное и тому подобное, за человеческой же природой признающим как прочее, так и описуемость и словом, и изображениями – вечная память.

Верующим и проповедующим, то есть благовествующим слова в буквах, дела в образах, и что и то, и другое приносит ту же пользу, провозглашение в словах и подтверждение истины в иконах, – вечная память.

Освещающим губы речами, а затем речью слушателей, ведающим же и проповедующим, что честными иконами подобным же образом освещаются глаза зрителей, а ум возводится ими к богопознанию, так же как и божественными храмами, и священной утварью, и прочими святыми сокровищами, – вечная память.

Знающим, что жезл и скрижали, ковчег и подсвечник, и престол, и курильница предначертывали и прообразовывали

пресвятую Богородицу Марию, и что они прообразовывали ее, но она не была ими, но была девицей и осталась Девой после богорождения, и поэтому пишушим ее как девицу на изображениях вместо того, чтобы обрисовывать тенями прообразов, – вечная память.

Ведающим и принимающим пророческие видения как созданные и запечатленные Самим Божеством и верующим тому, что, увидев, рассказал пророческий сонм, и держащим дошедшее от апостолов к отцам писаное и неписаное предание, и поэтому изображающим и почитающим святыни – вечная память.

Понимающим, что говорит Моисей: «Внимайте самим себе, ибо *в тот день, когда говорил Господь Бог в Хориве на горе, глас слов Его вы слышали, но образа не видели*» (Втор. 4:15, 12), и ведающим правильный ответ – а если что видели, видели же истинно, то как научил нас сын громов: *О том, что было от начала, что мы слышали, что видели, что рассматривали своими очами, и что осязали руки наши о Слове жизни, и об этом свидетельствуем* (1 Ин.:1–2), и вновь, как другие ученики Слова: Мы с Ним ели и пили, не только до страдания, но и после страдания и воскресения (Деян. 10:41) – итак, тем, кому Бог дал силу различать предписание закона и учение благодати, и там [150] невидимое, здесь же и видимое, и осязаемое, и потому изображающим и поклоняющимся виденному и осязаемому – вечная память.

Как пророки видели, как апостолы научили, как приняла Церковь, как постановили учителя, как согласилась вселенная, как воссияла благодать, как была доказана истина, как прогнана ложь, как премудрость говорила с дерзновением, как даровал Христос – так мыслим, так говорим, так проповедуем, почитая Христа, истинного Бога нашего, и Его святых в речах, в писаниях, в мыслях, в жертвоприношениях, в храмах, в изображениях: Ему поклоняясь и Его чтя как Бога и Владыку, а их почитая ради общего Владыки как его верных слуг и воздавая им относительное поклонение. Такова вера апостолов, такова вера отцов, такова вера православных, эта вера утвердила вселенную.

За это братски и отцелюбиво восхваляем глашатаев благочестия во славу и честь благочестия, за которое они подвизались, и говорим:

Герману, Тарасию, Никифору и Мефодию, поистине первосвященникам Божиим и поборникам и учителям Православия – вечная память.

Всему написанному или сказанному против святых патриархов Тарасия, Никифора и Мефодия – анафема.

Всему нововведенному или содеянному или имеющему быть содеянным против церковного предания и учения и наставления святых и славных отцов – анафема.

Евфимию, Феофилу и Емилиану²⁸⁵, славным исповедникам и архиепископам, – вечная память.

Феофилакту, Петру, Михаилу и Иосифу²⁸⁶, блаженным митрополитам, – вечная память.

Иоанну, Николаю и Георгию²⁸⁷, триблаженным исповедникам и архиепископам и всем единомысленным с ними епископам – вечная память.

Феодору, всепреподобному игумену Студийскому, – вечная память.

Исаакию²⁸⁸ чудотворцу и Иоанникию, величайшему в пророчествах, – вечная память.

Илариону, преподобнейшему архимандриту и игумену Далматскому, – вечная память. [151]

Симеону, преподобнейшему столпнику, – вечная память.

Эти отеческие благословения переходят на нас, сынов, подражающих их благочестию, и так же проклятия настигают отцеубийц и презирающих Владычные заповеди. Поэтому все сообща, сколько ни объемлет полнота благочестия, мы таким образом выносим им проклятие, которому они сами себя подвергли:

Тем, кто на словах принимает домостроительство Бога Слова, а видеть оное на иконах не терпит, и поэтому в речах притворяется, а на деле отрицает наше спасение, – анафема.

Тем, кто во зло привержен речению «неописуемый» и потому не желает, чтобы изображался на иконах подобно нам

приобщившийся плоти и крови (ср. Евр. 2:14) Христос, истинный Бог наш, и поэтому оказывается фантасиастом²⁸⁹, – анафема.

Тем, кто, хоть и против воли, допускает видения пророков, а явленные тем – о, чудо! – даже прежде воплощения Слова изображения не принимает, но либо пустословит, что узревшим явилась та самая непостижимая и невидимая сущность, либо соглашается, что так был показан для видевших образ, и прообразы, и обличья истины, но не терпит, чтобы изображалось воплотившееся Слово и страдания, перенесенные Им ради нас, – анафема.

Тем, кто слышит от Господа, что: *Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне (Ин. 5:46)*, и далее, и как Моисей говорит понимающим: *Пророка из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог наш (Втор. 18:15)*, а потом заявляет, что принимает пророка, но не представляет в изображениях благодать пророка и всемирное спасение, как Оно было видимо, как обитало с людьми, как исцеляло недуги и болезни, превосходившие врачевание, как было распято, как погребено, как воскресло, как все перенесло и сотворило ради нас – итак, тем, кто не терпит видеть эти спасительные для всего мира деяния на иконах, и не чтит их, и не поклоняется им, – анафема.

Тем, кто остается в иконоборческой ереси, а вернее, христорборческом отступничестве и не желает быть возведенным к своему спасению через Моисеево законодательство, и не предпочитает вернуться к благочестию благодаря апостольским учениям, и не соглашается обратиться от своего заблуждения при помощи отеческих увещаний и наставлений, и не смущается перед согласием Церквей Божиих по всей вселенной, но раз и навсегда подвергает себя участи иудеев и еллинов (ибо на хулу, которую те возводят непосредственно на первообраз, и эти не стыдятся [152] осмеливаться против Самого Изображаемого через Его икону) – итак, тем, кто безвозвратно одержим этим заблуждением и закрывает уши для всякого божественного слова и духовного учения, как уже гнилым и отсекившим самих себя от общего тела церковного [членам] – анафема.

Анастасию, Константину и Никите²⁹⁰, предводителям ересей при Исаврах, как несвященным и наставникам погибели – анафема.

Феодоту, Антонию и Иоанну²⁹¹, друг другу передавшим зло и сменившим друг друга в нечестии, – анафема.

Всем еретикам – анафема.

Синедриону, возмущившемуся против честных икон²⁹², – анафема.

Тем, кто применяет речения Божественного Писания, сказанные против идолов, к честным иконам Христа Бога нашего и Его святых – анафема.

Тем, кто сознательно вступает в общение с оскорбляющими и бесчестящими честные иконы, – анафема.

Говорящим, что христиане подходят к иконам, как к Богу, – анафема.

Говорящим, что иной помимо Христа Бога нашего избавил нас от идолов²⁹³, – анафема.

Осмеливающимся говорить, что католическая Церковь когда-либо принимала идолы, как ниспровергающим все таинство и оскорбляющим христианскую веру – анафема.

Если кто защищает приверженца христианообвинительной ереси или кого-либо, окончившего в ней свою жизнь, – анафема.

Если кто не поклоняется Господу нашему Иисусу Христу, описуемому на иконе согласно человечеству, да будет анафема.

Многая лета царям

Михаилу, православному нашему царю, и Феодоре, его матери, – многая лета. [153]

2. Житие Мефодия

Приводимый ниже текст, несомненно, подвергся тенденциозной переработке, поскольку содержит не приличествующую агиографическому жанру критику в адрес главного героя. С другой стороны, Житие сохранило некоторые поистине драгоценные подробности, не встречающиеся ни в каких других источниках (например, о числе жертв «великой чистки»). Возможно, это не что иное, как сокращенная и переработанная версия биографии патриарха, написанной его ближайшим другом и сподвижником Григорием Асвестой, о существовании которой нам известно от более поздних авторов²⁹⁴.

Записка о богоугодном житии иже во святых отца нашего Мефодия, архиепископа Константинопольского

1. Иерарха, а вместе и подвижника, и мученика Христова по достоинству похвалить возможно было бы одним только ангелам, которые украшают первое и божественное священноначалие и тайноводствуют достойных святителей и доставляют подвижающимся и состязающимся укрепление и усердие – если же это будет дано и людям равного чина и равной чести с тем мужем, то [пусть] священноначалие превозносит святителя, старание – подвижничество, а состязатель – победителя. Что же, если до сих пор никто из таковых мужей не посвятил превоспетому Мефодию какое-либо такое слово, потому что, стыдясь превосходства этого человека, они восхищались им и восхваляли его молча, то, значит, мы, хоть и ничтожнейшие, оставим вообще без рассказа столь великую его добродетель и не возвестим совершенные Богом через него благодеяния? И когда же мы лучше исполнили бы заповедь, повелевающую почитать отца, чем принося благодарение Тому, Кто в каждом поколении возносит Своих слуг, словно светила, и прогоняет мрак? Но мы не настолько полны безумия или опьянения, чтобы обещать похвалить отца по достоинству – но таким же образом, как те, кто недавно поступил в учение, подражают образцовым начертаниям букв, но не достигают их точного подобия, чтобы одно и то же соответствовало тому же самому, так и наше слово, наверное, будет спотыкаться, исходя от неискусного разума, но скажет, хоть и кратко, истину по мере сил. **[154]**

2. Избранный Богом Мефодий родиной имел Сиракузы, будучи сыном знатных и богатых родителей, – там он, постигнув с детства все грамматическое искусство и историю, правописание и чистописание, став уже мужчиной, прибыл в столицу, везя с собой очень много денег, намереваясь достичь царских должностей и сделаться в жизни знаменитым. Промыслом же Божиим встретив некоего подвижника, когда тот

его спросил, ради чего он переселился с Запада на Восток, он изложил ту же самую цель. Мудрый же тот человек сказал: «А если ты так любишь славу, почему бы тебе вместо преходящей не обогатиться лучше пребывающею и божественной, раздав деньги бедным, взяв крест Христов и поистине последовав по Владычным стопам? Или ты не слышал, как Христос говорит в Евангелии, что здесь ты получишь это сторицей, и там унаследуешь жизнь вечную? Так что если ты сейчас послушаешься моего слова и сделаешь себя нищим и бесславным, то будешь восседать с сильными народа и унаследуешь престол славы».

3. И вот, доброе это сердце сразу, словно хорошая почва, принявшая семя, все совершило с поспешностью. Постригается он в обители Хинолакской²⁹⁵ и там проходит подвижничество поприще, стараясь ничего из правил не преувеличить и не упустить, хорошо зная, что уклонение в ту и в другую сторону есть отпадение от всего.

4. И так вот он любомудрствовал, пока уже глубокая и темная ночь ереси ненавидящих и отрицающих домостроительство Слова Божия и из-за этого ниспровергающих Его икону и ругающихся над ней не охватила вселенную – ту, что подчинена царствующему Граду. Прогоняется с престола святейший патриарх Никифор и осуждается на ссылку, и все приверженцы правого учения становятся переселенцами и беженцами, и странниками, укрываясь в горах и пещерах, и пропастьях земных. Тогда Мефодий, отправившись из монастыря, прибыл в Рим, поскольку тот находился вне власти зла, и там еще более трудолюбиво упражнялся в делании и созерцании, так что укрепился и в том, и в другом, и приобрел как бы силу свыше. Видя же, что господство зла беснуется все яростнее, видя испепеление священных сокровищ и изгнание верных, их пленение, ссылки, клеймение, невыносимые бичевания, узилища, голод, клевету и тому подобные вещи, он плакал, молил Бога запретить буре и остановить ее, превратив в ветерок.

5. Прошло немного времени, и дикий Лев был убит при жертвеннике, который он хулил, и Михаил принял царство.

Тогда-то, не терпя видеть, [155] что истине заперты уста, и она осуждена на безгласие, а несправедливость громогласно вопиет, так что крик ее слышен на небе, и не находится никого, кто бы заставил ее молчать или обличил, он, взяв у папы догматические свитки, то есть определения Православия, пришел к преемнику Льва, надеясь привести того к Православию и восстановить иже во святых Никифора на его собственном престоле. А тот, приняв свитки, уничижил их, словно паучы плетения, а самого его, отчетливо и дерзновенно возвещавшего православное учение, объявил виновником смуты и соблазнов и дал ему около семисот ударов бичом, а после этого, уже полумертвого и при последнем издыхании, сначала заключил в темницу, а потом в некую гробницу на острове апостола Андрея, в каковой гробнице был заточен и другой человек за мятеж. Так что отовсюду подступало к нему уныние, от бичей, от того, что его не лечили, от осужденного невежественного человека, от тесноты гробницы и, самое страшное, от непроглядного мрака. Посему не нужно нам уже излагать последовавшие за этим мрачные вещи тем, кто узнал род его пытки, потому что все знают человеческую слабость и этот жалкий и болезненный скудельный сосуд, сколькими страданиями он наполняет душу в таких обстоятельствах. Ибо поистине и он был заживо положен без попечения в глубочайший ров, во тьме и сени смертной. Таково первое борение блаженного Мефодия за Христа (о последующих будет вскоре сказано), таково тяжкое и длительное мученичество воистину великого мученика Христова.

6. Итак, всячески допрашиваемый, не хочет ли он надругаться над Христовой иконой и быть отпущенным из темницы, он говорил, что скорее претерпит тысячу и больше таких смертей, чем возымеет даже бесчестящую мысль против иконы Христа Бога нашего. И вот, заключенный там девять лет, только лишь по всеобщей амнистии, которую повелел незаконный император, находясь при последнем издыхании, был отпущен и он, исполненный Духа Святого и носивший на собственном теле залогов бессмертной жизни, то есть знаки Христовых страданий: с совершенно облысевшей головой и

ничем не отличавшийся от мертвеца, сохраняя человеческий облик и прежнее подобие только костями и кожей. Вот так оставшись сам по себе (потому что не было обители, непричастной ереси), он общался с равными ему по ревности подвижниками и мучениками Христовыми, недавно освобожденными из уз и ссылки; общался и с синклитиками, иной раз предлагал спасительные догматы испившим еретический яд и избавлял их от опасности для души – ибо он был красноречив и сладостен, и глубок разумом, умело сопоставляя и приводя речения божественного Писания, так что слова Писания текли в уши, словно его собственные, прохладная и сладкая вода для жаждущей гортани. [156]

7. И вот, когда отца на царстве сменил языколюбивый, скорее чем боголюбивый Феофил²⁹⁶, тогда, поскольку тот испил допьяна зелье этой мерзкой ереси, православные вновь были гонимы, ссылаемы, теряли чины, лишались имущества и жилищ – не было вида бедствий, которого они не терпели бы. Тогда оклеветан был перед этим змием доблестный воин и мученик Христов Мефодий, открыто обличавший ересь и претерпевший великие пытки ради православной веры. Когда же он был призван, император сказал ему: «Не прекратишь ли, Мефодий, нести наказания из-за несвоевременного упрямства, нарушая добрые законы правителей? И чего ради – нестоящей вещи, так называемой иконы, ты исполнил вселенную смуты, так что и Римскому папе внушил послать свиток моему отцу?». Тогда отвечает Мефодий: «А если икона для вас такое нестоящее дело и недостойное никакого беспокойства, почему вы, получившие в удел Ромейское государство, не низвергаете ваше изображение вместе с Христовым и не уничтожаете, чтобы прославиться вместе с Христом, но каждодневно возносите его и возвышаете? Разве причина не ясна и очевидна, хоть мы ее и не называем?»

8. А тот, не вынеся издевательского обличения, превратил увещание в гнев и, приказав растянуть его на ремнях, дал ему по обнаженной спине и груди свыше шестисот ударов бичом, и потом, полуживого и всего залитого кровью, повелел бросить в какой-то дворцовый подвал через некий лаз. Но когда настала

ночь, некие христолюбцы извлекли его и лечили, и ему удалось выздороветь, а выходившее его боголюбивое семейство было осуждено христоненавистным и бесноватым тираном к полной конфискации имущества. Такова вторая схватка за Христа и со Христом победа блаженного этого бойца.

9. Но тот коварный змий, уразумев, что не в природе Христова воина, стяжавшего трудолюбивую душу и силу, уступать пыткам, прибег к противоположным средствам, думая увлечь его лестью и славой. И пригласив его, он говорил с ним благожелательно и мягко, и признавался, что охотно услышал бы от него разрешения вопросов из Писания, и в конце концов велел жить внутри дворца вместе со своими приближенными слугами. Человек же Божий и тогда скорее одерживал верх, чем был удерживаем – ибо он научил Православию всех самых близких к императору, и неудержимость царя в хуле и неприступности переделал в некоторую умеренность и сомнение, так что тот уже не бросался на православных с обычной дерзостью и не полагался на собственное мнение как на безупречное. [157]

10. Пока святой муж пребывал в этих испытаниях, Господь послал смерть императору, и та пришла также и для его ереси – ведь как только тот умер, окончилась вместе с ним и ересь. Ибо когда царство принял Михаил со своей матерью, православная Церковь Христова обрела дерзновение, и еретическая подделка была обличена как родившаяся и возобладавшая от человеческих рук, и желавшие говорить или слушать об этом встречали препятствие. Итак, когда Иоанн, колдун и гидромант, возглавлявший эту ересь и захвативший Константинопольский престол, был канонически изгнан вместе со всем своим клиром, то искали человека, достойного быть утвержденным на этом престоле, украшенного деланием и созерцанием человеческих дел и многоопытностью в божественных, и искушенного, могучего в слове и деле согласно божественному Писанию. И когда выдвигали многих святых мужей, предпочтен и поставлен был только страстотерпец Мефодий, превосходивший всех подвижничеством и опытностью в Писании, и красноречием, и

терпением в страданиях, и умеренностью образа мыслей, и приятнейшим обращением и беседой.

11. А поскольку мы упомянули подвижничество и одаренность, то, сказав об одном его достижении, предоставим вам домысливать остальные. Итак, премудрый Мефодий переписывал семь полных Псалтирей, каждую неделю [Поста] заканчивая по одной без еды – ибо он не отведывал даже воды, кроме субботы и воскресенья. Таково, говоря кратко, было подвижничество преподобного, таково одно из многих мученичество страстотерпца – и таково же предстояние в архиерействе.

12. И вот, увещание, то есть речь, с которой он тогда обратился ко всему народу церковному, став на ступенях, была, говоря в пересказе, такова: «Мы, отцы и братия, я и все вы, обязаны общей благодарностью подателю добра Христу Богу за то, что Он ныне удостоил освобождения нас, страдавших почти целых тридцать лет под тяжким игом ереси: ибо поистине Он и ныне *явил силу мышцы Своей, низложил сильных с престолов и вознес смиренных* (Лк. 1:52), как Он говорил святым Своим ученикам и друзьям: *В мире сем будете иметь скорбь. Но мужайтесь: я победил мир* (Ин. 16:33). Вы думаете, что у меня и у вас общая радость, и в чем-то полагаете правильно – ибо как мне не восхищаться, видя, что мрак изгнан из душ, а свет Христов сияет повсюду? Но есть у меня и некое горе, примешанное к радости, не о вышесказанном (ведь ненавистно досадование о благе), но о том, что вы возложили на меня великие труды и вящие заботы этого предстоятельства, раз мой удел настолько же труден и подвержен зависти, насколько высок и славен. Но я не считаю свою душу для себя ценной – только если она право возвещает евангельскую проповедь. Ибо православная вера поистине **[158]** есть добродетель и мать добродетелей, как полагает великий Павел, сказавший: *Без веры угодить Богу невозможно* (Евр. 11:6).

13. Итак, следует нам, сохранившим православную веру непорочной, хоть мы и претерпели многие наказания и скорби от несчастных, поработенных ересью, всегда помнить Господнее речение: «*Отче, прости им, ибо не знают, что сделали*» (Лк.

23:34). Посему ныне вы, кто более горяч, если хотите им отомстить, послушайте меня и прогоните угнездившуюся в их душах ересь, заставившую их вооружаться против вас. Такова самая мощная победа над врагами – устранить оскверняющую их вину и противоположное мнение привести к своему собственному, потому что телесно пострадав, телесно и мстить обидчику свойственно свиньям и подобным неразумным существам. Но и свободой да не воспользуемся на пользу плоти, утучняясь и жирея, подобно тому ветхому Израилю (ср. Втор. 32:15), только что освобожденному от глины и делания кирпичей – и да умолкнет злословие. Итак, лучше превратим время похвал во время благодарения и благоугождения, помня о недавних бедствиях: ведь вы знаете, что не нужно времени, чтобы мы потеряли и саму жизнь, уж не говоря обо всем, нас окружающем. Противоположное же этому часто, несмотря на много затраченного времени и труда, не приобретается. И вы, кто вчера храбрились скорее против самих себя, нежели против нас, не огорчайтесь, что вам не дают тиранствовать, но радуйтесь, что перестали грешить, и притом грехом хуже прочих – ибо какой есть больший грех, чем злословить божественное и карать благочестивых? Видите ли величие благодеяния Божия? Видите совет премудрого Промысла? Итак, он исцелил и тех, и других одной повязкой, и гонителей, и гонимых, избавив одних от телесного, а других от душевного притеснения.

14. Посему вы, некогда нечестивые, должны благодарить ничуть не менее, чем всегда благочестивые, только не закрывайте уши, будто змея, желая укрыться от догматов Православия, словно от заклинаний, только извергните из душ ваших манихейский яд, и так уверуйте очищенным вашим разумом, *что Слово стало плотью и обитало с нами, и мы видели славу Его, как Единородного от Отца (Ин. 1:14)*, чтобы и вам стать общипками услышавших: *«Блаженны не видевшие и уверовавшие (Ин. 20:29), ибо Дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня (Лк. 24:39)»*. Произнеся это, и еще того больше, он распустил собрание – а мы перейдем к дальнейшему.

15. Итак, когда ему было вверено попечение о Церкви и вселенной, он сразу восстановил пришедший в упадок священный канон и закон. Он был отцом сиротам, защитником вдовам, скорейшей помощью терпящим несправедливость – но прежде всего он не давал очам сна и [159] векам отдыха, пока не выгонит ересь, словно порчу, из всей паствы и не утвердит в душах всех здравую и православную веру. Поэтому он совершал много рукоположений, желая обеспечить епископии, и ревность увлекала его, и приходящему к рукоположению были благодарны уже за то, что до того он был известен как православный. Тогда и многие, пленившись славой такого чина, даже против совести устремились на престолы – а тот по неведению (ведь он был не Петр), судил с уст приходивших и вверял им талант перед Богом. Но разве ему, преисполненному стольких и таковых благих свершений, не предстояло снести удар зависти? Но свидетельствуют Давид и Петр, пораженные жалом завистника, хоть они и воспряли и победили уязвившего их – а Мефодий, значит, стяжал славу вообще без испытаний? Или же он сносит, но не уязвляется, а напротив, и поражает, и низвергает ранившего его?

16. Посмотрите, как была отражена злая воздушная стрела врага: тот внушил патриарху совершать рукоположения из неподобающей ревности (с целью, якобы, уничтожить ересь), а некоторым из епископов и игуменов – переходить положенные им пределы и разжигаться ревностью и говорить, что не подобает совершать рукоположения без исследования, и особенно над теми, кто на исповеди признался в своих страстях. Это стало предлогом возмущения и раздора для Церкви Христовой. Ибо бранелюбивый бес, побежденный в еретиках, возбудил друг против друга православных. Но пусть никто не смущается, видя, как Павел, горя Христом, обличает Петра, а Варнава разлучается с Павлом из-за того самого, чем их связал Святой Дух, – ведь каждый из них вступался за Христа, а не выставлял самого себя, что произошло и тут. Победило, однако, решение и суждение патриарха, потому что его достоинство это позволяло, а с другой стороны, царская

рука содействовала приговору, и епископы и игумены были низложены и устранены, а схизма усугубилась.

17. Что же Бог, у Которого записаны все великие труды и усилия этого великого человека, принимающий сокрушение сердца более всякого другого деяния или созерцания? Он наслал на святителя болезнь, которую врачи называют водянкой – ибо надлежало многострадальному перенести и эту муку, чтобы во всем явиться венценосцем. Премудрый же, будучи очень понятлив и быстр умом, познал причину наказания – что он перешел меру ревности и был жесток с подвластными ему. Посему, сокрушенный сердцем в духе смирения и исповедавшись сердцеведцу Богу, он простил прегрешения тем, кто провинился перед ним, но отпустил некоторым и определенные прещения за пренебрежение и заносчивость по отношению к божественному архиерейству, как бы некоей уздой удерживая наиболее горячих и, таким образом посредством смирения и кротости **[160]** одолев беса самомнения и дерзости, который нападает на богатых добродетелями людей, прибавил победу над этими губительными страстями к прочим своим свершениям. И тогда уже переселяется он в блаженное, и вечнопребывающее, и лучшее обиталище, причтенный с мучениками мученик Христов, с патриархами патриарх, с праведниками и подвижниками во всем совершенный, наконец, созерцаемый перед ликом Христа, за Которого он перенес множество великих трудов, вкушая Его красоту и сладость вместо горького и болезненного претерпевания мучений.

18. О, колесница Божия, несущая правящего тобою Бога, которая обратила в бегство полки христоненавистной ереси! О, уста, протрубившие божественное превыше труб Навиновых, уста, которыми ниспровержен был святотатственный оплот христорборцев, и отеческое Православие, словно некая новая земля обетованная, была дана в удел всему новому Израилю Божию! О, ревнитель и преемник Давидовой доблести! Ибо как тот порази Голиафа камнем, так и ты поверг поборника ереси, злословившего Воплощение Слова как призрачное, краеугольным камнем, то есть истинным телом Христовым. Ибо разве и ты не показал начальствование прежде

начальствования, посещая притесняемый и стенающий православный народ Божий и полагая душу свою за всю Церковь, вначале бежав, как и тот, однако затем вернувшись и подобным же образом Божиим прорицанием удостоившись пастыреначальства? О, принесший Богу более священную жертву, чем Илия, и не двести и четыреста, как тот, убив жрецов студных, но двадцати тысячам и более поистине достойных стыда священников, стыдившихся исповедовать неложное Воплощение Слова, которым обновлен человеческий род, воспрепятствовав и не позволив нечестиво священствовать! Впору сказать здесь слово из премудрой Притчи: *Жертвы нечестивых – мерзость перед Господом, ибо незаконно приносят их* (Прит. 21:27). Ибо поистине таковые – беззаконники, ложно принимающие для жертвы тело, отображающее ложное тело. О, служитель гробницы Петровой и хранитель оттуда истекающего освящения чистоты! О, дышавший Павлом больше, чем воздухом! О, язык всякого божественного и пророческого Писания! О, книга евангельской ясности и благодати, собогослов и собеседник Григория и Василия и иже с ними богословов! О, обладатель трудно добываемого достояния, нестяжательства! Ибо начав со столького и столь великого богатства и власти, ты прошел жизнь лишенным всякого вещественного стяжания, тоже не имея куда приклонить голову под сенью пристрастия, нищенствуя с бедными и странствуя со странниками, первое – через уделение необходимого, второе же – через беспристрастие. **[161]**

19. О, почтивший как отцов патриархов, православных исповедников, и при жизни, и преставившихся и почивших, отчего да будет тебе благо! О, сокровищница и кладовая всякого благого дела и слова! Предстательствуй и ныне, как обычно, за твою паству; испусти молебные гласы ко Христу Богу нашему, чтобы Он удержал набеги варварских племен, избавил от вредоносных зверей Свою Церковь, истребил соблазны лукавого, даровал христоименному народу законность и благоденствие, доставил царям победу, добро Православия сохранил без ущерба, подарил безмятежную жизнь всем верным и вдобавок удостоил всех спасения души в Самом

Христе, единородном Сыне Божиим и Боге, с Которым безначальному Отцу со Пресвятым и животворящим Духом слава, честь и благодарение, ныне, и присно, и в нескончаемые веки веков, аминь.

3. Из книги Константина Багрянородного «о церемониях»

Сочинение императора Константина VII, созданное в конце 50-х – начале 60-е гг. X в., основано на официальных протоколах и записях константинопольского императорского двора. Технический характер большинства описаний, предполагающий у читателя прекрасное знание упоминаемых реалий, делает книгу чрезвычайно сложной для комментирования. Поэтому здесь текст приводится без пояснений, тем более что многие вещи станут понятными, если внимательно прочесть предшествующие разделы.

Глава 37 (11,28) Что следует соблюдать в праздник Православия

Вечером в субботу патриарх уходит в храм пресвятой Богородицы во Влахернах, а с ним уходят митрополиты, архиепископы и епископы, которые в этот день окажутся в городе, а также и клирики Великой Церкви и внешних церквей, и все, кто в этом богохранимом граде подвизаются в иноческой жизни во всех монастырях, и все вместе совершают всенощное пение в честном храме. На следующий же день, который есть воскресенье, патриарх со всеми вышеперечисленными выходит из храма с литией, и они проходят через общественный портик. Император же, выйдя из дворца, одетый в сагий, через ворота Спафарикия и сопровождаемый чинами кувуклия, одетыми в свои сагии, проходит через Магнавру и ее верхние проходы и по деревянной лестнице входит на хоры Великой Церкви. И войдя на хоры, помолившись и затеплив свечи, император переодевается, и остальные тоже согласно своему чину, в праздничные белые одежды. Когда же приближается лития, дается силентий, и император выходит из митатория на хорах, и его встречают патрикии в большом триклине секрета вместе со всем синклитом, и падают ниц. Затем препозит, получив знак от императора, передает церемониймейстеру, и тот говорит: «Прикажите», а они произносят пожелание: «На многая и благая лета».

И оттуда император, сопровождаемый всеми, несущими свечи в сосудах, спускается по большой лестнице и через училище, где пасхальные таблицы, и, сойдя по ступеням, не входит в большой притвор, но, поворачивает налево к помещению со стороны треугольника, в то время как [163] церемониймейстер при каждом шаге говорит: «Каплате, Домини», и спускается по ступеням Афира, и там встречает литию. Затеплив же свечи и помолившись, он поклоняется честному Кресту и пречистому Евангелию, а также приветствует патриарха, и идет впереди литии. Церемониймейстер же начинает тропарь: «Иже истинных догматов», причем то же поют и все участники процессии. А император, войдя в притвор, садится, пока не подойдет патриарх с литией. И когда патриарх подходит, император встает, и оба стоят перед царскими вратами, и император, затеплив свечи, молится, а патриарх творит молитву входа, и, помолившись, император передает свечи препозиту, а тот – церемониймейстеру. Когда же патриарх закончит молитву входа, и император поклонится пречистому Евангелию, они, взявшись за руки, проходят в середину храма и, обогнув амвон сбоку, входят на солею и становятся напротив святых врат, и император, взяв оттуда свечи, молится, а потом отдает их препозиту. И когда поклонятся друг другу император и патриарх, тот входит в алтарь, чтобы совершить божественную литургию, а император уходит в митаторий, чтобы там участвовать в божественной литургии – ибо в этот день император не входит в алтарь.

Следует же знать, что при выносе Святых Даров и святом целовании он не выходит из дверей, а при причастии выходит и приобщается, и по окончании божественной литургии император выходит из митатория и соединяется с патриархом, и оба они проходят до Святого Кладезя, а когда поклонятся друг другу и поприветствуют, император выходит оттуда и, войдя через коридор малых ворот Халки, проходит через помещения Схол и Экскувитов, причем церемониймейстер говорит: «Каплате, Домини», а когда дойдет до Консистерия, синклит остается там, возглашая пожелания императору, а церемониймейстер и силентиарии остаются в Оноподе, тоже произнося пожелания.

Император же проходит через Августеон и входит во дворец, и по прочтении списка приглашенных подают угощение, и сразу же все снимают праздничные облачения. А император садится за свой честной стол в скарамангии, и те, кого он велел пригласить, тоже в скарамангиях, а чины кувуклия в тот день не совершают предстояния.

Нужно знать, что таков был старый порядок²⁹⁷ – а теперь император до входа делает все остальное, как и было сказано. При входе же они проходят внутрь алтаря, и поклоняются святому жертвеннику и индитии, и сбоку от алтаря по лестнице, которая позади апсиды, поднимаются на хоры и входят в митаторий, снимают свою хламиду, и больше [164] ничего, – и слушают божественное Евангелие и ектенью, а после этого входит столыник с хлебодарами и читает список приглашенных. И владыки выходят и идут в митаторий патриарха, и сразу же подается угощение, причем они снимают свои дивитисии и ждут, пока окончится божественная литургия, и патриарх поднимется. А препозиты идут и садятся у входа, через который поднимается патриарх, и когда тот взойдет, берут его за руки, целуя их, и идут, чтобы ввести его к владыкам. И патриарх снимает свои праздничные облачения и, присоединившись к владыкам, идет и возлегает вместе с ними у стола, и входят приглашенные и завтракают с ними, а когда встанут, владыки снова уходят по переходам во дворец.

Нужно еще знать, что и свечи магистры, препозиты и патрикии получают от эконома, а при господине Феофилакте – и благовонные курения, причем господин патриарх Феофилакт выставлял и сладости в том месте, где находится молельня святого Феофилакта, и владыки вкушали сладости вместе с магистрами, и препозитами, и прочими, кому они велели.

Приложение IV. Источники «сказания о посмертном прощении императора Феофила» в древнерусских хронографических сводах

«Сказание о посмертном прощении императора Феофила» встречается во многих памятниках древнерусской литературы. Мы начнем наше рассмотрение с исторических сочинений – Еллинского Летописца второй редакции и Полной Хронографической Палеи. Еллинский Летописец (полное название этого произведения – Летописец Еллинский и Римский ²⁹⁸) по жанру – хронографическое сочинение, в котором излагаются исторические события в хронологическом порядке от сотворения мира. Многочисленные рукописи разделяются на две группы – ЕЛ первой редакции и ЕЛ второй редакции. Не известно, когда и кем были созданы эти две редакции. Первая датируется на основании косвенных данных временем до XIII в.; вторая редакция была создана предположительно в XV в., во всяком случае, не позднее 1453 г. Они составлены на основе так называемой Архетипной редакции, которая не сохранилась до нашего времени в первоначальном виде. Тексты обеих редакций «сшиты» из кусочков различных самостоятельных сочинений. Исторической канвой, на которую нанизываются разнообразнейшие сказания, служит хроника Георгия Амартола, столь любимая составителями древнерусских исторических произведений. В помощь Амартолу использовалась византийская хроника Иоанна Малалы, а также [166] Александрия хронографическая. Первоначальная Архетипная редакция охватывала всемирную историю от царствования Навуходоносора до правления византийского императора Романа Лакапина. Позднее к первоначальному «ядру» добавилось недостающее начальное звено – рассказ об ветхозаветных событиях от сотворения мира до падения Израильского и Иудейского царств. ЕЛ первой редакции лучше сохранил свою близость к Архетипной редакции. Составитель второй редакции ЕЛ решил разнообразить свое сочинение и добавил в первоначальный текст Книгу пророка Даниила с

толкованиями Ипполита, Книгу пророка Иеремии, почти полный текст Жития Константина и Елены, «Сказание о построении Софии Царьградской», рассказ о взятии Иерусалима Титом, фрагменты из Жития Богородицы Епифания Кипрского и ряд выписок из других сочинений. Одним из таких добавлений, отсутствующих в первой редакции, является «Сказание о прощении императора Феофила» ²⁹⁹, причем этот текст встречается в ЕЛ второй редакции дважды: более короткий вариант (фрагмент 397 по Творогову «Слово на сборъ в 1-ю неделю поста. О Феофиле царе, како по смерти прощенъ бысть» ³⁰⁰) и гораздо более обширный фрагмент 399 («Слово събрание еже есть православная Вера. Въ 1 неделю святаго поста. О Феофиле царе, како по смерти прощенъ бысть от муки»),

В первый раз рассказ о прощении Феофила читается после «исконного», принадлежащего хронике Георгия Амартола, рассказа о том, как императрица Феодора восстановила иконопочитание. Второй вариант этого текста следует довольно неожиданно за сообщением о том, как Василий (будущий византийский император, основатель Македонской династии) укротил дикого коня и оказался таким образом замеченным императором Михаилом, который сделал его своим приближенным. Объяснить, почему для рассказа о прощении императора Феофила выбрано такое странное место, далеко отстоящее от событий 842–843 г., довольно сложно. Однако, можно высказать следующее предположение: рассказ о приближении ко двору Василия – последний эпизод правления Феодоры и Михаила, поскольку следующий раздел, начинающийся с заголовка И по сих царствова Михаилъ един 10 лет повествует о самостоятельном царствовании Михаила. Вероятно, составитель второй редакции Еллинского Летописца, не зная точно, куда вставить рассказ о прощении [167] Феофила, и понимая, что он относится к правлению Феодоры, решил поместить его в конец ее царствования.

Отдельным рассмотрением судьбы текста «Сказания о Феофиле» в составе древнерусских исторических сочинений никто не занимался. А.Н. Попов, один из первых

исследователей древнерусских хронографов, выделил две разновидности «Сказания» в Еллинском Летописце второй редакции: краткую и пространную, и опубликовал небольшой отрывок из последней (сон императрицы Феодоры) ³⁰¹.

На основе этого небольшого напечатанного фрагмента текста высказывались разные предположения о греческом оригинале «Сказания». М. Петровский, издавая сербский перевод «Сказания о святых и честных иконах», пишет в предисловии: «Настоящее сказание о загробном помиловании Феофила входило, кажется, в русские хронографы известных видов, что можно заключить из одного отрывка, приведенного исследователем русского хронографа А. Н. Попова».

В. Регель предлагает другой греческий текст в качестве источника для «Сказания о Феофиле» в древнерусских хронографах. По его классификации существовало три греческие редакции, каждая из которых представлена в одной рукописи:

1. Lond. Add. 28270. 1111 г.

2. Кодекс, изданный Комбефисом (с этого текста сделан перевод, который опубликовал М. Петровский)

3. Madr.O.86.XIV в.

Регель считает, что «Сказание о Феофиле» в составе Летописца второй редакции является переводом текста из последней рукописи. Очевидно, что полного текста «Сказания о Феофиле» из Еллинского Летописца он, как и Петровский, не видел, оба исследователя основываются на маленьком отрывке, изданном А. Н. Поповым. Краткий вариант «Сказания» (фр. 397 по Творогову) Регель, вслед за Поповым, считает сокращенной формой пространного сказания (фр. 399 ³⁰²). Однако даже беглое сопоставление греческого текста из Мадридской рукописи и древнерусских сказаний о Феофиле показывает, что никаких генетических связей между этими сочинениями нет.

К сожалению, суждения, высказанные еще в XIX столетии, не пересматривались никем из современных ученых, и в научной литературе бытует не совсем верное представление как о связях древнерусских [168] текстов «Сказания о Феофиле»

с византийскими первоисточниками, так и о соотношении разных редакций между собой ³⁰³.

Мне удалось выявить основной греческий источник для фр. 399 в ЕЛ2. Этот текст взят из триодного Синаксаря, составленного Никифором Каллистом Ксанфопулом ³⁰⁴. Славянский перевод этой редакции греческой Триоди был сделан на Афоне в первой половине XIV в. В приписке к рукописи Синайск. № 23 сохранилось даже имя переводчика – Закхей Философ ³⁰⁵. Текст этой редакции послужил основой для первых печатных Триодей и практически без изменений воспроизводился вплоть до Никоновской справы ³⁰⁶.

Для сравнения приведем начало текста синаксаря Постной Триоди, изданной в 1642 г., и начало распространенной версии «Сказания о Феофиле» из ЕЛ2.

Постная Триодь

Еллинский Летописец

бысть же сице львоу исавроубысть же сице Лву Саврянину
изъ осяго паствения иизъ осяго паственна и
рукокупленаго жития по божирукокупленаго житиа по Божию
попущению скипетры греческагопопущению скипетры
царства оудержавшу иже воГречьскаго царства удержавшу,
святыхъ германъ тогда кормильиже въ святых Герман тогда
церковныхъ обиємъ. Абиепатриарх коръмилъ церковный
присылается от оного иобдържа, абие присылается от
слышитъ яко мне мнится,оного и слышит, яко мнит ми ся,
владыко, иконы ничтожевладыко, иконъ ничтоже
различати идоломъ. повелеваюразлучати идолом, повелевай
оубо елика скорость из средыубо елико скорость и среды тем
тем быти или аще истиннибыти, или аще истинн суть
соуть зракове но вповышьше дазраков, да в повышьшее
повышаются да не со грехиобещаются, да не грехы
валяющся всегда техъваляющся, всегда тех
оскверняемъ лобызающе. оскверняем лобызающе ³⁰⁷.

Очевидно, что перед нами перевод одного и того же греческого текста, отличающийся незначительными разночтениями. Текст распространенного варианта «Сказания о Феофиле» в Еллинском Летописце второй редакции довольно точно следует своему греческому оригиналу. Однако в него

вставлен ряд пассажей, которых мы не находим в синаксаре Никифора Каллиста Ксанфопула и, соответственно, в его старославянском переводе. Вот некоторые из этих вставок:

Еллинский Летописец фр. 399

**Синасарь
Никифора
Каллиста
Ксанфопула**

оуста его отврѣзошася и рѣщезнуста еmyto stoma autou
челюсти и бе видити страшно и грозно яко иuper lian
внутреним утробы его являтися. Феодора ...anewgen, wV kai
много же плакавши, видящи мужа своего vauta ta egkata
нечестыи живоуща. И пришедше року живота егоendogen
... diajainesqai

Таких вставленных фрагментов всего двенадцать. Откуда они попали в текст синаксарного сказания? Ответ на этот вопрос находится здесь же, в Еллинском Летописце. Все 12 фрагментов восходят к краткой редакции «Сказания», текст которой представлен фрагментом 397 ЕЛ2. Практически весь этот отрывок, разбитый на небольшие пассажи, вошел в распространенную редакцию «Сказания». Ее составитель полностью переписал историческое введение об иконоборчестве, которым начинается синаксарное повествование Никифора Каллиста Ксанфопула, и вставил, практически без изменений, те эпизоды из краткой версии «Сказания», которых нет в синаксаре; в том случае, когда в двух редакциях рассказывается об одних и тех же событиях, тексты компилируются:

Краткая редакция	Синасарь Никифора Каллиста Ксанфопула	Пространная редакция «Сказания о Феофиле»
------------------	--	---

и се виде имена всяaralhleimmenon заглажено от Бога
написаная цела aqeoqen pantapasivсяческим Феофилово
Феофилово же имя yakoto tou Qeoqilouимя, а всехъ царевъ
не бысть написано onoma имена цела

Текст синаксаря заканчивается рассказом о литургии в Великой Церкви и установлении праздника Торжества

Православия, и далее составитель распространенной редакции полностью переписывает заключительный [170] пассаж из краткой редакции: рассуждение о добрых и злых женах и посмертном спасении человека (Почюдимся же ся, братие, человеколюбию Господа Бога нашего ... – всегда и ныне, и присно, и въ веки векомъ, аминь.)

Таким образом, распространенная редакция «Сказания о Феофиле» в Еллинском Летописце второй редакции представляет собой компиляцию двух текстов, рассказывающих об одном историческом событии: триодного синаксаря на воскресенье Торжества Православия и краткого «Сказания о посмертном прощении императора Феофила».

Теперь обратимся к краткой редакции «Сказания о прощении Феофила». Нам известны три варианта этого текста: фр. 397 из ЕА2, фр. 416 Полной Хронографической Палеи³⁰⁸ и часть «Слова святого Кирила в 1-ю неделю, поучение на сборь³⁰⁹». Как они соотносятся между собой? Считается, что фрагмент 397 ЕЛ2 полностью тождественен фрагменту 416 Полной Хронографической Палеи, однако это не совсем так. Текстологический анализ позволяет сделать вывод, что эти три текста отличаются друга от друга рядом различий, при этом ни один из них не является протографом другого, но все они восходят к одному прототипу. Приведем несколько примеров:

«Слово Кирила» Хронографическая Палея ФР. 397 ЕЛ2

бе црь злочтивъсеи црь злочтивыйбысть царь Феофил
 именемъ Феофилъфеофил ииенемъ,
 иконоборную ересьиконаборную ересьиконаборную ересь
 имыи,поишедшу жеимы пришедшу урокуимыразболевшу же
 уроку живота егожития его разболеся ему гневом
 разболеся и многолуютою болезнью и беБожиим лютою
 болевшии ведетивидити страшно иболезньюбе бо
 страшно грозно видети грозно

«Сказание о Феофиле» читается также в древнерусских Синодиках – подборках различных текстов о необходимости посмертного поминовения усопших. Как тип эти сборники сложились к концу XVI в., но [171] наибольшее распространение

получили в XVII в. Эти книги были очень популярны и активно переписывались (известно около семидесяти списков Синодика); тексты, входящие в их состав, всячески видоизменялись и редактировались. До сих пор не установлено, какой именно вариант «Сказания о Феофиле» (краткий или полный) попал в текст Синодика ³¹⁰. Судя по тому, что «Сказание о Феофиле» в Синодиках привязано к синаксарю в неделю мясопустную, наиболее вероятно, что этот вариант «Сказания о Феофиле» был заимствован напрямую из синаксаря Никифора Каллиста Ксанфопула, но «переехал» из Недели Торжества Православия в субботу мясопустную, когда совершается церковное поминовение усопших. Впрочем, это всего лишь предположение, и для того, чтобы подтвердить или опровергнуть его, необходимо тщательно изучить все рукописи Синодика, что я предполагаю сделать в дальнейшем.

Итак, мы видим, что «Сказание о Феофиле», было распространено в древнерусской книжности. Оно входило в разные по жанру сборники, было окружено различным контекстом, и в зависимости от этого воспринималось по-разному, и даже текст его несколько трансформировался в зависимости от «назначения» сборника.

В исторических сочинениях, таких как Еллинский Летописец второй редакции и Полная Хронографическая Палея, «Сказание о Феофиле» служит историческим рассказом о событиях середины IX в. В «Синодике» оно является назидательным повествованием о необходимости поминовения усопших, и описание исторических событий восстановления иконопочитания в Византии используется только как наглядная иллюстрация. В «Слове Кирила» «Сказание о Феофиле» приурочено к событию церковного календаря – празднику Торжества православия, совершающемуся в первое воскресение Великого Поста. [172]

Слово на сборъ въ 1-ю неделю поста. О Феофиле царе, како по смерти прощенъ бысть ³¹¹.

Бысть царь Феофилъ именемъ, иконоборную ересь имыи. Царица же его правый веры сущи, имущи сына Михаила, и от нея веры научена. Сице бо много плакавшеся ей, видящи мужа своего въ нечестии живуща. Разболевшую же ся ему гневомъ Божиимъ лютою болезнью: растеснулася челюсти его и уста ся не соидоста, бе бо видети грозно. Царица же, взявши икону пречистыя Богородица, приложи ему к устом и сведостася ему уста его, и в той болезни умре. Царица же велми печашеся, ведяще бо, яко съ еретики веденъ будет муж ея в муку, и велми печашеся, како бы ему помощи. Пленных и бедных велми искуповааше, и припаде молящися к Феодосью патриарху, дабы понудилъ вся епискупы, и игумены, и мнихы и вся иерея молитися за царя, дабы его Господь от муки избавилъ. Патриархъ же пръвое не яся, и абие умоли Феодора благочестивая царица, плачущися, рече: «Воля Господня да будетъ». И заповеда святитель по всей области своей всемъ епискупомъ и священником и черньцом молитися за Феофила царя.

Сие же бысть моление въ 1-ю неделю, глаголемую Феодорову святаго поста. Сам же патриархъ написавъ еретики имена всех царей и Феофила с ними, и положи въ Великой церкви на трапезе под индитиею, и паки молящися им всю неделю за царя. И абие прииде в пяток, видити написаниа и се виде имена вся написаная цела, а Феофилово же имя яко не бысть написано, и о семъ паки приз извещение святитель. Въ той убо день мнозе отходници приидоша, поведаяще, яко прощенъ бысть Феофилъ от муки. В ту же субботу служащу патриарху въ церкви, егда помолися за Феофила, глас бысть свыше к народу и всем слышащим: «И се молебъ ради моих святитель Феофилу прощение даю, и посемъ паки не приложите за такового молитися, не послушаю вас». Тогда царица Феодора рада бысть, приемши извещение о мужи своем, и съвещастася с патриархом собрати вселеньскыи сборъ. Поспешествующу же

и сынови еа Михаилу на утверждение правоверия, и повеле блаженная прокляти иконоборецъ ересь и вся еретики, а вера православная прославити. Сии убо соборъ ныне празднуимъ на прославление святымъ иконамъ, на проклятие же еретикомъ безбожнымъ.

Почюдимся, братье, человеколюбию Господа Бога нашего и разумеите, колико могут молитвы святитель его, яко и по смерти от муки изыша, и удивимся вере и любви к Богу блаженныя царицы Феодоры, [173] како приа скорбь и како печаловася о спасении мужа своего, не щадящи злата ни сребра, все раздаючи убогимъ, дабы от муки мужа искупити. Вся нудящи къ Богу за нь молитися, нь и черноризьскыи чинъ, нь убогыя и вдовыя и сироты, како та и по смерти милостинею от муки мужа избави. О таковых женах речено, яко и по смерти мужа спасеть, нь не въ мнозех женъ таковыя обрести, а сих болши, что не печалует о смерти мужне, нь токмо яже себе на потребу. О том всегда суть же и богоязныя жены, яже и не ведущу мужю, благая творят и подают Бога ради, и мужа своя понуждаютъ. И суть инии, иже бранят мужемъ не даяти, нь се полезние всем, кто же в животе своем скорбит, одина есть душа, одино житию есть время, и не уповайте чужими приносы спастися.

**Слово събрание еже есть православная въра въ
недѣлю святаго поста. О Феофиль царѣ, како по
смерти прощен бысть от муки ³¹²**

В ты же убо день в 1-ю недѣлю святаго поста православие, сиречь въстелесие святых и честных иконъ церкви праздновати приат, бывшая от Михаила и Феодоры, святых и блаженых царица, и святаго Мефодиа, патриарха Костянтина-града.

Бысть же сице Лву Саврянину изъ осляго паствения и рукокупленого жития по Божию попущению скипетры Гречьскаго царства удержавшу, иже въ святых Герман тогда патриарх корьмилъ церковный обдержа абие присылается от оногo и слышит, яко мнит ми ся, владыко, иконъ ничтоже разлучати идолом, повелеваи убо елика скорость и среды тем быти, или аще истинне суть зракове, да в повышьшее обещаются, да не грехы валяющесе, всегда тех оскверняем лобызающе. Патриарх же толикия мръзости от царя слышавъ, отвращаше, глаголя: «О, царю! Бесновати убо некому некогда на святых иконы, слышим Конона быти ему прозвище». Царь же таковое наречье от блаженнаго слышавъ и себе въспоманув, изрече сии же: «Нъ аз, рече, сице еще млад сын зовом бых темъ именемъ». Не повинующа же ся убо сложитися послушати его патриарха, изъсылает изъ патриархиа и въ заточение посла, единомудрена собе поставляет Анастасиа, и тако уже на святых иконы являет брань. Глаголет же ся евреемъ прежде, еже толику ненависть ему подложити от некоего волъшества предрекших, и еже въ царство възведение, внегда убогый сей с ними ослята паствьяше живот кормити куповаше. Оному же зле житие оставлешю, [174] иже изъ оногo суровеиши и скуменъ сынъ его Мотылоименитый Костянтинъ, еже есть Къпроним власть царства греческаго приим и лютеишии еже на святых иконы беснования приатель бывает. И что подобает глаголати, елика какова сии незаконныи сдела, нъ обаче оному гнусне скончавшуся, иже от козары сынъ его Леонъ въ царство въстает, понеже и ть зле жизнь преиде. Посемъ же Ирина благочестива и сынъ ей Костянтинъ пръвеи власти наследници быша. Сии от

Тарасиа святаго патриарха наставляеме седмый соборъ в Никии събраша и святыя иконы Божиа церкви въсприать. Симъ къ Богу прешедшим от житиа и по них, иже от Геника Никифорова царство възводится. И посем Ставрикии, сынъ его, по немже Михаилъ Рагавеи, зять его, святыя иконы чтуще. По сем же Леон Арменинъ царство приать, иже, от некоего мниха затворника и злочеститва лестью растливъ, второе иконоборъство въздвиже. И паки безълепотна церкви Божиа показася.

По сем Михаило Амореи царство приемлет. Того же паки сынъ Феофилъ по нем въцарися, еже на святыя иконы неистовъство велие положи. Сии убо Феофилъ многих от святых отецъ томлениемъ и мукамъ различным предавъ святых яве и честых иконъ ради, правды же обидимым наипаче вяще створяше я, якоже възыскаша тому повелевшу, аще кто есть въ граде крамолу имея друг къ другу или обиду и суд о мале или о велице, поискавше на многы дни и не обретоша. Царствова же лет 12, тажде чревным недугом объять бывъ, расторгнутися от живота хотяше и уста его отвръзошася и ращезнуста ему челюсти. И бе видити страшно и грозно, яко и внутреним утробы его являтися. Цариця же его Феодора болезнена зело о приключившимся бывшим, много же плакавши, видящи мужа своего в нечестьи живуща. И пришедше року живота его, и едва цариця на сонъ преложиша и виде во сне пречистую Богородицу и младенца держащи превечнаго, светлыми обстоима аггелы. Феофила же тоя подруга от тех немилостивъно биема и поругаема. И абие убо от сна възбну. И Феофил мало възведся и възпи: «О, горе мне, страстному, святых ради икон биемъ есмь». Цариця же въземши икону пресвятыя Богородица, молящися с плачем и приложи къ устомъ его. И абие сведостася устне его и бысть взоръ человеческий на нем. Феофилъ убо, сице имея, виде некоего от стоящих ему егъгорфъ носяща, похытивъ его облобызаше. И абие же на иконы шатавшаяся уста и бестудно зинувый гортанъ въ первое существо претваряшася, и от одержавъ беды преставъ, и уснувъ, и исповедавъ, добро быти святыя иконы почитати и честити. Изнесъше убо цариця от своих ковчежець святыя и

честныа образы, лобзати и почитати съ всею душею Феофила устрой. И по мале днии ищезает от житъя сего Феофил и в той болезни умре. [175]

Царица же Феодора, ведущи мужа своего, яко съ еретики от Бога в муку послан бысть, недоумяше, чим бы ему помощи. Иже въ изгнаниих сушая и в темницах всех молебне призвавши, въ свободе пребывати повеле. Сущаго же тогда патриарха изъверже от престола, именемъ Иоана. И низверзается убо от престола Иании сии влѣхвом начальный, бесомъ начяльникъ, а не патриархъ. Христовъ же исповедникъ Мефодии възиде на престолъ, многая пострада прежде и въ рве затворен бывъ. Сим же тако бывающим посещение абие бысть божественно Иоаникию великому въ Олимбовых горах постящемуся. Великий убо постникъ Арсакии, пришед к нему, глагола: «Бог мя к тебе посла, яко да къ затворнику Исайю, еже въ Никомидии, преподобному мужю бывшу. Идеве и от него увемы, елико любна Богу и приклад на его вся церкви. И убо къ преподобному Исаи пришедше, слышаша от него: «Тако глаголетъ Господь: Се приближися врагом моим изъобличение». Вы убо, къ царици Феодоре и к патриарху Мефодию пришедше, речете сице: «Утоли всех не священных, и тако ми съ аггелы жрътву принесеши вида моего образъ и креста».

Сиа убо слышавше, Костянтина-града достигоша и реченая възвестиша Мефодию патриарху, и избранным всем Богу. И събравше же ся, къ царици приидоша и покорливу ту въ всех обретают. Изъ отецъ бо бяше благочестива и христолюбива, абие убо святыи образъ Христовъ и Богоматери от шея възвышену изнесыии, всем зрящим, лобызаше, глаголющи: «Аще симъ не поклоняется дръжавно и неслужебъне, не яко богы, нь яко образе пръвообразных ради любви, да будет проклят». Все же радостью великою възрадовашся. Царица же припаде к патриарху Мефодию, молящися, дабы понудилъ вся епископы и игумены и мнихы и вся ерея молитися за царя, дабы его Богъ простилъ и избавилъ от муки. Патриархъ же, пръвое усумнивсь, не яся за такого молитися. И едва умоли царица плачущися и паки рече: «Воля Господня да будет.» И заповеда святитель по всей области гречкои и всем епископомъ и

преподобным и священноиноком и мнихомъ, вся събра от мала и до велика, причет же всь и архиерея въ великую церковь, в нихже беша избрании сии, иже изъ Олимба великыи Иоанникии и Арсакии, иже ученицы Феодора Студита, и Феодоръ Студить, и иже Великого села Феофанъ исповедници, Михаил святогражданинъ и суньклитниъ и синькелось, Феофанъ же и Феодоръ писании и друзии множайшии молбу всенощную къ Богу творяще о Феофиле. Всем молящимся съ слезами и съ усердиемъ и тако чресъ всю неделю пръвую постъную стваряюще. И самой царици Феодоре тако же съ женами прочими сдевающе и людьми. Сице же сим часто молящимся, Феодора царица о утрении озаряющи пятка на сонъ обращашеся, бе бо от многаго поста и бдения изнемогла. [176]

Абие виде в тонце сне мняшеся обрестися у столпа крестънаго и некоим, с воплем проходящим путь, преходят и различным мукамъ съсуды носящим. Посреди же сих водима Феофила наопакы связаны руце имущи. Сего же познавши, цариця последоваше, и та ведущимъ даждь и до медных вратъ достигоша. И виде тамо преестественна мужа образомъ некоего пред образомъ Христовымъ сидяща, ему же прямо Феофила поставиша. Тому же преславному сидящему к ногама прикоснувшись, царица о Феофиле моляшеся. Онъ же, преславный, помедливъ, отвръзь уста, рече «Велика ти, вера, жено». Разумеи убо, яко за слезы твоя и за веру, еще же и за молитвы и моления рабъ моихъ и священникъ моих, милость даю мужу твоему Феофилу». Потом же глагола и к водящим Феофила: «Раздрешите его и предадите жене ему». Тая же, того взявши, радуящися отиде.

И абие от сна въспряну, сии убо Феодора цариця узре. Патриархъ же Мефодии молитвами и молбами бывающим о нем. Сама же приимши книгу нову и написа в ней всех еретикъ царевъ имена, и того Феофила с ними, и положи въ Велицей церкви под святою трапезою, под индитьею, утаився всех. В пяток же патриархъ святеишии Мефодии и тьи узре некоего аггела страшна, въ Великыи входяша храм. И к нему бывши, пришед, рече глаголющи: «Услышася моление твое, о епискупе, и милость получи царь Феофилъ, не уже бо к тому достужаи о

сем божеству.» Патриархъ же окушашеся, аще есть истинное зримое от стояния своего сшед. И прииде царица видить написаниа и, возьмъ книгу и прочтет, обрете от Божиихъ судьбъ заглажено от Бога всяческимъ Феофилово имя, а всехъ царевъ имена цела. Се же уведеша, царица преобрадовася зело, о семъ извещение приять.

В тѣи же день мнози отходници приидоша поведюще оже Феофилъ прощенъ есть. Самому патриарху в субботу въ церкви служащу, егда помолися за Феофила, гласъ бысть свыше, всемъ слышавшимъ: «Молитвъ ради моихъ святитель Феофилу прощение даю, нѣ паки не приложите за такого молитися, не послушаю бо васъ». Тогда царица Феодора рада бысть, приимши извещение о мужи своемъ, и посла къ патриарху и вся люди, повеле събрати вселенскыи сборъ.

Се же бысть въ 1-ю неделю поста. Съ кресты и съ честными образы въ Великую церковь, яко да утварь иконамъ тѣи отдасться и новое чудо показано будетъ, еже о Феофиле царе. И убо всемъ събравшимся съ свещами, и царица поспешествующи съ сыномъ своимъ Михаиломъ, и молби тамо бывши на утверждение правотория съ иконами, и съ честными дресы крестными и святымъ Божиимъ Евангеліемъ, даждь и до глаголемого поприща изидоша, еже «Господи, помилуй!» възывающе. И [177] тако паки въ церковь възвратишася, божественую службу свершиша. И въздвижение святымъ и честнымъ иконамъ отъ предереченыхъ святыхъ мужъ проповѣданомъ убо благочестивымъ. И повеле проклята блаженная иконоборецъ ересь и вся еретики, а правоверныя прославити. И оттоле повелеша сии святіи исповѣдници сборъ створити въ 1-ю неделю поста, молебну сице таковому торжеству бывати, да некогда тому же благочестію впадемъ неизменнымъ образомъ, отцы оставиша почитати и поклонятися святымъ иконамъ и облобызати с верою и любовію. Сии сборъ ныне прославимъ и празднуемъ и свершаемъ на прославление святымъ и честнымъ иконамъ, на проклятіе же безбожнымъ еретикомъ.

Почюдимъ же ся, братіе, человеколюбію Господа Бога нашего: толь сквернена человека и по смерти помиловалъ. И разумеите, колико могутъ молитвы святитель его, яко отъ муки

изяша. И удивимся вере и любви къ Богу блаженая царица Феодоры, каку приз скорбь и како печяшеся о спасении мужа своего, не щадащи злата, ни сребра, все раздая убогымъ, дабы от муки мужа искупити, вся нудящи къ Богу за нь молитися, не токмо святителя, нь и черъноризьчкои чинъ, нь убогия и вдовыя и сироты, како ти по смерти милостинею от муки мужа избави. О таких реченых женах, яко и по смерти мужа спасеть, нь не въ мнозехъ женъ таковыя обрести, а сих болши, что не печалются о смерти мужии, нь токмо яже собе на требу, о том всегда суть же и богобоязнии жены, яже и не ведущу мужю благая творят и подают Бога ради и мужа своя понуждают. И суть инии, иже бранят мужемъ не даяти, нь се полезнее всем, ко же в животе своем и о спасении своемъ скорбите. Одина ти есть душа и едино житью время. И не упуйте чюжими приновы спастися.

Да се ведуще, потщимся очистити грехы наша въ дни сиа святыя постныя, славяще Отца и Сына и Святаго Духа и святых твоих исповедникъ, всегда и ныне, и присно, и въ веки векомъ, аминь.

1. Справочники и словари

1. *Beck H. C.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. Munchen, 1959.
2. *Bibliotheca Hagiographica Graeca* / ed. F. Halkin. Bruxelles, 1957.
3. *Ehrhard A.* Uberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche, Leipzig 1936–39. 3 Bde.
4. *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Munchen, 1978.
5. *Kazhdan A. P.* A History of Byzantine Literature (650–850). Athens, 1999.
6. *KriaraV E.* Lexiko thV mesaiwnikhV EllhnikhV dhmodouV grammateiaV. Qessalonikh , 1980.
7. *Liddel H.G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940 etc.
8. *Lampe C. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1968 etc.
9. *Prosopographisches Lexikon der mittelbyzantinische Zeit.* 5 Bde. B., 1999.
10. *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B.C. 146 to A.D. 1100). Cambridge (Mass.) – L., 1914.
11. *The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. P. Kazhdan. N.Y.-Oxford, 1991.

2. Источники

1. Acta Martyrum Constantinopolitanorum // Acta Sanctorum, Augustus, Vol. 2, p. 434–447.
2. Acta SS. Davidis, Symeonis et Georgii // AB, 18,1899, p. 209–259.
3. Analecta Byzantino-Russica, ed. W. Regel. СПб, 1891.
4. Constantini Manassis breviarium historiae metricum / ed. I. Bekker. Bonnae, 1837.
5. Constantini Porphyrogeniti de cerimoniis aulae Byzantinae/ ed. Reiske // PG 112.
6. Constantin Porphyrogenete. Le Livre des Ceremonies / ed. A. Vogt. P., 1935.
7. Epistula Synodica ad Theophilum Imperatorem // Cauer H. Texte zum Byzantinischen Bilderstreit (Studien und Texte zur Byzantinistik 1). Frankfurt a. M., 1994.
8. Epistula ad Theophilum Imperatorem Interpolate // PG 95, 345–385.
9. Featherstone J. M. The Praise of Theodore Graptos by Theophanes of Caesarea // AB 98,1980, p. 93–150.
10. Georgii Monachi chronicon / ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P.Wirth. Stuttgart, 1978. Летовник Георгия Мниха. Памятники древней письменности, 26,46, СПб 1878; 1880–1881.
11. Georgius Monachus Interpolates // Theophanes Continuatus / ed. I. Bekker. Bonnae, 1838, p. 761–924.
12. Gregorii Vita Theodoraе Thessalonicensis: Grhgoriou klhrikou o bioV thV osiomuroblutidoV QeodwraV thV en Qessalonikh/ ekd. S. A. PascaldhV. Qessalonikh, 1991.
13. Ignatii Diaconi Epistulae: The Correspondence of Ignatios the Deacon / text, translation, and commentary by C. Mango. Washington, 1999.
14. Ignatii Diaconi Vita Nicephori // Nicephori opuscula historica / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 139–217.
15. Ignatii Diaconi Vita Tarasii / ed. I. A. Heikel // Acta Societatis Scientiarum Fennicae, 17, Helsing-fors, 1889, p. 395–423. The Life

of the Patriarch Tarasios by Ignatios the Deacon / ed. S. Euthymiadis, Aldershot, 1998. Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs 4.

16. Iosephi Genesii Regum Libri Quattuor / ed. A. Lesmuller-Werner et J. Thum. Berlin, 1978.

17. Leonis Grammatici Chronographia / ed. I. Bekker. Bonnae, 1842.

18. *Mansi J.D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Vol. XII, Florentiae, 1766; vol. XIII, 1767; vol. XVI, Venetiis, 1771.

19. *Mercati C.* La lettera di Pasquale I a Leone V sul culto delle sacre imagine // Note di letteratura biblica e cristiana antica (Studi e Testi, 5). Roma, 1901, p. 227–235.

20. Methodii Vita Euthymii: *Gouillard J.* La vie d'Euthyme de Sardes (†831) // TM, 10,1987, p. 1–101.

21. Methodii Vita Theophanis / ed. V. V. Latyshev // Memoires de l'Academic des Sciences de Russie, VIIIe se'rie, Classe Hist.-Phil., XIII, pt. 4 (1918).

22. Michaelis et Theophili Imperatorum Constantinopolitanorum epistula ad Hludowicum Imperatorem directa // Monumenta Germaniae Historica. Leges III, concilia II, concilia aevi Karolingi I/II, p. 475–480.

23. Narratio de Theophili imperatoris absolute (Narratio historica in festum restitutionis imaginum) / ed. F. Combefis // Bibliothecae Patrum Graeco-Latinae Auctarium Novum. P., 1648, Vol. II, col. 715–743.

24. Nicephori Breviarium Historicum // Nicephori opuscula historica / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.

25. *Nikephoros Patriarch of Constantinople.* Short History. Text, translation and commentary by C Mango Washington. 1990.

26. Nicephori Retutatio et Eversio / ed J. M. Featherstone. Corpus Christianorum, Series Graeca. vol. 33. Turnhout. 1997.

27. Nicetae Vita Ignatii // PG 105. 488–573.

28. *Papadakis A.* The Unpublished Life of Euthymius of Sardis: Bodleianus Laudianus Graecus 69 // Traditio. 26. 1972. p. 63–89.

29. Petri Vita Ioannicii / ed. J. van den Cheyn. // Acta Sanctorum, Novembris. vol. I. p. 384–435.

30. Photii Bibliotheca // PG 103–104.
31. Photii Epistulae et Amphilochia / ed. B. Laourdas et L. G. Westerink. Lipsiae, 1983–88 (6 vol.).
32. Photii Homiliae / ed. B. Laourdas. Thessalonica, 1959.
33. RallhV G., PotlhV M. Suntagma tw n qeiwn kai ierwn kanonwn. Aqhnaï, 1852–1854 (6 t.).
34. *Roscnquist J.O.* The Life of St. Irene Abbess of Chrysobalanton. *Studia Byzantina Upsaliensia*, 1. Uppsala, 1986.
35. Sabae Vita Hilarionis tou Dalmatou: *Matantseva T.* La Vie d'Hilarion, higoumene de Dalmatos, par Sabas (BHG 2177) // *Rivista dei Studi Bizantini e Neoellenici*, K.S. 30 (1993), p. 17–29 (резюме неизданного жития).
36. Sabae Vita Ioannicii / ed. J. van den Cheyn // *Acta Sanctorum, Novembris*, vol. I, p. 332–384.
37. Sabae Vita Petri Atroae: *Laurent V.* La vie merveilleuse de Saint Pierre d'Atroa (*Subsidia Hayiographica*, 29). Bruxelles, 1956.
38. Scriptor Incertus de Leone Armenio // *Leonis Grammatici Chronographia* / ed. I. Bekker. Bonnae, 1842, p. 335–362.
39. Scriptores Originum Constantinopolitanorum / ed. Th. Preger. 2 Bde. Leipzig, 1907.
40. *Sozomen.* Kirchengeschichte / hrsg. von J. Bidez und G. Ch. Hansen. B., 1960.
41. Pseudo-Symeon: Symeonis Magistri Annales // *Theophanes Continuatus...*, p. 601–760.
42. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae* / ed. H. Delehaye. Propylaeum ad Acta sanctorum Novembris. Bruxelles, 1902.
43. *Synodicon Vetus* / ed. J. Duffy and J. Parker, Washington, 1979.
44. *Synodicon Orthodoxiae: Gouillard J.* Le Synodikon de l'Orthodoxie, texte et commentaire // *TM*, 2, 1967, p. 1–316.
45. *Theodoret.* Kirchengeschichte / hrsg. von L. Parmentier. Leipzig, 1911.
46. *Theodori Studitae Epistulae* / ed. G. Fatouros. Berlin-N.Y., 1992, 2 vol.
47. *Theodori Studitae Laudatio Theophanis: Efthimiadis S.* Le panegyrique de S. Theophane le Confesseur par S. Theodore

Stoudite (BHG 1792b) // AB, 111, 1993, p. 259–290.

48. Theodori Studitae Magna Catechesis: Tou osiou Qeodwrou Stouditou Megalh KathchsiV. biblion b/ ekd. PapadopolouV-KerameuV. СПб, 1904.

49. Theodori Studitae Parva Catechesis / ed. E. Auvray. P., 1891.

50. Theophanes Continuatus / ed. I. Bekker. Bonnae, 1838.

51. Theophanis Chronographia / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.

52. Theophanis Presbyteri Narratio de translatione Nicephori // Mnhmeia agiologika / Ekd. upo Q. Iwann, Benetia, 1884, s. 115–128.

53. De Theophili imperatoris absolutione // Analecta Byzantino-Russica / ed. W. Regel. СПб, 1891.

54. Theostericti Vita Nicetae Medicii // Acta Sanctorum, Aprilis, vol. I, p. XXII-XXXII.

55. Translatio Theodori et Ioseph: *van de Vorst C.* La translation de S. Theodore Studite et de S. Joseph de Thessalonique // AB, 32, 1913, p. 50–61.

56. Le Typicon de la Grande Eglise / ed. J. Mateos. Roma, 1962.

57. Vita Antonii Junioris: Житие преп. Антония Нового / А. Пападопулос-Керамевс. Сборник Палестинской и сирийской агиологии // Православный Палестинский сборник, 57, 1907, с. 186–243. *F. Halkin.* S. Antoine le Jeune et Petronas, le vainqueur des Arabes // AB, 62, 1944, 187–225.

58. Vita Methodii Patriarchae // PG 100, 1244–1261.

59. The Life of Michael the Synkellos / text, translation and commentary by M. Cunningham. Belfast, 1991.

60. Vita Nicetae Patricii: *Papachryssantliou D.* Un Confesseur du second iconoclasme: La Vie du patrice Nicetas // TM, 3, 1968, p. 309–351.

70. Vita Nicolai Studitae // PG 105, 864–925.

71. Vita Philareti: *Fourny M. H., Leroy M.* La Vie de S. Philarete // Byzantion, 7, 1934, p. 85–170.

72. Vita Theodoraе: BioV thV autokrateiraV QeodwraV / Ekd. L. Markopoulou // Summeikta, 5, 1983, s. 249–285.

73. Vita Theodori Grapti a Symeone Metaphrasto // PG 116, 653–684.

74. Vita Theodori Studitae per Michaellem (Vita B) // PG 99, 233–328.

75. ВМЧ: Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / изд. Археографической комиссией. Апрель, дни 1–8. М., 1910; Великие Минеи Чети митрополита Макария. Успенский список / изд. Э. Байер, А. И. Шкурко, С. О. Шмидт. Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris, XXXIX, Freiburg, 1997.

3. Научная литература

1. *Васильев А. А.* Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб, 1900.
2. *Доброклонский А. П.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913 (2 т.).
3. *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII-IX в. Пг., 1914.
4. *Мелиоранский Б. М.* Из семейной истории аморийской династии // ВВ, 8, 1901, с. 1–37.
5. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / введение, перевод, комментарий Я. Н. Любарского.
6. *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб, 1892.
7. *Alexander P.* Religious Persecution and Resistance in the Byzantine Empire of the eighth and ninth centuries: methods and justifications // *Speculum*, 52, 1977, p. 238–264.
8. *Alexander P.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958.
9. *Borisić F.* Les sources de Genesios et du Continuateur de Theophane pour l'histoire du regne de Michel II (820–829) // *Byzantion*, 31, 1961, p. 257–271.
10. *Brooks E. W.* The Marriage of the Emperor Theophilos // *BZ*, 10, 1901, p. 540–545.
11. *Browning R.* Notes on the Scriptor Incertus de Leone Armenio // *Byzantion*, 35, 1965, p. 389–411.
12. *Bury J. B.* A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (AD 802–867). L., 1912.
13. *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. L., 1911.
14. *Canart P.* Le Patriarche Methode de Constantinople Copiste a Rome // *Palaeographica, Diplomatica et Archivistica, Studi in onore di Giulio Batelli*. Roma, 1979, p. 343–353.
15. *Dagron C.* Empereur et pretre. Etude sur le «cesaropapisme» byzantin. P., 1996.
16. *Dagron C.* L'Iconoclasme et l'etablissement de l'Orthodoxie // *Histoire de Christianisme des origines a nos jours*. Vol. 4, P., 1993,

p. 93–165.

17. *Darrouzes J.* Le patriarche Methode contre les iconoclastes et les Stoudites // REB, 45, 1987, p. 15–57.

18. *Devreesse R.* Le fonds Coislin. P., 1945.

19. *von Dobschutz E.* Methodius und die Studiten // BZ, 18, 1909, S. 41–105.

20. *Doens I. Hannick Chr.* Das Periorismos-dekret des Patriarchen Methodios I. gegen die Studiten Naukratios und Athanasios // JOB, 22, 1973, S. 93–102.

21. *Dvornik F.* The patriarch Photius and Iconoclasm // DOP, 7, 1953, p. 67–98.

22. *Dvornik F.* The Photian Schism. History and Legend. Cambridge, 1948.

23. *Gero S.* John the Grammarian, the Last Iconoclastic Patriarch of Constantinople. The Man and the Legend // Byzantina. Nordisk tidskrift for byzantinologi, 3–4, 1974–75 (printed 1977), p. 25–35.

24. *Grabar A.* L'iconoclasme byzantin. Dossier archeologique. Paris, 1984 .

25. *Gregoire H.* Manuel et Theophobe ou La Concurrence des deux monasteres // Byzantion, 9, 1934, p. 183–204.

26. *Grumel V.* Chronologie des patriarches iconoclastes du IXe siecle // EO, 34, 1935, p. 162–166.

27. *Grumel V.* Les «Douze chapitres centre les iconomaques» de Saint Nicephore de Constantinople // REB, 17, 1959, P. 127–135.

28. *Grumel V.* La politique religieuse du patriarche saint Methode // EO, 34, 1935, p. 385–401.

29. *Grumel V.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Chalcedon, 1936.

30. *Grumel V.* Les relations politico-religieuses entre Byzance et Rome sous le regne de Leon V Armenien // REB, 18, 1960. p. 19–43.

31. *Haldon J.* Byzantine Praetorians. Poikila Byzantina, 3. Bonn, 1984.

32. *Hatlie P.* Women of Discipline during the Second Iconoclastic Age // BZ, 89, 1996, p. 37–44.

33. *Janin R.* Constantinople byzantin. P., 1964.

- 34.** *Janin R.* Les processions religieuses a Byzance // REB, 24, 1966, p. 69–88.
- 35.** *Karlin-Hayter P. A.* Byzantine Politician Monk: St. Theodore Studite // JOB, 44, 1994, p. 217–232.
- 36.** *Karlin-Hayter P.* Les deux histoires du regne de Michel III // Byzantion, 41, 1971, p. 452–496.
- 37.** *Karlin-Hayter P.* Gregory of Syracuse, Ignatios and Photios // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham 1977, p. 141–145.
- 38.** *Karlin-Hayter P.* La mort de Theodora // JOB, 40, 1990, p. 205–208.
- 39.** *Kopstein H.* Zur Erhebung des Thomas // Studien zum 8. und 9. Jahrhundert in Byzanz (Berliner Byzantinische Arbeiten, 51). B., 1983, S. 61–87.
- 40.** *Laurent V.* Methode // Dictionnaire de la theologie catholique, X, s.v.
- 41.** *Lemerle P.* L'histoire des Pauliciens d'Asie Mineure // TM, 5, 1973, p. 1–144.
- 42.** *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin (ссылки на новогреческому переводу: O prwtoV buzantinoV oumanismoV / mj. M. Nustazopoulou-Pelekidou, 1981).
- 43.** *Lemerle P.* Thomas le slave // TM, 1, 1965, p. 255–297.
- 44.** *Mango C.* The Availability of Books in the Byzantine Empire, A. D. 750–850 // Byzantine Books and Bookmen: A Dumbarton Oaks Colloquium. Washington, 1975, p. 29–45.
- 45.** *Mango C.* The Brazen House: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople, Copenhagen, 1959.
- 46.** *Mango C.* The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photius // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1977, p. 133–140.
- 47.** *Mango C.* Observations on the Correspondence of Ignatius, Metropolitan of Nicaea (First Half of the Ninth Century) // Uberlieferungsgeschichtliche Untersuchungen. Texte und Untersuchungen, 125, Berlin, 1981, p. 403–410.
- 48.** *Mango C.* The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians // Okeanos: Essays presented to I. Sevcenko on his Sixtieth Birthday. Harvard Ukrainian Studies, 7, 1983, p. 393–94.

49. Mango C. When was Michael III born? // OOP, 21, 1967, p. 253–258.
50. Markopoulou A. Symbolh sth cronologhsh tou Gewrgiou Monacou // Summeikta, 6, 1983, s. 223–231.
51. Markopoulos A. The rehabilitation of the Emperor Theophilos // Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive? / ed. L. Brubaker. Aldershot, 1998, p. 37–49.
52. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. B., 1958 (2-е изд.)
53. Martin E. J. A History of the Iconoclast Controversy. L., 1930.
54. Oikonomides N. Les listes des preseance byzantines IXe et Xe siecles. P., 1972.
55. Panagiwtopoulou I. A. O oikoumeniko patriarchV MeqodioV A o OmologhthV kai to ergo tou. Aqhna, 2003.
56. Pargoire J. Saint Methode de Constantinople avant 821 // EO, 6, 1903, p. 126–131.
57. Pargoire J. Saint Methode et la persecution // EO, 6, 1903, p. 183–191.
58. Pargoire J. Saint Theophane le chronographe et ses rapports avec saint Theodore Studite // BB, 9, 1902, p. 31–102.
59. Pargoire J. Saints iconophiles. Michel de Synnades, Pierre de Nicee, Athanase de Paulopetrion // EO, 4, 1900–1901, P. 347–356.
60. Patlagean E. Les Stoudites, l'Empereur et Rome: figure byzantine d'un monachisme reformateur // Bizancio, Roma e l'Italia nell' alto Medioevo (Settimane di studio del Centra Italiano di studi sull' alto Medioevo, 34). Spoleto, 1988, p. 429–460.
61. Peers C. Patriarchal politics in the Paris Gregory // JOB 47 (1997), S. 51–72.
62. Potz R. Patriarch und Synode in Konstantinopel. Wien, 1971.
63. Pratsch T. Theodoras Studites (759–826) – zwischen Dogma und Pragma. (Berliner Byzantinische Studien, 4). B., 1998.
64. Rochow I. Studien zu der Person, den Werken und dem Nachleben der Dichterin Kassia. B., 1967.
65. Rosser J. Theophilos (829–842): Popular Sovereign, Hated Persecutor // Byzantiaka, 3, 1983, p. 37–56.

66. *Sansterre J.-M.* Les moins grecs et orientaux a Rome aux epoques byzantine et carolingienne (milieu du VIe fin du IXe s.). Bruxelles, 1983.

67. *Schreiner P.* Der Byzantinischer Bilderstreit: kritische Analyse der zeitgenossischen Meinungen und das Urteil der Nachwelt bis heute // Bizancio, Roma e l' Italia nell' alto Medioevo (Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull' alto Medioevo, 34). Spoleto, 1988, p. 319–407.

68. *Schwarzlose K.* Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und ihre Freiheit. Gotha, 1890.

69. *Sevcenko I.* The Anti-Iconoclast Poem in the Pantocrator Psalter // Cahiers Archeologiques, XV, 1965, p. 39–60.

70. *Sevcenko I.* Hagiography of the Iconoclast period // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1977, p. 113–131.

71. *Sevcenko I.* Was There Totalitarianism in Byzantium? Constantinoplés Control over Its Asiatic Hinterland in the Early Ninth Century // Constantinople and Its Hinterland / ed. C. Mango and G. Dagron. Aldershot, 1995, p. 91–105.

72. *Signes Codofier J.* El periodo del segundo Iconoclasmo en Theophanes Continuatus. Amsterdam, 1995.

73. *Speck P.* Iconoclasmus und die Anfänge der Makedonischen Renaissance // Varia I (Poikila Byzantina 4). Bonn, 1984, p. 175–241.

74. *Stiernon D.* Methode // Dictionnaire de Spiritualite et Mystique X, s.v.

75. *Stiernon D.* La vision d'Isaie de Nicomedie // REB, 35, 1977, p. 5–42.

76. *Treadgold W. T.* The Chronological Accuracy of the Chronicle of Symeon the Logothete for the years 813–845 // OOP, 33, 1979, p.159–197.

77. *Treadgold W. T.* The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988.

78. *Treadgold W.T.* The Problem of the Marriage of the Emperor Theophilus // Greek, Roman and Byzantine Studies, 16, 1975, p. 325–341.

79. *Turner D.* The Origins and Accession of Leo V (813–820) // JOB, 40, 1990, p. 171–203.

80. *Vinson M.* The terms egkolpion and tenantion and the Conversion of Theophilus in the Life of Theodora (BHG 1731) // Greek, Roman, and Byzantine Studies, 36, 1995, P. 89–99.

81. *Winkelmann F.* Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert (Berliner Byzantinische Arbeiten, 54). B., 1987.

82. *Winkelman F.* Probleme einer byzantinischen Prosopographie des 8. und 9. Jahrhunderts // Studien zum 8. und 9. Jahrhundert in Byzanz (см. № 39), S. 121–129.

4. Работы автора книги

1. Об одном малоизученном явлении в истории византийской литературы (патриарх Мефодий и его «кружок») // Балканские чтения, 1, М., 1990, с. 70–71 (резюме доклада).

2. «Обличение и опровержение» патриарха Никифора как источник хроники Георгия Амартола // Христианский Восток, 1, 1999, с. 15–25.

3. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. М., 1997.

4. Легенда о Феофиле: новые разоблачения // Ученые записки Российского Православного университета св. ап. Иоанна Богослова. Т. 5, 2000, с. 5–13. (Совместно с Ю. А. Казачковым).

5. Церковнославянский перевод Жития св. Порфирия Газского и его текстологическое значение // Вестник Древней Истории, 2, 2001, с. 46–51.

6. Церковнославянский перевод «Жития Никиты Мидийского» и его текстологическое значение // Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. исповедника Никиты. М, 2001, с. 147–159.

7. The Great Purge of 843: a Re-Examination // LEIMWN . Studies presented to Lennart Ryden on His Sixty-Fifth Birthday / ed. J. O. Rosenquist. Studia Byzantina Upsaliensia, 6, Uppsala, 1996, p. 79–91.

8. The Bride-Show of Theophilos. Some Notes on the Sources // Eranos (Acta Philologica Suecana), 94, 1996, p.

9. The Date of Ceorgius Monachus reconsidered // BZ, 92, 1999, p. 437–447.

10. A Mysterious Saint: St. Theodosia, the Martyr of Constantinople // Христианский Восток, 2, 2000, с. 3–13.

11. A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? // Eranos 100, 2002, p. 1–17.

В печати

12. Житие Феодора Сикеота: церковнославянский перевод и греческая рукописная традиция // Издательство «Индрик»: десять лет книгоиздания. М., 2003.

13. Le manuscrit Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine // REB. 2003.

Сокращения

ВВ – Византийский временник

AB – Analecta Bollandiana

BZ – Byzantinische Zeitschrift

DOP – Dumbarton Oaks Papers

EO – Echos d'Orient

GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies

JOB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik

PG – Patrologiae Cursus Completus / ed. J.-P. Migne. Series Graeca

REB – Revue des Etudes Byzantines

TM – Travaux et Memoirs

Примечания

¹ - Негативная оценка подобных структур исходит из опыта представительной демократии, при которой их остатки оказались вытесненными в криминальную сферу («мафии»), и является глубоко антиисторичной.

² - Treadgold, *Revival*, p. 198–199, n. 263–265.

³ - Имя сохранилось у Константина Багрянородного (*De cerimoniis* / ed. J. Reiske, p. 645, 19) и Михаила Сирийца (*Chronique de Michel le Syrien* / ed. et tr. J. B. Chabot. P., 1905, vol. III, P. 72).

⁴ - Первым такую догадку высказал П. Александер: Alexander, *The Patriarch Nicephorus*, p. 132, n. 5.

⁵ - Theophanes Continuatus, p. 35, 7 (далее ThC); Genesios, p. 16, 82.

⁶ - Treadgold, *The Problem of the Marriage*, p. 337.

⁷ - Genesios, p. 22, 61–23, 79.

⁸ - Treadgold, *Revival*, p. 414–415, n. 263.

⁹ - Разумеется, «пророчество» понимается здесь как литературный прием для описания реально происшедших событий, а не как действительно имевший место факт.

¹⁰ - Bury, *History*, p. 80.

¹¹ - Genesios, I, 6; p. 6–7.

¹² - ThC, p. 8, 10–12.

¹³ - Ibid., II, 5; p. 44, 11–45, 5.

¹⁴ - Ibid., II, 6; p. 45, 6–46, 7, особенно p. 46, 1–4.

¹⁵ - См. Bury, *History*, p. 24, n. 4.

¹⁶ - В «Тактиконе Успенского» турмарх федератов идет первым среди всех турмархов, тогда как комиты шатра следуют далеко позади. Эти две должности принадлежали к разным рангам: первый к спафарокандидатам, а второй – к спафариям, причем между ними был еще ранг дисипатов (*Oikonomides*, *Les listes des preseance*, resp. p. 55, 7 и 59, 3). См. также

Клиторологий Филофея: *ibid.*, p. 91,19–93,11 и п. 39; p. 149, 23 и 153, 4.

¹⁷ - *Genesios*, p. 26,75. Этот Варда, возможно, был тот самый патрикий Варда, который пал в битве при Маркеллах в 792 г. (*Theophanis Chronographia*, p. 468,2). Он же, вероятно, был стратегом Армениака при Константине V (*ibid.*, p. 445,19) и был сослан Ириной в 780 г. (*ibid.*, p. 454,17). Примечательно, что патриарх Никифор (цитируемый Георгием Амартолом – *Georgius-Monachus*, p. 781,6) возводит воображаемую генеалогию Льва к ассирийскому царю Сенахириму. Ни о каком «сирийском» происхождении (Turner, *The Origins and Accession*, p. 172), речи не идет, потому что из текста Амартола совершенно ясно, что предки Льва жили в Армении со времен Сенахирима (т. е. около полутора тысячелетий!).

¹⁸ - *Petri Vita Ioannicii*, cap. 16, 392B.

¹⁹ - *Pseudo-Symeon*, p. 758, 16–18; *Georgius Monachus Continuatus*, 1200A.

²⁰ - *Genesios*, p. 22, 64.

²¹ - *Cp. ibid.*, p. 7, 3.

²² - *ThC*, 44, 16–17. Здесь и далее Продолжатель Феофана цитируется в переводе Я. Н. Любарского: Продолжатель Феофана. СПб, 1992.

²³ - *ThC*, p. 33, 21.

²⁴ - *Ibid.*, p. 10, 1. *Georgius Monachus*, p. 788, 9.

²⁵ - *Genesios*, p. 9, 95. Именно так можно объяснить, что Продолжатель в разных местах называет турмархом федератов то Михаила, то Фому. Дж. Халдон (*Haldon, Byzantine Praetorians*, p. 249) почему-то считает эти сообщения несовместимыми. То, что Михаил не сразу стал domestиком при Льве, показывает текст Генесия (p. 15, 44–46): *cronou tinoV prodedramhkotoV Micahl o ex Amoriou toiV kat andreian prokoptwn en proterhmasi, par o kai to tw n exkoubitwn pepisteuto suntagma*.

²⁶ - То, что Фома был ровесником Льва (*Genesios*, p. 9,95; *ThC*, p. 24, 1) не означает, что они одинаково быстро продвигались по службе.

²⁷ - *Genesios*, p. 26, 70–73; *ThC*, p. 51, 20–22.

- ²⁸ - Turner, *The Origins and Accession*, p. 186.
- ²⁹ - Ibid., p. 181.
- ³⁰ - Genesios, p. 15, 51–54.
- ³¹ - Pseudo-Symeon, p. 610, 2–4.
- ³² - Moravcsik, *Byzantinoturcica*, Bd. I, S. 270; Karlin-Hayter, *Les deux histoires*, p. 454 и таблицы p. 456 и после p. 457.
- ³³ - *Prosopographisches Lexicon der mittelbyzantinischen Zeit*, s.v. Barca.
- ³⁴ - ThC, p. 12, 10–14.
- ³⁵ - Genesios, p. 10, 1–3; ThC, p. 23, 22–24, 1. Это, вероятно, произошло в Амории, столице фемы Анатолик, в 812 или первой половине 813 г. Георгий Амартол упоминает Аморию как «родной город (*patrida kai polin*) негодяя и тирана [Феофила]» (Georgius Monachus, p. 797, 20–21).
- ³⁶ - Genesios, p. 4, 39–42; ThC, I, 7; p. 16, 15–17, 5.
- ³⁷ - Treadgold, *Problem*, p. 337.
- ³⁸ - ThC, p. 16, 16–21.
- ³⁹ - Theophanes, p. 502, 16–19.
- ⁴⁰ - См. об этом: Signes Codoner, *El periodo*, p. 72.
- ⁴¹ - Genesios, p. 15, 46–48.
- ⁴² - ThC, p. 33, 21 сл. Отметим слово *tote*.
- ⁴³ - Cp. Bury, *The Imperial Administrative System*, p. 57.
- ⁴⁴ - Leo Grammaticus, p. 210, 13.
- ⁴⁵ - Genesios, p. 25, 48. Теоретически возможно, что один и тот же человек по имени Катакила последовательно занимал оба этих поста, однако доказательств тому никаких нет. См. Treadgold, *Revival*, p. 225.
- ⁴⁶ - Genesios, p. 15, 48–49. Фраза Продолжателя крайне двусмысленна: «*all' emellen up' odonta touton eswn aei kaqaper diaperpragmenon iereion deixai ouk eiV makran*» (p. 34, 1–3). Кто держал кого «в зубах»?
- ⁴⁷ - Bury, *History*, p. 49.
- ⁴⁸ - Georgius Monachus, p. 788, 3–10.

⁴⁹ - Theostericti Vita Nicetae Medicii, cap. 43, XXXIIA: TineV gar thV taxewV newterisanteV kai wV up' aggelou odhghqenteV eishsan akwlutwV eiV ta basileia kai epataxan autou eisw tou eukthriou macairaiV... 'Hn de toutw desmioV o Micahl dusin alusesi katecomenoV, kai euqewV lusanteV auton oi ton qhra ceirwsamenoi anhgoreusan basileia.

⁵⁰ - Genesios, p. 18, 42–44; ThC, p. 38, 12–14; Leo Grammaticus, p. 210, 10–12; Pseudo-Symeon p. 619, 4–7; etc.

⁵¹ - Cp. Signes Codoner, El periodo, p. 164

⁵² - ThC, p. 69,16–22. Роль Иоанна Эксавулия, видимо, вымышлена, но отсутствие широких репрессий против членов аристократии после подавления восстания – неопровержимый факт.

⁵³ - Genesios, p. 18, 42–44

⁵⁴ - Michaelis et Theophili Imperatorum epistula, p. 476, 28–29: Leo imperator... a quibusdam improbis, coniuratione in eum facta, subito occisus est...

⁵⁵ - Leo Grammaticus, p. 214, 9–215, 3; Genesios, p. 36, 82–93; ThC, p. 85, 4–86, 5.

⁵⁶ - Gouillard, La vie Á Euthyme, cap. 10, p. 35–37, 199–201.

⁵⁷ - Cp., напр., Bury, History, p. 54.

⁵⁸ - Как замечает Тредголд (Revival, p. 225), «кровавое убийство этого способного императора, как кажется, вызвало меньше сожаления среди столичных войск и гражданских чиновников, чем можно было бы ожидать».

⁵⁹ - Genesios, p. 14, 14–15; ThC, p. 30, 13–15.

⁶⁰ - Nicephori Refutatio et Eversio, cap. 2, 27–33: eiV o, ti de tw cristomacw ta bebouleumena, oV tauta epinown edra, eperaineto kai eiV oion teloV ta epikeceirhmena ekbebhke, to qusiasthrion mega kekraxetai o kai zwn kakwV kaqairwn ebebhlou, kai anairoumenoV endikwV tw luqrw tw enagwn aimatwn pleon ecrane te kai katemolunen, axia ontwV ta epiceira thV eiV Criston ubrewV dexamenoV o alithrioV. Издатель справедливо называет этот фрагмент «мрачным» (lurid): ibid., xxv, n. 40.

⁶¹ - Сигнес Кодоньер (El periodo, p. 140) даже не рассматривает той возможности, что *ОИ мог содержать следы

пропаганды, которая исходила от иконопочитателей и тем не менее была благожелательна ко Льву. Поэтому объяснения, предлагаемые ученым, не могут быть признаны удовлетворительными (Никифор сказал это, чтобы придать больше объективности своей критике иконоборчества; или потому что сам патриарх играл ключевую роль в воцарении Льва; или источник попросту ошибся).

⁶² - ThC, p. 49,15–17.

⁶³ - Ibid., II, 8, p. 48,15–49, 7.

⁶⁴ - Сигнес Кодоньер (El periodo, p. 209–211) признает в качестве реального лишь обвинение в снятии особого налога с иудеев. Однако и это далеко не доказано.

⁶⁵ - Поэтому Баришич (Barisic, Les sources de Genesios, p. 265) не совсем прав, когда он называет источник Продолжателя «ультра-иконофильским», так как тот объясняет различные бедствия нечестием императора. Иконоборчество действительно упомянуто в соответствующем пассаже (ThC, p. 73, 5–13), но император – нет. Напротив, там, где обличается нечестие Михаила, иконы не упомянуты.

⁶⁶ - Lemerle, Thomas le slave, p. 272.

⁶⁷ - Ibid., p. 283–284.

⁶⁸ - Genesios, p. 23, 82–85.

⁶⁹ - Gouillard, La vie d'Euthyme, p. 37, 204–205.

⁷⁰ - В частности, в хронике Георгия Амартола, написанной, скорее всего, до 847 г. См. Afinogenov, The Date of Georgius Monachus.

⁷¹ - Haldon, Praetorians, p. 248–251. Сам факт, что «малоазиатская» версия восстания Фомы приписывает должность турмарха федератов при Льве именно Фоме, является сильным аргументом в пользу точки зрения Халдона против Тернера, который сомневается, что такой перевод имел место (Turner, Origins, p. 178).

⁷² - Kopstein, Zur Erhebung des Thomas, S. 69.

⁷³ - Genesios, p. 35, 68–77.

⁷⁴ - ThC, p. 48, 5–15.

⁷⁵ - Acta Davidis, p. 237, 5–8.

⁷⁶ - Афиногенов, Константинопольский патриархат, с. 83–84.

⁷⁷ - Acta Davidis, p. 238, 5–16. Осторожное предпочтение, отданное Бюри этой информации (History, p. 139, n. 3) оказалось полностью оправданным.

⁷⁸ - В этом смысле понял Генесия, в частности, Тредголд (Problem, p. 336). Бюри (History, p. 139, n. 3) был более внимателен.

⁷⁹ - ThC, p. 41, 1. Ф. Винкельман замечает, что за Михаилом II «должны были стоять могущественные силы» (Winkelman, Quellenstudien, S. 78).

⁸⁰ - Кроме довольно темного эпизода в Житии Петра Атроевского: Laurent, La vie merveilleuse, p. 177–179 (cap. 57).

⁸¹ - Couillard. La vie d'Euthyme, p. 37–39, cap. 11–12.

⁸² - Theodori Studitae Epistulae, ep. 429, 30–34; ep. 532, 10–31; ep. 478, 50–53. См. также Афиногенов, Константинопольский патриархат, с. 82–83.

⁸³ - Некоторые источники даже говорят, что он боялся связываться с иконопочитателями: см., напр., Papadakis. The Unpublished Life of Euthymius of Sardis, p. 87, cap. 23, 6: edediei tremwn kai jrittwn sunayai polemon meta twn Naxhraiwn.

⁸⁴ - Georgius Monachus, p. 787, 20–788, 3.

⁸⁵ - К 821 г. Феоктист уже давно был монахом: ton palai magistron Qeoktiston up autou [Феодором Студитом] prwhn apokarqenta (Vita Theodori per Michaelem, 316C).

⁸⁶ - Он оставался на этой должности по крайней мере до начала 821 г. См. Theodori Epistulae, ep. 420.

⁸⁷ - Turner, Origins and Accession, p. 180, 195.

⁸⁸ - Интересен случай, отраженный в письме Феодора Студита к стратигу Вриене (Theodori Epistulae, ep. 509), который, возможно, тождествен Вриеню, сыну Вардана Турка и кузену Льва V, упомянутому выше (см. прим. 17). В этом письме, написанном, очевидно, при Михаиле II, Феодор говорит о skuqrwrph katastasiV своего адресата (стк. 7), явно не имеющем отношения к смерти его матери, основной теме послания, и

противопоставляет его мудрость той, что обладают *twu nun orwmenwn en telei* (стк. 17). Феодор также говорит, что он увещевал брата Вриены Иоанна *oisein th adeljikh sundiaqesei ta kata thn qeosebeian sou* (стк. 47). Таким образом, Вриена/Вриень был в трудных обстоятельствах и, вероятно, смещен с должности. Ряд отождествлений, проводимых в связи с этим письмом Тернером (*Origins and Accession*, p. 186–187) чисто гипотетичен. Нет и никакой ясной аллюзии на гражданскую войну (*ibid.*, p. 187, п. 91).

⁸⁹ - ThC, p. 166, 22. В 847 г. сыновья Льва появятся вновь при очень своеобразных обстоятельствах (см. ниже).

⁹⁰ - См. Афиногенов, Константинопольский патриархат, с. 39.

⁹¹ - Не было ли возобновление иконоборчества в том числе и средством нейтрализовать именно это семейство?

⁹² - См. *Methodii Vita Theophanis*, p. 26,11–14; *Georgius Monachus*, p. 772, 23–25.

⁹³ - См. об этом, на мой взгляд, единственно приемлемом, понимании пассажа из *Scriptor Incertus*, p. 336, 5–13: Winkelmann, *Probleme einer byzantinischen Prosopographie*, S. 124–125.

⁹⁴ - ThC, 1,19, p. 30,19–31, 6.

⁹⁵ - Подобное повторится при Феофиле: см. Глава II и текст «Повести».

⁹⁶ - ThC, p. 25,21–26,4.

⁹⁷ - *Ibid.*, p. 57,16–58,5.

⁹⁸ - Barisic, *Les sources de Genesios*, p. 260–266.

⁹⁹ - Kopstein, *Zur Erhebung des Thomas*, S. 64, Anm. 24.

¹⁰⁰ - Указано в *Vita Theodori*, 253В. См. также Доброклонский, Преп. Феодор, т. I, с. 286, прим. 3 (читай 4).

¹⁰¹ - Turner, *Origins and Accession*, p. 184–187. См. также прим. 87.

¹⁰² - Genesios, p. 70, 89–71, 2.

¹⁰³ - ThC, p. 63, 2–4; ср. Bury, *History*, p. 97–98; Treadgold, *Revival*, p. 239; Turner, *Origins and Accession*, p. 186.

¹⁰⁴ - *Tou osiou Qeodwrou Stouditou Megalh KathchsiV*. 16.

¹⁰⁵ - Vita Theodori, 317D-320A. Ср. Vita Nicolai Studitae, 900A.

¹⁰⁶ - Этот пассаж сохранился лишь по-церковнославянски: Великие Минеи Четий, Апрель, 93 (славянская нумерация). Издание полного текста Жития св. Никиты Мидикийского с восстановлением недостающих в греческом варианте частей по церковнославянскому переводу готовится ныне проф. Я. У. Русенквистом в Уппсале совместно с автором этих строк.

¹⁰⁷ - Великие Минеи Четий, там же.

¹⁰⁸ - Theodori Parva Catechesis, p. 258, cat. 74,8–9.

¹⁰⁹ - Theodori Epistulae, ep. 418, 13.

¹¹⁰ - Вот последние фразы этих писем: Theodori Epistulae, ep. 418, 45–47: «...Величая и ваше благочестивейшее и многожеланное царство»; ep. 532, 274–275: «...Молимся, как положено, за боголюбивое ваше царство (eucomeqa kai upereucomeqa ojeilomenwV thV qeojilouV umwn basileiaV)».

¹¹¹ - Некоторые отголоски этих памфлетов можно найти в текстах студитской ориентации. Так, в Житии Феодора Михаил II назван «свинопасом» (Vita Theodori, 317C), а по сведениям Жития Игнатия Никиты Пафлагона (Nicetae Vita Ignatii, 493C) император придерживался ереси субботников, что отсылает к зафиксированным Продолжателем обвинения (впрочем, взаимоисключающим) либо в иудаизме, либо в установлении субботного поста: ThC, resp. p. 42,17–43, 5 и 48, 22–23.

¹¹² - ThC, p. 85,17–18; 23. То же самое в сокращенном виде у Генесия: Genesios, p. 36, 83–93. У Симеона Логофета этот эпизод изложен несколько иначе: Leo Grammaticus, p. 214, 9–215,3. Тредголд полагает (Revival, p. 433, n. 376), что Продолжатель и Генесий отражают переработанную версию, но это относится к самой процедуре суда, которая выглядит у них более справедливой, а не к уловке, использованной для выявления виновных. В действительности обе версии можно совместить, если принять, что события развивались в два этапа – вначале убийц заставили выдать себя в Магнавре, в узком придворном кругу, а затем вынесли им приговор на ипподроме в обстановке максимальной публичности.

¹¹³ - ThC, p. 85,1–5.

¹¹⁴ - Оба соображения в Treadgold, Revival, p. 272.

¹¹⁵ - Житие Антония Нового, с. 209, 1–7.

¹¹⁶ - ThC, p. 136,12–33; Genesios, p. 42, 59–70.

¹¹⁷ - См. Gregoire, Manuel et Theophobe.

¹¹⁸ - ThC, p. 120, 23–121, 5: eisi men d oi jugh men crusasqai ton Manouhl jasi proV touV ex Agar, kai dia thn Qeojilou, wV eirhtai, epanelqonta spoudhn, ou mhn kaqosiwsin egklhqenta epi Qeojilou jugein, epi Micahl de tou Traulou tou toutou patroV, eite kai misei tw proV auton jeromenon, eite dh kai palaian dedoikota mhnin autou.

¹¹⁹ - Ibid., p. 148,17–149,17.

¹²⁰ - Ibid., p. 122,11–15.

¹²¹ - Житие Антония Нового, с. 211, 25–28.

¹²² - ThC., p. 116,11–19.

¹²³ - ... aneklhqhsan te kai aneqhsan oi en exoriaiV kai pikraiV julakaiV patereV, kai to plhqoV twn monazontwn, kai mentoi kai twn eusebwn kosmikwn ouk oligistoi, on o talaV kai alithrioV turannikwV taV uparxeuV ajelomenoV kai touV men dusqanatwsaV, touV de mastixi polueidesi kai polutropoiV kai deinaiV timwriaiV paradouV eswrise mh peiqomenouV pantelwV mhte th qwpeia mhte mhn th apeilh kai kakodoxia tou jenakoV kai alastoroV.

¹²⁴ - См. Mango, The Liquidation of Iconoclasm, p. 136–137.

¹²⁵ - Сигнес Кодоньер особо подчеркивает расплывчатость, неконкретность, а в некоторых случаях и явно легендарный характер всего этого отрывка у Продолжателя: El periodo, p. 427–434.

¹²⁶ - Брат Феодора Студита Иосиф, архиепископ Фессалоницкий, по-видимому, после смерти брата в 826 г. примкнул к группировке Мефодия, поскольку последний упоминает его в Житии Евфимия как ближайшего соратника Феофила Эфесского и самого Евфимия, «проходившего» вместе с ними по одним и тем же уголовно-политическим делам. См. Gouillard, La vie d' Euthyme, p. 39, 242–247; p. 41, 270. Гуйяр справедливо отмечает, что в этом житии много говорится об Иосифе, но нет ни слова о Феодоре Студите (ibid., p. 8, n. 47).

¹²⁷ - Мефодий в 831 г. ясно говорит, что в отличие от прежних правителей (=Льва V) нынешние (=Феофил) преследуют за иконопочитание не открыто, а под иными предлогами: *ibid.*, p. 77, 407–409.

¹²⁸ - См. Treadgold, *Revival*, p. 436, n. 386

¹²⁹ - Gouillard, *La vie d' Euthyme*, p. 39, 248–249.

¹³⁰ - Здесь можно видеть известную параллель с возвращением из ссылки студитов императором Никифором незадолго до его рокового похода на болгар в 811 г. См. Афиногенов, Константинопольский патриархат, с. 50.

¹³¹ - ThC, p. 121, 21–122,5.

¹³² - Ср. сообщение Жития Мефодия о том, что будущий патриарх «неудержимость царя в хуле и неприступности переделал в некоторую умеренность и сомнение, так что тот уже не бросался на православных с обычной дерзостью и не полагался на собственное мнение как на безупречное» (*Vita Methodii*, 1252C). Если принять во внимание символический смысл, который византийские императоры той эпохи вкладывали в имена своих порфирородных (т. е. родившихся в царствование отца) наследников, заставляет задуматься тот факт, что первого сына Феофил назвал Константином (то же имя дал своему старшему сыну Симбатию по восшествии на престол и Лев V, с явной отсылкой к Исаврийской династии), а вот второго, который родился уже после гибели Константина, – Михаилом (а не, скажем, Львом).

¹³³ - ThC, p. 89,15–18.

¹³⁴ - Leo Grammaticus, p. 213, 14–19; Pseudo-Symeon, p. 624, 21–625, 4; Georgius Interpolates, p. 790, 6–11. Реплики переведены с сохранением ритма, следовательно, не совсем буквально.

¹³⁵ - См. Афиногенов, Казачков, Легенда о Феофиле.

¹³⁶ - Theodori Epistulae, epp. 217, 370, 539. Кассия, скорее всего, родилась между 800 и 805 г. См. Rochow, *Studien zu der Person*, S. 3f.

¹³⁷ - Ср. ThC, p. 90,1–92,17.

¹³⁸ - Gouillard, *La vie d' Euthyme*, p. 47, 360–361.

¹³⁹ - Treadgold, *Revival*, p. 277.

¹⁴⁰ - См. Maqqan. *The History of the Mohammedan Dynasties in Spain* / tr. P. de Gayangos, 2 vols., L., 1840–1843, vol. 2, P. 115.

¹⁴¹ - Согласно одному из анекдотов (ThC, p. 95, 8–14), император однажды прельстился красотой какой-то из служанок супруги, но затем, видя огорчение жены, просил у нее прощения и уверял, что такой грех случился в первый и последний раз.

¹⁴² - Эта амнистия отмечена великим множеством источников, причем без всяких противоречий. См., например, *Acta Davidis*, p. 243, 3–8. Информация этого памятника ценна тем, что в нем особенно развернуто рассказывается о промежутке между смертью Феофила и Торжеством Православия.

¹⁴³ - Политическую подоплеку событий 780–787 г. оказалось возможным раскрыть благодаря выявлению в составе хроники Феофана Исповедника больших фрагментов историко-пропагандистского сочинения, составленного как раз в этот период в окружении Тарасия. См. Afinogenov, *A Lost 8th Century Pamphlet*.

¹⁴⁴ - ThC, p. 116, 18–20; *Vita Methodii*, 1252C: «ибо он научил Православию всех самых близких к императору» (touV gar oikeiotatouV tw basilei pantaV orqodoxein exepaideuse).

¹⁴⁵ - Ср. обзор Гуйяра: Gouillard, *Synodicon*, p. 121–122.

¹⁴⁶ - Относительно анафемы см. Афиногенов, *Константинопольский патриархат*, с. 110.

¹⁴⁷ - См. там же, с. 87–100.

¹⁴⁸ - Справедливости ради нужно сказать, что Феодора с Феоктистом, что называется, наступили на те же грабли после смерти Мефодия в 847 г. Предвидя, по-видимому, сопротивление со стороны высшего духовенства, они назначили Игнатия на освободившийся пост, минуя должную процедуру избрания (да еще заставили его принести присягу верности властям), что впоследствии дало канонические основания для низложения этого патриарха.

¹⁴⁹ - Датировка по Gouillard, *La vie d' Euthyme*, p. 23, 40–41.

¹⁵⁰ - Упоминание о сани: Acta Davidis, p. 237, 7. В Житии Евфимия Мефодий говорит, что присутствовал при конфиденциальной беседе Никифора с Евфимием между 811 и 813 г.: Gouillard, La vie d' Euthyme, p. 31, 124–125. См. PanagiwtorouloV, O oikoumenikoV patriarchV. s. 145–146.

¹⁵¹ - Следует особо подчеркнуть, что все источники, сколь бы ценны они ни были сами по себе, не имеют значения в вопросе о заточении Мефодия, поскольку имеется совершенно ясное указание самого узника на то, что к моменту появления этого пророчества (апрель-май 829 г.) он уже долгое время провел в тюрьме закованным в кандалы, а затем после следствия и бичевания был заточен на том самом острове, где затем пострадал Евфимий Сардский (см. Gouillard, La vie d' Euthyme, p. 39, 250 и 41, 267–270). Таким образом, Мефодий не был освобожден в правление Михаила, как утверждает сохранившееся Житие и до сих пор полагают некоторые ученые (ср. PanagiwtorouloV, O oikoumenikoV patriarchV. s. 211–213).

¹⁵² - Подробнее о пребывании Мефодия в Риме и значении его миссии Афиногенов, Константинопольский патриархат, с. 83 и 86.

¹⁵³ - Подробнее см. там же, с. 83–84.

¹⁵⁴ - Патриарх присутствовал при торжественном погребении мощей Феодора и Иосифа в Студийском монастыре в январе 844 г. – см. van de Vorst, La translation de S. Theodore, p. 58.

¹⁵⁵ - Gouillard, Synodicon, p. 122.

¹⁵⁶ - То есть между самим перенесением мощей и смертью Мефодия. В тексте последний ни разу не назван «святым» (agioV) или «блаженным» (makarioV). Эпитет «святейший» (agiwtatoV) относится к титульным и не может быть приравнен к двум вышеуказанным.

¹⁵⁷ - Theophanis Presbyteri Narratio, p. 123.

¹⁵⁸ - См., например, Acta Davidis, p. 243, 20; 246, 19; Synodicon Vetus, № 150, p. 132,4.

¹⁵⁹ - См., например, Michel A., Die jährliche Eucharistie nach dem Bildersturm // Oriens Christianus, N. S. 12–14 (1922–1924), S.

151–161.

¹⁶⁰ - Первым в традиционной датировке усомнился Н. Ф. Красносельцев: Типик церкви Св. Софии в Константинополе // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете, 2, Византийское отд., 1, 1892, с. 221 сл.

¹⁶¹ - Le Typicon de la Grande Eglise, I, p. XII-XIV.

¹⁶² - Bury, Imperial administrative system, p. 165–166.

¹⁶³ - Ср. Grumel, Regestes, № 418; Janin, Les processions religieuses, p. 86.

¹⁶⁴ - ThC, p. 154,2–7. Пер. Я. Н. Любарского, Продолжатель Феофана, с. 68.

¹⁶⁵ - См. Gouillard, Synodicon, p. 130 и n. 100.

¹⁶⁶ - Constantin Porphyrogenete, Le Livre des Ceremonies, I, 37 (28).

¹⁶⁷ - Эпитеты «kaqolikh kai megalh», отсутствующие в издании Комбефиса, можно найти, в частности в следующих рукописях (все XI в.): Cambridge, Trinity College, B. 8. 7; Bodl. ROE. 28; Bodl. Laud Gr. 82; Oxford, St. Mary Magdalene College, Grace. 4; Vat. Gr. 1595; Athous Panteleem. 87 (Lambros 5593); Scorial. Gr. 166 (T. III. 6.).

¹⁶⁸ - Le Typicon de la Grande Eglise, I, p. XVII.

¹⁶⁹ - Датировка Б. Л. Фонкича (сообщено устно).

¹⁷⁰ - См. любое печатное издание греческой Триоди на первое воскресенье Великого Поста, после шестой песни канона.

¹⁷¹ - См. реконструкцию у Mango, The Brazen House, p. 23.

¹⁷² - Constantin Porphyrogenete. Le Livre des Ceremonies, vol. 1,1; 24–26.

¹⁷³ - Constantini Porphyrogeniti de Imperialibus Expeditionibus // Eiusdem de Cerimoniis Aulae Byzantinae / ed. J. Reiske, Bonnae, 1829, p. 506, 6: wV epi eortasimou prokensou.

¹⁷⁴ - Обычная практика состояла в том, что процессия отправлялась из одной церкви, а литургия совершалась в другой, т. е. в пункте назначения. Ср. позднейший ритуал

Недели Православия: шествие отправляется от Влахерн, а литургия происходит в Св. Софии.

¹⁷⁵ - Название, несомненно, происходит от слова *kthn* (гребень), но точное его значение остается неясным.

¹⁷⁶ - Mango, *The Brazen House*, p. 80–81; см. схему на p. 23.

¹⁷⁷ - Anrich C. *Hagios Nikolaos*. Leipzig, 1913–1917, Bd. I, S. 350,11–351,2: *Tpte toinun epistaV autw o panieroV kai megaV ierarchV NikolaoV en th odw th kaloumenh Ktenaria thV tou qeou megalhV SojiaV, dihrwta ...qeleiV ugiHV genesqai; upostreje twn entauqa, kai pollw mocqw kai tacei ton BasilidoV naon katalabe kai, ei boulei, deuro akolouqe moi, kagw soi touton upodeixw. Tauta eipwn kai omilwn tw asqenounti prohgeito autoV o agioV, o de eipeto proqumwV.*

¹⁷⁸ - Цит. по: Mango, *The Brazen House*, p. 81.

¹⁷⁹ - Именно так обозначались различные кварталы (в современной терминологии «микрорайоны») Константинополя: *ta Stoudiou, ta Probou* и т. п.

¹⁸⁰ - Такое мнение высказывали на одном из семинаров в Упсальском университете ныне покойный проф. Л. Рюден и проф. Я. У. Русенквист.

¹⁸¹ - См., например, *Le Typicon de la Grande Eglise*, vol. II, p. 108–110. Ср. Baldovin J. F. *The Urban Character of Christian Worship in Jerusalem, Rome and Constantinople...*, Diss., Yale, 1982, p. 357; 364; 368.

¹⁸² - К примеру, на новолетие: *Le Typicon de la Grande Eglise*, vol. I, p. 4–8. Особенно интересно замечание относительно Благовещения: если оно совпадало с Пасхой, процессия не шла на форум, а проходила напрямую к Халкопратии, так что два маршрута четко различались (*ibid.*, p. 256). Ср. Janin, *Les processions*, p. 79.

¹⁸³ - По всей вероятности, именно западные ворота храмового двора имел в виду анонимный автор «Повести о Св. Софии» в следующей фразе: *en de th eisodw th prwth tou louthroV epoihsa pulewnaV hlektrouV* (*Scriptores originum*, p. 96, 9–10). Поскольку сразу же вслед за этим описываются западные

ворота нартекса и наоса, весьма вероятно, что под «первым входом во двор» тоже подразумевается вход с Запада.

¹⁸⁴ - Таково мнение А. Маркопулоса: см. Markopoulos, *The rehabilitation of the Emperor Theophilos*.

¹⁸⁵ - ThC, p. 152,16–153, 8.

¹⁸⁶ - Ibid., p. 103, 21–104, 2.

¹⁸⁷ - Ibid., p. 161,6–15.

¹⁸⁸ - Acta Davidis, p. 244,49–245, 9.

¹⁸⁹ - Sahae Vita Hilarionis, p. 22.

¹⁹⁰ - Так у Продолжателя: ThC, p. 153,10–18. Интересно, что доводы, которыми Феодора будто бы убеждала мужа покаяться, звучат весьма реалистично: «лишение молитв, наложение проклятий, восстание народа».

¹⁹¹ - Великие Минеи Четий, Март, л. 356С (с. 712), 5–10. Отождествление Саввы с автором Жития Иоанникия было предложено Х. М. Лопаревым (Греческие жития святых, с. 316). Сомнения в их идентичности, выраженные еще В. В. Латышевым (Methodii Vita Theophanis, p. XXII), а затем поддержанные А. П. Кажданом (A History of Byzantine Literature, p. 340), не учитывают происхождения минейного комплекса, в составе которого эта похвала сохранилась (см. Приложение II).

¹⁹² - См., например, Афиногенов, Константинопольский патриархат, с. 87–100.

¹⁹³ - Analecta Byzantino-Russica, с. V, X-XI.

¹⁹⁴ - См., например, Karlin-Hayter, *Les deux histoires*, p. 456, n. 1; Eadem, *La mort de Theodora*.

¹⁹⁵ - См. Markopoulou. *Symbolh sth cronologhsh*.

¹⁹⁶ - Combefis, col. 719D-E, 723C-D, 723D; Atheniensis 57 (16th c.) f. 155a-b; 157a; 157b; Atheniensis Metochii 48 (15th c.), f. 338v; 339v; 340; церковнославянский перевод (XV в., Петровский, с. 6 (для последних двух случаев чтение оригинала неясно).

¹⁹⁷ - Vaticanus 1595 (конец X в.), f. 192a; 193vb; Atheniensis 2083 (XIII-XIV в.), f. 56va; 58b; Atheniensis 242 (14th c.), f. 105vb-106a; 108b; Atheniensis 992 (XIV в.), f. 174va; 176b; 176va; Paris.

Coisl. 304 (сер. XIV в.), f. 141–141v (текст поврежден); 143; Athous Iber. 89 (1-я пол. XIV в.), f. 150 (в двух последних случаях текст сильно изменен).

¹⁹⁸ - Athous Laurae G 120, f.291a-b; 292b; Athous Laurae G 44, f.170v; folium deest; Sconalensis, f. 41; 45; Atheniensis 252 (XIV в.), f. 172b; 172vb; Athous Laurae H 179 (1-я пол. XIV в.), f. 175v; 177; Parisinus Gr. 1181 (1-я пол. XIV в.), f. 136vb; 138a; 138b.

¹⁹⁹ - Это чтение кажется предпочтительным М. Винсон, которая использовала только опубликованные версии «Повести»: Vinson, The terms egkolpion and tenantion, p. 91.

²⁰⁰ - Цитируется по: BioV thV autokrateiraV QeodwraV.

²⁰¹ - См. Afinogenov, Le manuscrit grec Coislin 305.

²⁰² - BioV thV autokrateiraV QeodwraV, p. 270,90–271,91.

²⁰³ - Leo Grammaticus, p. 252, 20.

²⁰⁴ - Karlin-Hayter, La mort de Theodora.

²⁰⁵ - Здесь и далее под Великой Церковью подразумевается храм Св. Софии в Константинополе. См. гл. III.

²⁰⁶ - Император Константин V (741–775), сын и наследник Льва III Исавра, родившийся в 718 г., считался в Византии главным поборником иконоборчества. В отличие от отца, он был воспитан во вражде к священным изображениям, а кроме того, и сам имел ярко выраженные богословские интересы. Хотя с точки зрения позднейших критиков императора его упражнения в богословии выглядели дилетантскими, не следует забывать, что в условиях глубокого упадка науки и образования в Византии VIII в. Константин был, пожалуй, самой выдающейся фигурой своего времени в том числе и с точки зрения религиозной мысли (не считая, разумеется, Иоанна Дамаскина, который жил за пределами Империи). В полемических сочинениях иконопочитателей, созданных после его смерти, императору приписываются разного рода экстравагантные высказывания о почитании Богородицы и святых, на основании чего некоторые современные исследователи пытались восстанавливать теологическую доктрину иконоборчества. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаруживается, что такого

рода известия – не более чем сплетни. В своих официальных речах и произведениях Константин, насколько можно судить, строго придерживался Православия шести Вселенских соборов, которые, как известно никаких постановлений об иконах не принимали. Отношения Константина с оппозицией, использовавшей вопрос об иконах в пропагандистских целях, крайне обострились после заговора 762 г. Император прибег к жестоким репрессиям против иконопочитателей среди гражданской администрации, в армии и в Церкви, что и послужило впоследствии основой для изображения его как свирепого тирана, врага Богородицы и монахов и т. п. Тем не менее еще для первой четверти IX в. имеются свидетельства того, что престиж Константина среди некоторых слоев населения и в армии был весьма высок. Для определенной части византийского общества он долго оставался прежде всего победителем арабов и болгар, а не ересиархом или тираном.

²⁰⁷ - Имеются в виду императоры Лев III Исавр (717–741) и Лев V Армянин (813–820). Первый из них считается зачинателем движения против икон. По всей видимости, цели Льва Исавра были в основном внутривластными – как выходцу из незнатного рода, ему нужно было сломить могущество группы знатных и древних константинопольских родов, интересы которых выражал и патриархат во главе с Германом I. Именно поэтому действовать император начал лишь в 726 г., когда его власть окончательно укрепилась. Тем не менее, Герман был отправлен в отставку лишь четыре года спустя, в 730 г., будучи уже почти столетним старцем. Вообще, имеющийся материал источников не позволяет думать, что при Льве III имело место какое-либо насильственное насаждение иконоборчества, не говоря уж о преследованиях иконопочитателей. Лев V, несмотря на свое высокое происхождение, при своем воцарении столкнулся с довольно похожей ситуацией, причем ему, в отличие от Исавра, в конечном счете не удалось найти из нее удовлетворительного выхода. К 813 г. патриарх Никифор (см. гл. I) сосредоточил в своих руках не только церковную, но и немалую долю светской власти, и за ним также стояла чрезвычайно влиятельная группировка византийской

аристократии, враждебная тем семействам, которые представлял Лев. Возобновление иконоборчества, позволявшее нейтрализовать или устранить Никифора и взять Церковь под свой контроль, показалось императору удобным решением (тем более что ностальгия по временам Константина V была еще жива в народе и армии), но сила и упорство православной оппозиции, в рамках которой сплотились представители враждующих аристократических кланов, оказались слишком велики. В конце концов своей политикой репрессий император восстановил против себя даже прежних лояльных приверженцев и был убит в результате заговора в алтаре дворцовой церкви на Рождество 820 г.

²⁰⁸ - Игра слов *jatria* – в византийском греческом означает «заговор», «шайка». Соответственно, слова *manteiarchV* и *daimoniarchV*, переведенные здесь «гадателеначальник» и «бесоначальник», имеют тот же конечный элемент, что и «патриарх».

²⁰⁹ - Иоанн VII Грамматик, патриарх Константинопольский (837?–843). Его фамильное имя было Морохарзамий или Морокарданий (вероятно, он происходил из армян). Некоторые источники упоминают также прозвище Илила (*IlilaV*). В 811–813 г. он служил чтецом в константинопольском монастыре Одигон, причем, по словам св. патриарха Фотия (*Photii Homiliae*, р. 140,25–27), занимался и иконописью. В 814 г. он согласился войти в состав комиссии, созданной императором Львом V для того, чтобы найти в писаниях святых отцов свидетельства против почитания икон. С тех пор Иоанн приобрел репутацию наиболее убежденного и неистового иконоборца. При Льве он получил лишь должность игумена монастыря свв. Сергия и Вакха, но неофициально считался *heir apparent* патриаршего престола (его кандидатура была отвергнута после низложения Никифора в 815 г. исключительно в силу юного возраста). Эти планы рухнули после убийства Льва в 820 г., поскольку Михаилу II требовалась менее одиозная фигура. Тем не менее Иоанну было поручено воспитание молодого наследника Феофила – поэтому большинство наших источников считает именно Грамматика ответственным за то, что будущий император вырос

непримиримым противником священных изображений. При Феофиле Иоанн стал синкеллом (келейником, должность, часто занимаемая будущим преемником) тогдашнего иконоборческого патриарха Антония Кассиматы (821–837?), а после смерти последнего возшел на патриарший престол. В марте 843 г., видя, что низложение неминуемо, Иоанн поранил сам себя и обвинил иконопочитателей в покушении на свою жизнь. Обман, впрочем, был легко раскрыт (беллетризованную версию см. в ThC, p. 150, 21–151, 17; Genesios, p. 57–85; однако факт подтверждается весьма достоверным источником: Theophanis Presbyteri Narratio, p. 123). Лишившись кафедры, он жил в заточении в монастыре, где, согласно одному не слишком надежному рассказу, входившему в состав *ОИ, однажды вырезал глаза у иконы Спасителя, за что подвергся бичеванию (см., например, Genesios, p. 58, 37–59, 39). По-видимому, он оказался одним из очень немногих иконоборцев, которые так и не отреклись от своих убеждений. Иоанн, несомненно, был одним из образованнейших людей своего времени, о чем свидетельствует не только прозвище «Грамматик», но и обвинения в занятиях предсказаниями и колдовством – обычный в Византии топос, использовавшийся против людей, чья ученость была общепризнанной (нечто подобное говорили и о свт. Фотии).

²¹⁰ - Аполлоний Тианский, легендарный мудрец I в. от Р.Х., герой книги Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» (III в. от Р.Х.). Аполлоний славился как чудотворец и прорицатель, и некоторыми языческими писателями противопоставлялся Христу. С одним из таких авторов полемизирует Евсевий Кесарийский в трактате «Против Иерокла» (русский перевод А. В. Вдовиченко: Раннехристианские апологеты II-IV в. М., 2000, с. 150–187). В Византии его имя было синонимом колдуна (в ученом языке).

²¹¹ - Библейский прорицатель, призванный Валаком, царем Моава, чтобы проклясть народ Израильский (Чис. 22).

²¹² - Несколько загадочная фигура, которую можно было бы даже считать легендарной, если бы не текст под условным названием Visio de missarum stipendio (BHG 2208), возможно,

заимствованный из несохранившегося Жития Исаяи (опубликован Стьерноном: Stiernon, *La vision d'Isaie*). Проблематика этого фрагмента, посвященного проблеме т. н. «сорокоуста» (молитвенного поминовения усопшего на сороковой день после кончины), перекликается с сочинениями патриарха Мефодия (*Vita Euthymii*, сар. 30), что, наряду с данными «Повести», позволяет причислить Исаяю к его близкому окружению. Скорее всего, почитание Исаяи, как и некоторых других подвижников середины IX в., не утвердилось из-за утраты большинства агиографических памятников круга Мефодия (подробнее см. в Приложении II).

²¹³ - Город в Вифинии, ныне Измит.

²¹⁴ - Прп. Иоанний Великий (ок. 753–846, память 4 ноября) – один из самых прославленных святых своего времени, Иоанний был в юности свинопасом, поступил в армию, но затем покинул ее и стал отшельником на Олимпе Вифинском. До нас чудом дошло Житие Иоанния, написанное монахом Петром, – один из очень немногих сохранившихся агиографических текстов, созданных под покровительством Мефодия (*Petri Vita Ioannicii*). Из этого произведения мы узнаем, что святой находился в довольно остром противостоянии со студитами, в частности, потому, что те скептически относились к его пророческому дару, которым преподобный был особенно знаменит. Неудивительно, что патриарх Мефодий рассматривал Иоанния как одну из своих надежнейших опор и ссылался на его авторитет в таких важных вопросах, как низложение иконоборческих священников. Корни противостояния Иоанния и студитов были, вероятно, еще глубже – последним, как поборникам организованного киновийного монашества, не мог особенно импонировать нерегламентированный образ жизни отшельников Олимпа, ярчайшим представителем которых и был Иоанний.

²¹⁵ - Св. патриарх Константинопольский Никифор I (806–815, ум. в 829 г., память 14 июня) сыграл выдающуюся роль в борьбе за укрепление позиций патриаршего престола и против второго иконоборчества. С самого начала своего патриаршества Никифор проводил политику централизации Церкви, с тем

чтобы создать реальный противовес вмешательству государства в церковные дела. Его попытки ликвидировать внутрицерковную оппозицию не были вполне успешны, однако они заложили основание для возвышения патриаршей власти в будущем. Крупнейшим успехом патриарха можно считать то, что при возобновлении иконоборчества в 814–815 г. императору Льву V и его сторонникам не удалось внести раскол в православную оппозицию, а это в конечном счете и обрекло на неудачу все предприятие. До самого избрания Мефодия в 843 г. православные никогда не признавали иного законного патриарха, кроме Никифора, и после воцарения Михаила II в конце 820 г. возвращение Никифора на престол было одним из непеременимых условий церковного примирения, выдвинутых иконопочитателями. Такое же условие поставил перед Михаилом и папа Пасхалий. С политической точки зрения Никифор принадлежал к той же группировке, что и патриархи Тарасий (784–806), Мефодий и Фотий. В 847 г. Мефодий организовал торжественное перенесение мощей Никифора из места его ссылки в столицу, сознательно подчеркивая параллель между ним и свт. Иоанном Златоустом – также Константинопольским патриархом, пострадавшим от несправедливых действий императоров.

²¹⁶ - Прп. Феодор Студит (759–826, память 11 ноября) происходил из знатного константинопольского рода. В 780 г. он принял монашество в семейном монастыре Саккудион, игуменом которого был его дядя Платон. В 794 г. он сменил Платона на посту игумена, а в 799 г. монахи под предводительством Феодора восстановили древний Студийский монастырь в Константинополе, который вскоре превратился в один из крупнейших центров византийского монашества. Феодор и его семейство были сторонниками императрицы Ирины (780–803), которую они поддерживали против ее сына Константина VI (правил самостоятельно в 790–797 г.), однако только игумен зашел настолько далеко, что разорвал общение с патриархом Тарасием под тем предлогом, что последний разрешил Константину развестись с женой Марией и обвенчаться с Феодотой (двоюродной сестрой Феодора и

фрейлиной Ирины). Тогда и впоследствии Феодор отстаивал право авторитетных людей Церкви обличать любые действия вышестоящего священноначалия, которые они сочтут неправомерными, из-за чего вступил в острый конфликт с патриархом Никифором (т. н. михианская схизма 808–811 г.). Однако перед лицом решительных действий Льва V, направленных на подчинение Церкви императорской власти, Феодор без колебаний встал на сторону Никифора, не дав иконоборцам возможности использовать в своих целях разногласия между ним и патриархом. Феодор был величайшим реформатором монашеской жизни в Византии. Именно к его уставам восходит практика киновийного монашества. Кроме того, при нем Студийский монастырь с его школами и скрипторием стал средоточием книжности. Не исключено, что хорошо документированные для последующего времени связи этой обители со славянскими землями восходят еще ко времени жизни Феодора (см. Гюзелев В. Студийский монастырь и болгарите през средновековието (VIII-XIV в. // Сборник радова Византолошког института, 39, 2001/2002, с. 51–67).

²¹⁷ - О патриархе Мефодии см. выше в гл. II.

²¹⁸ - Преп. Михаил (ок. 761–846, память 4 января) был по рождению арабом («персом» по выражению его Жития). Он принял монашество в Лавре Саввы Освященного ок. 786 г., был рукоположен в священники, а в 811 г. стал синкеллом патриарха Иерусалимского. В 813 г. патриарх Фома послал его в Рим просить финансовой поддержки. Михаил должен был также способствовать улаживанию доктринального спора, возникшего в Палестине из-за того, что некоторые западные монахи добавляли к символу веры filioque. По пути Михаил остановился в Константинополе, где подвергся преследованиям за иконопочитание со стороны Льва V, который как раз в это время начал свои мероприятия против священных изображений. Новые гонения ожидали его при императоре Феофиле. После восстановления иконопочитания Михаил стал синкеллом патриарха Мефодия и игуменом монастыря Хора.

²¹⁹ - Преп. Феофан Исповедник (ок. 760–817, память 12 марта) происходил из высокопоставленной семьи и сам начал

придворную карьеру при Льве IV (775–780), однако затем вместе с женой принял монашество и основал монастырь Мегас Агрос (букв. «Великое Поле»; так же и в церковнославянских переводах) на горе Сигриани на южном побережье Пропонтиды. Феофан известен главным образом своей «Хронографией», которая, будучи продолжением труда его друга Георгия Синкелла, охватывает период от Диоклетиана до воцарения Льва V (813 г.). Феофан поддерживал Тарасия и Никифора против Феодора Студита, а затем отказался повиноваться Льву V, за что был сослан на о. Самофракия, где и умер. Продолжатель Феофана даже приписывает ему некие ямбы против еретиков (см. Главу I). Впоследствии император Константин VII Багрянородный считал себя родственником Феофана по материнской линии. Перу патриарха Мефодия принадлежит одно из Житий Феофана Исповедника (Methodii Vita Theophanis), а Феодор Студит написал Похвалу в его честь (Theodori Studitae Laudatio Theophanis).

²²⁰ - Братья преп. Феодор (ок. 775–841 или 842, день памяти 27 или 28 декабря) и Феофан (ок. 778–845, память 11 октября) Начертанные (Graptoi) – палестинские монахи, ученики Михаила Синкелла. Прибыли в Константинополь вместе с ним в 813 г., также подверглись репрессиям при Льве V и впоследствии при Феофиле. Последний приказал вытатуировать на лбу у обоих братьев обличительное стихотворение, отчего они и получили свое прозвище. Довольно малоинформативное Житие Феодора, составленное Симеоном Метафрастом, сохранило, тем не менее, уникальный документ – письмо самого Феодора, в котором тот подробно описывает суд над ним и его братом Феофаном под личным председательством Феофила. Феофан Начертанный, рукоположенный в 843 г. митрополитом Никейским, прославился также как плодовитый поэт-гимнограф.

²²¹ - Титул августы носили в Византии жены правящих императоров, однако он давался не автоматически, а через особую церемонию коронования.

²²² - Халиф аль-Мутасим взял Аморий, столицу крупнейшей азиатской фемы Анатолик, 15 августа 838 г., то есть не на

пятый, как здесь сказано, а на девятый год правления Феофила. Поход аль-Мутасима был предпринят в отместку за то, что Феофил годом раньше разорил родной город халифа Запетру (Созопетру), истребив там все мусульманское население. После поражения императора при Дазимоне в Аморий сконцентрировались войска нескольких фем Малой Азии, однако арабам удалось проникнуть в город благодаря предательству. Хотя падение Амория явилось для Византии настоящей военной катастрофой, слабеющий Халифат не смог воспользоваться ее последствиями.

²²³ - Интерполированная версия Повести делает здесь вставку: «примерно четырнадцать тысяч». Как Продолжатель Феофана, так и арабские источники не подтверждают того, что такое множество пленников достигло Сирии. С другой стороны, последние говорят о том, как арабы обезглавили несколько тысяч пленных христиан на обратном пути, поскольку из-за недостатка воды не могли вести их дальше.

²²⁴ - Военачальники византийской армии, попавшие в плен после взятия г. Амория. Они были доставлены в тогдашнюю столицу халифата Самарру и брошены в темницу, где содержались в очень тяжелых условиях в течение почти семи лет, стойко перенося все тяготы. Между тем, все предложения византийцев о выкупе или обмене отвергались. В ту же темницу был позже заточен и св. Каллист, которого захватили в плен и передали арабам павликиане. Преемник аль-Мутасима аль-Ватик (842–847) решил принудить пленников к переходу в ислам, но те решительно отказались, не поддавшись ни на какие соблазны. Мученики были казнены 6 марта 845 г. Кроме вышеназванного Каллиста Мелиссина, спафария и правителя области Колония, известны имена следующих Аморийских мучеников: патрикий Константин, нотариий Константин, Феофил, Васой, особо отличившийся в прениях с мусульманами, и евнух-протоспафарий Феодор Кратер. См. Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / изд. В. Г. Васильевский и П. В. Никитин // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению, т. VII, ч. 2. СПб, 1905.

²²⁵ - Весь этот пассаж заимствован из хроники Георгия Амартола, где в целях риторической аккумуляции допущен очевидный анахронизм. На самом деле Крит был скорее всего захвачен арабами около 827–828 г. (хотя Генесий (р. 32,81–33,27) и Продолжатель Феофана (р. 73,13–76,7) говорят, что это произошло во время восстания Фомы Славянина, т. е. между 821 и 823 г.), а в Сицилию они вторглись в 826 г., то есть эти события в любом случае произошли в правление отца Феофила, Михаила II. Кикладские острова были разорены арабами после поражения стратига фемы Кивирреотов Кратера в конце 828 г., но еще до смерти Михаила II (ThC, р. 81,6–12).

²²⁶ - Автор Повести, по-видимому, рассматривал KanikleioV как прозвище, но в действительности это была должность Феоктиста – ο ἐπί τοῦ κανικλείου, то есть канцлер. Патрикий Феоктист, занимавший высшие должности в империи еще при Михаиле II, являлся фактическим регентом в правительстве Феодоры до 20 ноября 855 г., когда он был убит по приказу молодого императора Михаила III (настоящим организатором и непосредственным исполнителем убийства был брат Феодоры кесарь Варда).

²²⁷ - Энколпием в искусствоведении принято называть открывающуюся икону, внутри которой помещались частицы мощей. Однако по происхождению слово egkolpion означает предмет, который носят за пазухой, т. е. нательный крест или икону. В Житии Никиты Мидийского (30-е гг. IX в.) упоминается istorismenon egkolpion, что может в данном контексте означать лишь «крест с изображениями».

²²⁸ - Эпитет aeimnhstoV применительно к Феодоре, указывающий на то, что в момент написания Повести она была уже покойной, служит твердым terminus post quem для нашего текста.

²²⁹ - Наиболее авторитетные современные исследования показывают, что самом деле Михаилу было 2 года, когда он воцарился и, соответственно, три, когда было восстановлено почитание икон (см. Mango, When was Michael III born?). Как можно видеть, ошибки в хронологии вообще характерны для этого сочинения.

²³⁰ - В оригинале игра слов MeqodioV – meqodeian.

²³¹ - Весьма вероятно, что это в действительности отшельник Арсакий, живший в IV в. Он жил в Никомидии в башне, а память его празднуется в один день со св. Диомидом (16 августа – см. Acta Sanctorum Augusti, sub die 16).

²³² - Присутствие в данном списке не только Арсакия, но и Феодора Студита (ум. 826), Феофана Исповедника (ум. 818) и Феодора Начертанного (ум. до 843 г.) делает его откровенно анахронистичным. Вместе с тем, выражение «до смерти» наводит на некоторые размышления. Если автор Повести перерабатывал какой-то несохранившийся источник (письменный или устный), есть вероятность, что там описывалось, как покойные православные исповедники присоединились к молитве живых, а в нашем тексте, создававшемся несколько десятилетий спустя, те и другие перемешались. Нельзя исключать и влияние подобного же списка, помещенного выше. Здесь из него по вполне понятной причине оказался исключенным лишь патриарх Ннкифор. Примечательно также то, что Арсакия в первом списке нет.

²³³ - Эта колонна до сих пор стоит на своем месте в Константинополе.

²³⁴ - То есть по улице Меса («Средняя») от форума Константина к Большому императорскому дворцу.

²³⁵ - Медные ворота или ворота Халки – парадный вход в Большой императорский дворец, располагавшийся недалеко от храма св. Софии на площади Августеон. Ворота эти, получившие название или из-за своей бронзовой крыши, или из-за бронзовых порталов, представляли собой в действительности целое здание с куполом, использовавшееся в разные периоды для различных целей – как тюрьма, судебное присутствие и т. п. Классическая монография по Халки: Mango, The Brazen House.

²³⁶ - Весьма интересная сцена. Судя по контексту, «великий и страшный муж» не может быть никем иным, кроме Самого Христа. Получается, что Христос творит суд перед Своей собственной иконой. Икона Христа над воротами Халки – один

из самых знаменитых образов Спасителя. В 726 или 730 г. император Лев III приказал убрать или уничтожить эту икону, что послужило символическим началом иконоборчества. Поскольку истории, связанные с этим эпизодом (напр., Деяния десяти мучеников Константинопольских (*Acta Martyrum Constantinopolitanorum*) или Житие прп. Феодосии (см. Afinogenov, A mysterious saint)) в основном относятся к более позднему времени и содержат много легендарных элементов, некоторые ученые сомневаются в его реальности и даже вообще в наличии на воротах изображения Христа ко времени Льва III (см. Auzepy M.-F., *La destruction de l'icone du Christ de la Chalce par Leon III: propagande ou realite? // Byzantion*, 60, 1990, p. 445–492.). Наши исследования, однако, показали, что источник, в котором впервые появилась информация о снятии иконы по приказу Льва, был создан не позднее 787 г., а скорее всего, даже несколькими годами раньше, то есть максимум через 60 лет после событий, когда в Константинополе наверняка еще оставались очевидцы (см. Afinogenov, A Lost 8th Century Pamphlet). Таким образом, маловероятно, чтобы эта история могла быть чистым вымыслом. Как бы то ни было, сами византийцы в 80-х гг. VIII в. были убеждены, что до Льва III икона на воротах находилась, потому что помещение ее туда императрицей Ириной описывалось именно как восстановление. В 814 г. император Лев V вновь приказал снять образ, что опять-таки было расценено всеми как символ возобновления иконоборчества. Наконец, вскоре после 843 г. изображение было восстановлено в мозаике, по легенде – иконописцем Лазарем. Икона Христа Халкита прочно связывалась в сознании византийцев с идеей суда – именно поэтому она и фигурирует в этом эпизоде Повести, хотя по сюжету как раз в тот момент ее на воротах быть не могло.

²³⁷ - Индития – алтарный покров, обычно расшитый изображениями.

²³⁸ - В Византии – двери, ведущие из притвора (нартекса) в основное помещение храма (наос).

²³⁹ - Феофил действительно капитально отремонтировал приморские стены Константинополя, на которых в некоторых

местах до сих пор сохранились соответствующие надписи. См. также Приложение I.

²⁴⁰ - От храма Богородицы во Влахернах в настоящее время сохранилась лишь одна стена. В более позднее время (начиная с X в.) именно там начиналось празднование Торжества Православия. Влахерны были единственным участком на суше, который не прикрывала стена Феодосия. Поэтому различные императоры, в том числе и Феофил, в разное время проводили работы по укреплению этого района.

²⁴¹ - Изначально *praepositus sacri cubiculi*, т. е. главный императорский камердинер. В описываемое время препозит был начальником дворцовых евнухов – весьма высокий пост в придворной иерархии.

²⁴² - Вот как передает этот эпизод сборник рассказов о достопримечательностях Константинополя, т. н. *Patria*: Церковь Богородицы Каравицы («Кораблик») построил Михаил. А названа она была так потому, что была одна женщина, вдова, во времена его отца Феофила, и Никифор, его препозит, захватил у нее очень большое судно. И эта женщина, много жалуясь Феофилу, оставалась без удовлетворения, потому что Никифор ей препятствовал. Она же, будучи в затруднительном положении, попросила кое-кого из комедиантов Ипподрома, и те обещали решить ее дело посредством некоей уловки. Комедианты сделали маленький кораблик с парусом и, поставив его на колесную тележку, во время игр (*irrikou lapanikou*) на Ипподроме поместили его перед императорской ложей, и один другому кричит: «Давай, проглоти его!». А когда тот возразил, что, мол, «не могу этого сделать», первый снова сказал: «Никифор препозит у вдовы корабль груженым проглотил, а тебе не под силу этот слопать?» Они это делали и говорили друг другу, чтобы открыть императору о корабле вдовы. Поняв это, император спросил: «Женщина еще не получила удовлетворения иска?»; и когда женщина пала к его ногам (ибо она стояла на ступеньках), он, сильно разгневавшись, приказал протоспафарию и епарху Феодору по прозвищу Мигиарис навалить поленья и хворост в сфендоне, схватить препозита и тут же его сжечь вместе с его облачением; что и было

немедленно сделано. А женщина получила назад свое и многое из его имущества. И из-за того, что женщина жила там в мраморном доме в квартале Мавриана, то место называли Каравици (Scriptores originum, III, 28; p. 223, 7–225, 2). Овощными играми в Византии назывались представления на Ипподроме во время празднования Дня основания Константинополя 11 мая, когда народу раздавали овощи и рыбу, причем последнюю – с корабля, поставленного на повозку (см. Berger A. Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos. Bonn, 1988, S. 451; Dagron G. Constantinople imaginaire: Etudes sur le recueil des Patria. P., 1984, p. 167). Епарх Феодор Мигиарис по другим источникам неизвестен. Сфендона – закругление беговой дорожки на дальней оконечности Ипподрома.

²⁴³ - Квестор в VIII-IX в. – одна из высших судебных должностей. В его компетенцию входил, в частности, надзор над приезжими и нищими в Константинополе, разбор споров между съемщиками и сдатчиками помещений и т. п. Таким образом речь здесь идет, вероятно, не о собственных беззакониях этого чиновника, а о ненадлежащем исполнении служебных обязанностей.

²⁴⁴ - Магистр – одна из высших должностей империи, по происхождению связанная скорее с позднееримским *magister militum*, нежели с *magister officiorum*. Роль, которую могли играть магистры в управлении государством, наглядно видна из описания Феофаном Исповедником ситуации, сложившейся после гибели императора Никифора и тяжелого ранения его сына Ставракия в 811 г. (Theophanis Chronographia, p. 492, 29). Тогда именно магистр Феоктист и domestik Стефан приняли решение о возведении на престол Михаила I Рангаве.

²⁴⁵ - В IX в. тема Опсикий со столицей в Никее включала в себя почти весь северо-запад Малой Азии.

²⁴⁶ - Согласно Продолжателю Феофана (ThC, p. 87,9–88,3), эти процессии устраивались специально для того, чтобы любой человек, имеющий судебный иск, мог просить правосудия непосредственно у императора. Наряду с этим Феофил также проверял цены на товары в лавках (они располагались в общественном портике вдоль ул. Месы, по которой и проходил

маршрут императора из Большого дворца во Влахерны и обратно).

²⁴⁷ - Командир одного из гвардейских подразделений (тагм), расквартированных в столице (вигла от лат. *vigilia*, т. е. «стража»). В обязанности этой тагмы входила личная охрана императора.

²⁴⁸ - Georgius Monachus, p. 798,1–7.

²⁴⁹ - BioV thV autokrateiraV QeodwraV, s. 263, 11–16.

²⁵⁰ - PolithV L. KatalogoV ceirograjwn thV eqnikhV biblioqkhV thV ElladoV. Ar. 1857–2500. Aqhnaí, 1991.

²⁵¹ - Датировка Л. Политиса, любезно сообщенная заведующей отделом рукописей Национальной Библиотеки в Афинах г-жой Кордули.

²⁵² - Согласно Б. Л. Фонкичу. Ср. также Devreesse, Le fonds Coislin, s. n. 6.

²⁵³ - См. Ehrhard, *Überlieferung und Bestand*, Bd. III, S. 223.

²⁵⁴ - Палеографическая и кодикологическая экспертиза выполнена Б. Л. Фонкичем.

²⁵⁵ - Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей московской Синодальной (патриаршей) библиотеки: Рукописи греческие. М., 1894, № 395; Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи синодальной библиотеки. М., 1993, с. 130.

²⁵⁶ - Katekamjḡh – возможно, искажение первоначального katekauḡh, так как рукописи группы а и В дают ekauiḡh, а фонетически katekamjḡh и katekauḡh в среднегреческом произношении почти не отличались. Л. 57b – *wsper snouV eremponto*. Видимо, выражение было не совсем понятно переписчикам – отсюда многочисленные разночтения.

²⁵⁷ - Grumel, *Chronologic des patriarchies*, p. 162–166.

²⁵⁸ - Treadgold. *The Chronological Accuracy*, p. 178–179.

²⁵⁹ - См. классическую работу Манго: Mango, *The Availability of Books*.

²⁶⁰ - См. Theophanis Presbyteri Narratio.

²⁶¹ - Petri Vita Ioannicii, 417B–420C = Nicephori Apologeticus de sacris imaginibus // PG 100, 580C-592A.

²⁶² - См. Афиногенов, «Обличение и опровержение».

²⁶³ - То, что Георгий использовал несокращенную версию, можно видеть даже из второй редакции хроники (т. н. вульгаты). На знаменитой аудиенции в императорском дворце 25 декабря 814 г. патриарх Никифор спрашивает собравшихся сановников: «Пали при Льве и Константине Исаврийских святые иконы, или нет?». Получив утвердительный ответ, он говорит: «Стало быть, они, конечно, стояли (oukoun istanto pantwV)», Georgius Monachus, p. 779,4. Этой ремарки нет в сохранившемся (сокращенном) греческом тексте, но она присутствует в церковнославянском переводе: да оуже оубо стояху. Славянская версия также содержит историю о сие императора Льва V (см. ниже).

²⁶⁴ - Как установлено проф. Я. У. Русенквистом на основе выполненного мною обратного перевода с церковнославянского, весь эпилог Жития Никиты, сохранившийся только в русских четых минеях, был полностью заимствован Петром лишь с минимальными изменениями, в основном относящимися к священному сану Никиты (Иоанникий такого сана не имел).

²⁶⁵ - The Life of the Patriarch Tarasios, ch. 67, p. 163–164. Соответствующее место в Житии Никиты: Великие Минеи Четий, апрель, 92 (славянская пагинация), и у Георгия Монаха: Летовник, л. 358.

²⁶⁶ - Однако, в противоположность общепринятому мнению, я полагаю, что заимствования из Феофана (в отличие от параллелей с его сочинением) ограничиваются периодом от Льва IV до Михаила I (775–813 г.). Относительно заимствований из Игнатия см. testimonia издателя Де Боора, Georgius Monachus, p. 788 и 792.

²⁶⁷ - Как показано С. Манго: The Two Lives of St. Ioannikios.

²⁶⁸ - См. Афиногенов, Церковнославянский перевод Жития Никиты.

²⁶⁹ - Как я пытаюсь доказать в: Afinogenov, A Lost 8 th Century Pamphlet.

²⁷⁰ - См. Фонкич Б. Л. О датировке и происхождении парижского списка «Хронографии» Феофана (Cod. Paris, gr. 1710) // Византийские очерки М., 1996, с. 183–186; Yannopoulos P. Les vicissitudes historiques de l'Chronique de Theophane // Byzantion, 70, 2000, p. 527–553, p. 539.

²⁷¹ - Ibid., p. 544.

²⁷² - Май: Повесть о св. Арсении под 8-м числом (= Georgius Monachus, p. 567,1–574,10); Декабрь: история о свт. Амвросии и императоре Феодосии (= ibid., p. 557, 25–559, 6 576, 22–580, 20).

²⁷³ - Цитируется по Волоколамской минее последней четверти XV в. (РГБ, ф. 113, № 199 (597), л. 167а).

²⁷⁴ - См. Canart P. Cinq manuscrits transferees directement du monastere de Stoudios r celui de Grottaferrata // Bizancio e l'Italia. Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi, Milan, 1982, p. 22–28.

²⁷⁵ - Ehrhard, Uberlieferung und Bestand, Bd. I, S. 576–577.

²⁷⁶ - Hutter I. Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften, Stuttgart, 1977, III, S. 237.

²⁷⁷ - Это вытекает из изучения рукописной традиции Жития Порфирия Газского Марка Диакона. См. Афиногенов, Церковнославянский перевод Жития св. Порфирия.

²⁷⁸ - См. Афиногенов, Житие Феодора Сикеота.

²⁷⁹ - Devreesse, Le fonds Coislin, p. 288.

²⁸⁰ - Nissen Th. Das Enkomion des Theodores Studites auf den hi. Arsenics // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 1, 1920, S. 246–262.

²⁸¹ - Sabae Vita Ioannicii, p. 333.

²⁸² - См. Photii Bibliotheca. cod. 66, 164AB.

²⁸³ - См. Darrouzes, Le patriarche Methode, p. 51, 216–220 и Афиногенов, Константинопольский патриархат, с. 106.

²⁸⁴ - Photius, Epistulae et Amphilochia, Ep. 98, 42–43. Наблюдение принадлежит П. Александру: Alexander, The Patriarch Nicephorus, p. 148.

²⁸⁵ - Имеются в виду святители Евфимий Сардский, Феофил Эфесский и Емилиан Кизический.

²⁸⁶ - Святители Феофилакт Никомидийский, Петр Никейский, Михаил Синадский и Иосиф Фессалоницкий – также исповедники во время второго иконоборчества.

²⁸⁷ - Иоанн и Георгий – несомненно, святители Георгий Митилинский и Иоанн Сардский. Относительно Николая полной ясности нет.

²⁸⁸ - Прп. Феофан Исповедник именовался также Исаакием.

²⁸⁹ - Т. е. тем, кто считает, что Христос воплотился призрачно.

²⁹⁰ - Три Константинопольских патриарха времен первого иконоборчества: Анастасий Синкелл (730–754), Константин Силлейский (754–766) и Никита Славянин (766–780).

²⁹¹ - Патриархи Константинопольские Феодот Касситера (815–820), Антоний Кассимата (821–837) и Иоанн Грамматик (837–843).

²⁹² - Иконоборческий собор 754 г. в Иерии.

²⁹³ - Намек на многолетия Иерийского собора, где Лев III и Константин V восхвалялись как «избавившие нас от идолов» (Mansi, XIII, 353C).

²⁹⁴ - См. PanagiwtopoulosV, O oikoumenikoV patriarchV, s. 31–35.

²⁹⁵ - Букв. «Гусиный ров». Как следует из синаксарной заметки на 14 января, монастырь был основан преп. Стефаном Хинолакским при Льве III Исавре (717–741).

²⁹⁶ - Игра на значении имени Феофил – букв. «боголюбивый».

²⁹⁷ - Схолия к этой строке: это установлено недавно.

²⁹⁸ - Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вт. пол. XIV–XVI в.) Ч. 2. Л., 1989. С. 18–20. См. также Попов А. Обзор древнерусских хронографов русской редакции. Вып. 1. М., 1866. С. 1–95; Вилинский С. Сказание о Софии Цареградской в Еллинском летописце и в Хронографе // ИОРЯС 1. 8. Кн. 3. СПб., 1903. С. 1–43; Лихачев Д. С. Еллинский

летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // ТОДРЛ Т. 6. М.-А, 1948. С. 100–110; Кучкин В. А. Один из источников Еллинского летописца второго вида // ВВ. Т. 27. 1967. С. 319–324; Класс Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 370–379; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л, 1975; Летописец Еллинский и Римский / Под ред. О. В. Творогова. Т. 2: Комментарий, исследование, указатели. СПб., 2001.

²⁹⁹ - О. В. Творогов предположил, что все эти сказания, добавленные к первоначальному тексту Архетипной редакции, входили в состав «конвоя» Хронографа по великому изложению третьего вида. См. Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 68.

³⁰⁰ - Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 446–447.

³⁰¹ - Попов А., Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Т.1. С. 88–89.

³⁰² - Regel W. *Analecta Byzantino-Russica*. Petersburg, 1891. P. XI-XII.

³⁰³ - В новейшем комментарии к изданию Еллинского летописца в качестве источника Сказания предлагается текст, изданный Регелем, и таким образом повторяется его мнение о взаимоотношениях греческих и русских текстов Сказания о Феофиле. См. Летописец Еллинский и Римский / Под ред. О. В. Творогова. Т. 2: Комментарий, исследование, указатели. СПб., 2001. С. 173.

³⁰⁴ - *Tusculum-Lexikon*. Muenchen, 1982. S. 852.

³⁰⁵ - Попов Г. Новооткрито сведение за преводаческа дейност на бългaрски книжовници от Света Гора през първата пол. на XIV в. // Български език 1978. Кн. 5. С. 402–410.

³⁰⁶ - Карабинов И. Постная Триодь. СПб., 1910. С. 230; Момина М. А. Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Т. 37. 1983. С. 32–33.

³⁰⁷ - Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 449.

³⁰⁸ - Критического издания текста до сих пор не существует. Мне были доступны две рукописи, хранящиеся в РГБ: собр. Румянцева № 453 и собр. Ундольского № 719.

³⁰⁹ - Сохранилось в сборнике конца XIV в., собр. Тр.-Серг. Лавры, № 9; опубликовано Е. Петуховым в ст. К вопросу о Кириллах-авторах // ИОРЯС. Т. 42. Вып. 3. С. 8–12.

³¹⁰ - Ср. Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. С. 112–113: «Последний отдел в помянниках – отдел повестей и сказаний. Заметим, что ни одна повесть не повторяется дословно в разных списках, разнообразие редакций в этом отношении не может быть подведено к одному типу. Самые обычные и повторяющиеся повести и сказания: ... О царе Феофиле, спасенном молитвами царицы Феодоры. Более подробная редакция этого сказания находится в Румянц. Музее (Ундольского 154), краткая редакция – в Имп. Публичн. Библиотеке, Толстовский список Синодика»; Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV-XVII веков (на материале Синодика). München, 1990. С. 141: «В разных списках Синодика встречаются варианты данного отрывка из синаксаря. Так, например, в списке ЦГАДА ф.181 № 633 встретился вариант наиболее полный».

³¹¹ - Летописец Еллинский и Римский. Спб., 1999. Т. 1: Текст. С. 446–447.

³¹² - Летописец Еллинский и Римский. Спб., 1999. Т. 1: Текст. С. 448–452.